

В. ХИНЦ

ГОСУДАРСТВО ЭЛАМ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

9(M)03
X47

Walther Hinz
DAS REICH
ELAM
Stuttgart, 1964

Перевод с немецкого
Л. Л. ШОХИНОЙ

Ответственный редактор
Ю. Б. ЮСИФОВ

Книга В. Хинца посвящена истории Элама, а также ранней письменности, культуре, праву, религии. Автор в ряде случаев по-новому освещает некоторые вопросы Элама, дает перевод терминов и текстов, предлагает новую хронологию для ряда династий.

X $\frac{10603-107}{013(02)-77}$ 122-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Русский перевод моей небольшой книги «Государство Элам», изданной в 1964 г. в Штутгарте издательством В. Колхаммера, является для меня радостным событием.

С 1964 г., т. е. года выхода моей книги, в Западной Европе и в США также появился ряд важных исследований. По возможности я включил в русский перевод новые результаты этих исследований. Речь идет о следующих произведениях.

В 1965 г. Фридрих Вильгельм Кёниг (Вена) опубликовал свой обширный труд «Эламские царские надписи» (Грац, 228 стр., 44 фото). Так как я для своих эламских трудов сам обработал необходимые мне документы и затем использовал их в своей книге, то это издание не вызвало никаких достойных упоминания изменений в моей книге.

Р. Гиршман (Париж) выпустил в 1966 г. 39-й том известных «Mémoires de la Délégation Archéologique en Iran», посвященный развалинам Чога-Замбия, и в частности ступенчатой башне (зиккурату). В том же году Пьер Амье опубликовал роскошное издание под названием «Элам» с 435 иллюстрациями, отображающими эламские сокровища, хранящиеся в Лувре.

В 1967 г. в статье в «Журнале по ассириологии» я подробно разобрал эламский договор, заключенный между царем Хитой и Нарам-Сином из Аккада около 2280 до н. э. В том же году в 41-м томе «Mémoires...» появился разбор М. Стевом всех эламских и аккадских надписей из Чога-Замбия. Так как мне, однако, эти тексты уже были знакомы из предварительных публикаций в журнале «Iranica Antiqua», то эта важная публикация также не вызвала значительных изменений в моей книге.

В 1968 г. в Москве из-под пера Ю. Б. Юсифова появилось очень серьезное исследование по социальной и экономической истории Элама — «Элам. Социально-экономическая история» (М., 1968).

Ряд его исследований, посвященных истории права, социальной и экономической истории Элама, вышли уже после появления моей книги. Однако результаты этих исследований согласно моей просьбе учтены в данном переводе. В том же году Р. Гиршман опубликовал в 40-м томе «Mémoires...» описание священного округа в Чога-Замбиле, а также имеющихся там храмов, дворцов и гробниц.

В 1969 г. в «Handbuch der Orientalistik» («Руководство по ориенталистике»), вышедшей в Лейдене, Эрика Райнер (Чикаго) впервые поместила статью об эламском языке. Сам я в первой главе моей книги «Altiranische Funde und Forschungen» («Древнеиранские находки и исследования») [Берлин, 1969] поместил фото эламской серебряной вазы с надписью XXIII в. до н. э. Наконец, в 1969 г. в Чикаго, появилась долгожданная книга Ричарда Т. Халлока (Чикаго) «Persepolis Fortification Tablets», содержащая 2 тыс. эламских табличек периода царствования великого Дария.

Так, год за годом появляются все новые источники по загадочной стране Элам. Поэтому новое издание моей книги может явиться лишь попыткой отобразить современное положение исследования этой страны. Новые находки, которые, несомненно, появятся, позволят в будущем воспроизвести еще более точную картину истории Элама.

Вальтер Хинц
Геттинген

ПРЕДИСЛОВИЕ

Единственной авторитетной книгой по истории Элама была до сих пор «История древнего Ирана» Дж. Камерона, изданная в Чикаго в 1936 г. и готовящаяся к новому изданию. Однако она ограничивается лишь политической историей Элама. Можно еще упомянуть статьи Рене Лаба в новом издании «Кембриджской древней истории». На немецком языке ничего равноценного до сих пор по этому вопросу не издавалось, если не считать «Историю Элама» Ф. В. Кенига, опубликованную в 1931 г. Она очень небольшая по объему — всего 38 страниц — и ныне значительно устарела.

В представленной книге впервые делается попытка заполнить пробел в отношении истории государства Элам. В ней рассматриваются не только внешнеполитические события, но и то, что нам удалось до сих пор узнать о культуре Элама: его языке и письменности, его религии, праве и искусстве. Правда, из-за скудости источников и в связи с большими трудностями в их расшифровке многое остается нам еще неизвестно.

В датировке истории Двуречья я использовал чаще всего «Кембриджскую древнюю историю»; даты по Эламу я в основном разработал сам. За разносторонние консультации в области клинописи я приношу самую искреннюю благодарность моему коллеге из Геттингенского университета Р. Боргеру. Администрации Лувра в Париже я приношу благодарность за их согласие на опубликование фотокопии с эламских памятников.

Вальтер Хинц

Геттинген, октябрь 1964 г.

ВВЕДЕНИЕ

Современный интеллектуал довольно хорошо знаком с историей Шумера и Вавилонии, знает о хеттах и ассирийцах, о мидянах и персах. Элам же остается окутанным неизвестностью, и это несмотря на то, что среди народов древнего Ближнего Востока эламиты имели более чем двухтысячелетнюю историю и очень своеобразную культуру. Правда, история Элама — нынешнего юго-запада Ирана — раскрывается перед исследователем с большим трудом. «Эламиты с величайшей скупостью выдают свои тайны», — сетовал французский ученый М. Стев после того, как он расшифровал тысячу табличек с надписями [17, стр. 22]. Не последнюю роль в скудости наших знаний по Эламу играет эламский язык; он относится к самым сложным, до сих пор не поддающимся дешифровке языкам, известным науке.

То, что западному просвещенному обществу стало знакомо по крайней мере название «Элам», оно обязано Библии. Не менее двенадцати раз Элам упоминается в Ветхом завете и один раз также в Новом завете. Так, в Деянии апостолов (2, 9) написано, что среди иудеев — свидетелей происшествия в 30 г. в день праздника Троицы в Иерусалиме — присутствовали и некоторые из Элама. Хотя в первой Книге Моисея (10, 22) Элам и значится как «сын Сима», однако здесь имеется в виду чисто географическое понятие Элама, поскольку эламиты, населявшие равнины, граничившие с Двуречьем, долгое время находились под господством семитов и частично смешались с ними.

В другом месте той же книги (Моисей I, 14, 1) упоминается и царь Кедор-Лаомер из Элама. Это имя по-эламски звучит Кутир-Лагамар и означает: «[Богиня] Лагамар — покровительница». Однако имя этого царя до сих пор не засвидетельствовано надписями.

Достоин внимания следующее место в Книге Даниила (8, 2): на третьем году правления вавилонского наследного царевича Балтасара¹ т. е. около 543 г. до н. э., у пророка Даниила было «видение» «в укрепленном замке в Сузах, в стране Элам» и архангел Гавриил объяснил ему «между двумя притоками реки Улай» смысл видения². За две с половиной тысячи лет, прошедших со времени того события, древняя почтенная столица Сузы на р. Улай превратилась в скромную деревню Шуш на Шауре. Однако мавзолей, являющийся, по преданию, гробницей Даниила — святыня для мусульман и недоступный для христиан, — до сих пор выделяется своей своеобразной сотоподобной остроконечной башней (фото 1).

Восточная граница Шуша вплотную подходит к массивным глиняным холмам, растянувшимся в длину на многие сотни метров и достигающих местами в высоту свыше 40 м. Эта насыпь — все, что осталось от прежнего мирового города. На месте бывшего сузского храма-цитадели с 1897 г. возвышается внушительное здание, построенное в стиле старинного замка-крепости, — здесь расположились ученые французской археологической экспедиции (фото 2). Постройка подобной крепости диктовалась в свое время крайней необходимостью: место было беспокойным, население относилось к «франкам» (европейцам) не очень дружелюбно. Первым это испытал на себе англичанин В. К. Лофтус, который пытался в 1850 г. обмерить руины. Его вынудили отказаться от своего намерения. С 1884 по 1886 г. французы Марсель Дьелафуа и его талантливая жена Жанна все же приступили к раскопкам в Сузах. Их примеру последовал в 1889 г. их земляк Дж. Морган. С тех пор как в 1897 г. французское правительство добилось от шаха некоторых льгот на ведение раскопок, французские археологи почти непрерывно занимались ими в Сузах: до 1913 г. — Дж. Морган, затем — Ролан Меккенем, а в 1946 г. —

¹ В Книге Даниила (8,2) это имя передано в форме Балтасара, который назван царем Вавилонии. Вероятно, речь идет о сыне последнего вавилонского царя Набонида (556—539 гг. до н. э.) — Белшаррусуре, казненного Киром II в 539 г. до н. э. (*прим. ред.*).

² Подробнее о сообщении Даниила, содержащем точное описание расположения Суз, смотри в моей книге: «Zarathustra», Stuttgart, 1961, стр. 44.

Роман Гиршман. Именно им наука обязана большинством известных в наше время памятников и надписей по истории Элама.

Двухмесячные раскопки, предпринятые в 1903 г. Готье и Г. Лампром в районе Тепе-Муссиан, приблизительно в 150 км северо-западнее Суз, не обнаружили никаких письменных памятников.

На самой южной границе Элама вблизи сегодняшнего Бушира у Персидского залива, т. е. на расстоянии четырехсот киломеров от Суз, в 1876 г. приступила к раскопкам Эпиграфико-археологическая экспедиция, посланная прусским министерством культуры. В ней приняли участие Франц Штольце в качестве фотографа и будущий геттингенский иранист Ф. Андреас. На южной оконечности п-ва Бушир они обнаружили холм, хранивший сотни табличек с надписями из классического периода Элама, т. е. XIII—XII вв. до н. э. Экспедиция, однако, была неожиданно отозвана, поэтому таблички пришлось оставить на месте. «Так как не хватило денег, чтобы оплатить хранение находок,— сообщил Георг Хюзинг,— их стали впоследствии продавать как сувениры, так что они оказались рассеянными по всему свету, в частности, они попали в музеи Парижа, Лейдена, Гааги, Лондона, лишь две таблички доктор Штольце привез в Берлин». В 1913 г. Морис Пезар обнаружил новое место находок — в сегодняшнем Сабсабаде. Кроме шести надписей, найденных Андреасом и Штольце после обработки свыше тысячи табличек, Пезар нашел еще две...

Эламитам, казалось, очень нравилось повторять на кирпиче-сырце бесконечное количество раз один и тот же слог, а затем, после обжига, использовать его для фриза, украшая таким образом стены своих храмов. Об этом свидетельствует и другое место находок — в Чога-Замбиле. Чога-Замбиль, означающий на языке луров «холм-корзина», расположен приблизительно в сотню километров юго-юго-восточнее Суз, вблизи правого берега р. Диз. Царь Унташ-Напириша основал здесь около 1250 г. до н. э. священный город (Дур-Унташ или Аль-Унташ). В центре его возвышалась огромная ступенчатая башня (по-вавилонски — зиккурат). Геолог Браун из Новой Зеландии обнаружил в 1935 г. с борта самолета стену, охватившую с двух сторон колоссальный глиняный холм. Первые раскопки здесь начались

еще до второй мировой войны, но полностью погребенное под холмом строение было расчищено лишь французской археологической экспедицией под руководством Р. Гиришмана, работавшей здесь с 1951 по 1962 г. (фото 7—9).

Из найденных здесь более 5 тыс. табличек с надписями почти 70 из 100 содержали одинаковый текст... Можно было посочувствовать Пьеру Стеву: повторение на тысячи кирпичках одной и той же посвячительной надписи вызывало у расшифровщика страшное чувство усталости. С тех пор как раскопки прекратились, Чога-Замбия снова пришел в полное запустение. Можно было наблюдать, например, как среди бела дня по развалинам прошмыгивали шакалы. Единственный человек во всей округе — иранский жандарм. Ему вменяется в обязанность охрана башни, однако он не в состоянии воспрепятствовать тому, что из строения каким-то загадочным образом исчезает один надписанный кирпич за другим.

В 1962 г. Пинхас Делугаз и Елена Кантор из Института востоковедения Чикагского университета впервые приступили к раскопкам на эламской земле — в Чога-Мише («Овечий холм»), расположенном в 30 км восточнее Суз. Эти раскопки были предприняты с единственной целью — исследовать доисторический период Элама.

То же самое относится к раскопкам, предпринятым Франком Холе и Кентом Фленнери в 1961 г. у Али-Коса — западнее упомянутого Тепе-Муссиана. Они доказали, что эта местность была населена уже с VIII тысячелетия до н. э.

С 1965 г. иранский археолог Э. О. Негахбан из Тегеранского университета ведет регулярные раскопки в районе Хафт-Тепе, между Сузами и Ахвазом, результаты которых еще не опубликованы. Плохо сохранившаяся каменная стела, надпись на которой сделана на аккадском языке, упоминает эламского царя Темптиахара, правившего около 1400 г. до н. э., перед колесницей которого делались жертвоприношения мукой, пивом и овцами.

Других раскопок, кроме перечисленных, в Эламе не предпринималось. Новые раскопки, несомненно, обнаружили бы немало памятников большого исторического

значения. Особенно удачной была находка, сделанная в 1962 г. поселившимся задолго до этого в стране швабским врачом Ф. Г. Л. Гремлицей. Во время одного из своих путешествий он пересек на пароме Диз и увидел очень обширный тель (по-арабски) или тепе (по-персидски), т. е. глиняный холм, который навел его на мысль, что перед ним древнее поселение (фото 3). Выветривание так разрушило склон, что во многих его местах обнажились красные кирпичи. Доктор Гремлица немедленно оповестил об этом сузских археологов — Гиршмана и Стева. Счастье им сопутствовало: разгребая строительный мусор, они натолкнулись на таблички с надписями времен царя Шутрук-Наххунте (начало XII в. до н. э.). Местность эта называется ныне Дех-е ноу («Новая деревня») и находится приблизительно в 40 км юго-восточнее Суз, но не на правом берегу р. Диз, как Чога-Замбиль, а на противоположном, левом, точнее, на притоке под названием Лорех. Эта местность сейчас не обжита. Когда я посетил ее 4 марта 1963 г., между развалинами зданий, построенных в исламский период, грелась на солнце черно-желтая змея, а из глубины пещеры на меня уставились немигающие глаза филина. Пьер Стев, изучив надписи на табличках, пришел к выводу, что прежде Дех-е ноу был эламским городом Хупшеном, славившимся храмом богини Манзат. Вот где стоило бы начать обширные раскопки.

К находкам эламской культуры, добытым при раскопках, следует присовокупить сохранившиеся в этих местах наземные памятники. Сюда относится целый ряд наскальных рисунков в Бахтиарских горах, особенно в районе Изех (прежнее название — Маламир) и вблизи Фахлиана. Первый европеец, отважившийся посетить эти отдаленные места, был англичанин А. Х. Лейард. Во время своих опаснейших научных экспедиций в 1840—1842 гг. он неоднократно подвергался ограблениям. Лейард открыл многочисленные наскальные памятники, фотокопии с которых были сделаны лишь в 1962 г. бельгийским археологом Л. Ванден Берге (Женева). Самый значительный древнеэламский наскальный рисунок был обнаружен в 1924 г. Эрнстом Херцфельдом (Берлин) в Курангане (фото 5) вблизи древнейшей военной доро-

ги Сузы — Персеполь, по которой в 330 г. до н. э. Александр Македонский проник в самое сердце Южного Ирана. Другой рельеф, относящийся, по всей вероятности, к среднеэламской истории, был случайно обнаружен в 1936 г. во время пребывания в Кале-йе Толл, южнее Изеха, сэра Орела Штайна. Затем рельеф был забыт и только 5 марта 1963 г. снова мною обнаружен (фото 12). С него была сделана фотокопия, после чего он был бережно повернут надписью к земле в ожидании возможности переправки его в музей.

* * *

Самая большая заслуга в расшифровке письменных памятников Элама принадлежит Пьеру Винсенту Шейлю. В течение десятилетий он, не зная покоя, публиковал данные французских раскопок в длинной серии «Мемуаров». После его смерти в 1940 г. эту миссию — исследование Суз — взял на себя доминиканец М. Стев. Изучение опубликованных французами текстов было с самого начала с большим энтузиазмом подхвачено как в Германии, так и в Австрии.

На тернистом пути эламитики особые заслуги принадлежат Ф. Вайсбаху (погиб в 1944 г.), Фердинанду Борку (умер в 1962 г. в Падерборне), Георгу Хюзингу (умер в 1930 г. в Вене) и Фридриху Вильгельму Кёнигу (Вена). Научные достижения Хюзинга и Борка нередко, к сожалению, снижаются из-за собственной им предвзятости в суждении и упорном отстаивании своих ошибочных взглядов. Кроме уже упомянутых Степа и Кёнига исследованию Элама посвятили себя Джордж Камерон (Анн Арбор, Мичиган), Рене Лаба (умер в 1974 г. в Париже), Эрика Райнер и Ричард Т. Халлок (Чикаго), Ю. Б. Юсифов (Баку), а также автор этой книги. Периодически эламитикой занимаются также Йоханнес Фридрих (Берлин), Герберт Пейпер (Анн Арбор), Мэгги Рюттен и Морис Ламберт (оба — Париж).

Итак, во всем мире насчитывается как раз дюжина эламитологов.

О расшифровке эламской письменности, а именно древнеэламского линейного письма и проникшей затем из Месопотамии клинописи, речь пойдет во II главе книги.

ЧЕЛОВЕК В ДРЕВНЕМ ЭЛАМЕ

Древнегреческий географ Страбон (XV, 3, 10) сообщает, что змеи и ящерицы, отважившиеся выползти во время летнего полуденного зноя на улицы Суз, были живо зажарены беспощадным эламским солнцем. В самом деле, М. Дьелафуа намерил здесь в июле в полдень на солнце 72 градуса по Цельсию, а доктор Гремлица в то же время в районе Дизфуля — 50 градусов в тени. Средняя температура Сузианы¹ составляет в июле 38 градусов по Цельсию. Самая низкая температура зимой составляет 0,5 градуса, однако апрель уже отличается летним теплом. Между 24 июля и 8 августа на Элам обрушиваются волны нестерпимо горячего воздуха, и лишь в сентябре жара постепенно начинает спадать. Неудивительно поэтому, что жители Шуштера и Дизфуля по возможности и ныне проводят лето в глубоких подвалах.

Эламская равнина, со времен средневековья названная персами Хузестаном², занимает площадь в

¹ Название «Сузиана» засвидетельствовано в античных источниках. Сузиана получила свое название от столицы Элама — города Сузы и занимала территорию в междуречье Каруна и Керхе. По сообщению Страбона, область Сузиана на юге простиралась до Персидского залива, на юго-западе — до устья Тигра, на юго-востоке ее отделяла от Персиды обрывистая горная страна — в древности, вероятно, Аншан. На севере Сузиана граничила с Элимаидой и рядом высоких гор, которые ограждали Сузиану от ветров и сохраняли на равнине жгучую жару. Сузиана была плодородной страной, очень богатой хлебом: она в среднем давала урожай ячменя и пшеницы сам-сто, а иногда даже сам-двести. В Сузиане произрастал и рис. Здесь добывали нефть (Страбон, XV, 1, 18; 3, 4, 10; XVI, 1, 15, 17). Во времена существования Эламского государства Сузиана была житницей страны (*прим. ред.*).

² Хузестан расположен на юге Ирана, на месте исторической Сузианы. Страна получила свое имя от названия «хузи»: так называли арабские авторы язык населения этой страны в средние

42 тыс. кв. км, т. е. равна по величине Дании. Сузиана геологически состоит из наслоений тонкого зернистого песка. Она начинается с нуля у Персидского залива, затем, постепенно возвышаясь, достигает в среднем стометровой высоты в районе сегодняшней столицы провинции Ахваз и поднимается до 170 м у подножия Лурского горного края³ близ сегодняшнего Андимешка.

В древности эламская равнина была плодороднейшим краем, славившимся зерновыми культурами и фруктами. Цари Сасанидской династии (224—639) при помощи водоподъемных плотин постоянно расширяли оросительные системы. Эти работы выполняли римские пленные. И в средние века Сузиана еще процветала. Арабские географы X в. прославляли сахарный тростник, выращиваемый в Сузиане. Однако с наступлением нового времени страна пришла в запустение. Большие площади превратились в солончаки, так как отсутствовал надлежащий дренаж. Лишь появление нефтяной промышленности вновь вдохнуло жизнь в провинцию. Если в течение длительного периода (с 1908 г.) нефть добывалась только на востоке Хузестана, то в настоящее время успешно ведутся буровые работы в самом центре равнины, в районе Ахваза. С 1961 г., после пятисотлетнего перерыва, снова приступили к возделыванию сахарного тростника.

Для орошения обширных земель в районе Хафт-тепе (между Ахвазом и Сузами) был прорыт канал, названный, по местному преданию, «Каналом Дария». На самом деле, как доказал Р. Гиршман, он построен эламским царем Унташ-Напиришей (около 1250 г.).

Основой прежнего процветания равнины служило множество пересекающих ее водотоков. Сузиану пересекают не менее трех рек (рис. 1). Одна из них в настоящее время называется Керхе; ассирийцы называли

века (X в.). Ныне население Хузестана, представляя собой смешение иранцев, а затем и арабов с местными древними жителями, говорит на персидском, арабском, бахтиарском, лурском (иранские), тюркском (кашкаи) языках (*прим. ред.*).

³ Племя луров, по имени которого назван горный ряд, обитает на юго-западе Ирана вперемежку с бахтиарами. Луры по языку иранизированы. Они считаются потомками горных эламитов. Область их называется Лурестаном. Луры живут также в районах Пошт-е Куха, Хузестана, Бахтиарии, Бехбехана и т. д., т. е. на территории исторического Элама (*прим. ред.*).

ее Укну (ляпис-лазурит), греки — Хоасп. Керхе имеет такую же длину, как и Одер. Вода этой реки слыла чистой и приятной на вкус. Геродот сообщает нам (1, 188), что Кир II Великий (559—530), когда отправлялся в поход, возил с собой в серебряных кувшинах, размещенных на четырехколесных колесницах, запряженных мулами, воду из Керхе для своего стола. Другая река Хузестана называется ныне Диз; эламиты и ассирийцы называли ее Идиде, греки — Копрат. Диз берет начало у Боруджерда в Лурестане и впадает у Банд-е гира в третью, восточную реку Сузианы, Карун, которую греки называли Паситигрис. Карун — до сих пор единственная в Иране судоходная река — длиннее Эльбы. Она впадает у Хорремшехра в р. Шатт эль-Араб (слияние Евфрата и Тигра) и, таким образом, в Персидский залив.

В древние времена, однако, Керхе и Диз также были соединены между собой, очевидно частично искусственно созданным притоком Керхе, который эламиты называли Улай, а греки — Эвлей. А между двумя притоками р. Улай, как можно прочесть в Книге Даниила (8, 16), была расположена столица Хузестана — Сузы, т. е. в центре сильно разветвленной сети водных путей. Выход к морю осуществлялся Сузами как по Улаю, так и по Керхе, которая в древности впадала в Персидский залив (ныне Керхе теряется в болотах Тигра), а также по рекам Диз и Карун. Правда, Улай в настоящее время — это скромный Шаур, который все еще, огибая с запада гробницу Даниила, течет по направлению к р. Диз, однако Шаур не сливается больше с Керхе, как это имело место в древности.

Одновременно Сузы были узлом пересечения важных торговых путей. Направляясь на запад, можно было на пароме пересечь р. Керхе, а затем в течение трех караванных дней пути дойти до Тигра у сегодняшней Амары в Ираке, а через неделю — достичь Вавилонии. На севере от Суз испокон веков пролегал путь вдоль Керхе и Кашгана к Хорремабаду в Лурестане и далее через Боруджерд по направлению к сегодняшнему Тегерану, к югу от которого расположен Рей, в древности — Рага, библейское Рагаи (Товит 1, 14). Третий путь связывал Сузы через Шуштер с Изехом и Исфаганским плоскогорьем, затем южнее, через Бехбехан — Башт — Фахлиан, — с Персеполем (современный Шираз).

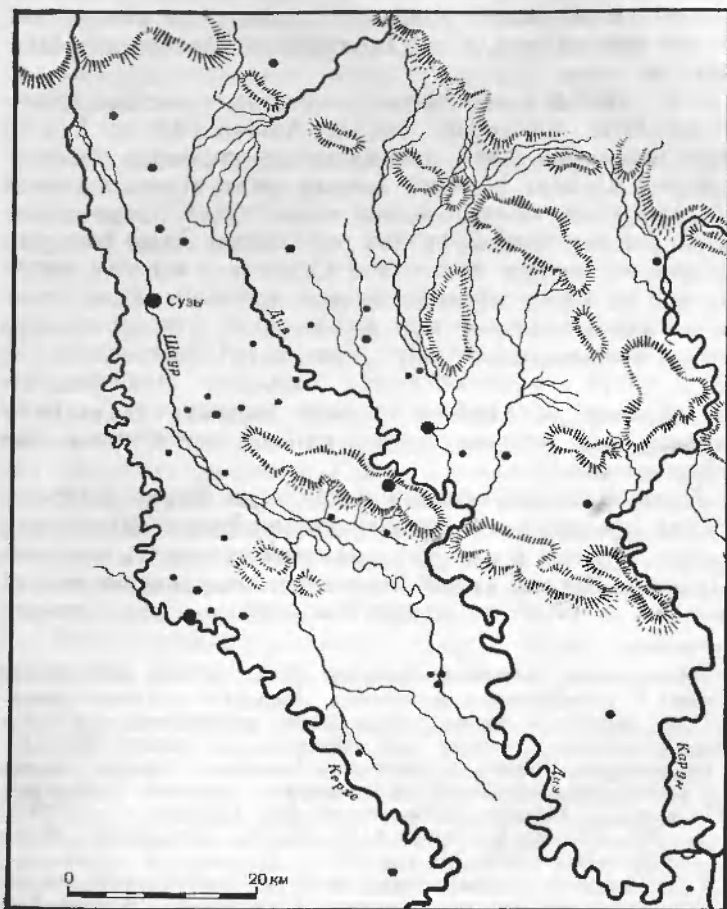


Рис. 1

Речная система Сузианы (современное расположение рек) с обозначением населенных пунктов, существовавших в 1200—600 гг. до н. э. (по Роберту М. Адамсу)

Однако Сузиана, хотя и имела развитое сельское хозяйство, никогда не достигла бы того значения, если бы в Элам не входила гористая местность на севере, востоке и юго-востоке, т. е. сегодняшний Лурестан и Бахтиарские горы.

Этот горный край, расположенный на востоке, древние эламиты называли также Аншан (Анзан)⁴, в то время как город Сузы они называли, включая равнину Сузианы, Шушун. Шумеры писали слово *elam* со знаком NIM, что на их языке означает «наверху». Отсюда следует, что для жителей Двуречья настоящий Элам был расположен «наверху», не в самой Сузиане, а в горах, окружавших ее. Сами эламиты писали название своей страны клинописными слогами *hal-ta-am-ti*, что, возможно, должно выражать *hal-tampt*, причем *hal* означает «страна», а *tampt* — «(милостивый) господин». Эламиты, таким образом, воспринимали свою родину как «страну господина», как «страну бога», однако это требует еще доказательства⁵.

Решающим для истории и культуры Элама было сочетание равнинного и горного ландшафтов — Шушуна и Аншана. В этом было его преимущество перед соседней равнинной Месопотамией. Развитие культуры последней зависело от богатств эламского горного края. Отсюда

⁴ Автор всюду применяет название Анзан, которое засвидетельствовано в эламоязычных источниках. Аккадские надписи обозначают эту область в форме Аншан. Ныне установлено, что город Аншан находился на месте совр. Малияна на равнине Байда, в 46 км севернее Шираза и западнее Персеполя. Область Аншан была расположена примерно на территории равнины Байда (см. J. Napsman, *Elamites, Achaemenians and Anshan*, — «Iran», 1972, X, стр. 101—125; E. Reiner, *Talli Malyan, Epigraphic Finds, 1971—1972*, — «Iran», 1974, XII, стр. 176).

⁵ Установление происхождения названия исследуемой страны все еще наталкивается на трудности. Современное литературное обозначение этой страны восходит к древнееврейской форме 'Elam, засвидетельствованной в Библии. Она, в свою очередь, заимствована от ассирийского обозначения этой страны — *Elamtu*, что, как полагают, восходит к собственно эламскому названию *Ha(l)tamti*. Однако следует отметить, что первоначально название Элам не относилось ко всей стране в целом. Страна имела ряд областей, которые в ранний период сохраняли свою политическую независимость: Аван, Адамдун, Аншан, Варахсе, Симашки, Сузы и др. Названия некоторых областей нередко фигурировали в титулатуре эламских царей. Все эти области с конца III тысячелетия до н. э. были объединены под эгидой Элама.

шумеры и вавилоняне получали благодаря торговле или военным походам строительный материал, разные руды (медь, платину, олово, серебро), строительный камень (базальт, мрамор, диорит, алебастр, аррагонит, обсидиан), полудрагоценные камни (карнеол, гематит, лазурит) и не в последнюю очередь — лошадей.

Классифицировать эламитов этнографически представляет немалые трудности. Чем больше углубляешься в источники, тем больше приходишь к убеждению, что эламиты были эламитами, т. е. абсолютно самобытными. Родства с другими народами до сих пор не удалось установить. Все же эламиты, по-видимому, имели какие-то общие черты с граничащими на северо-востоке горными племенами луллубеев и так называемыми людьми *su*⁶.

Население Элама, однако, не было однородным. Когда около 500 г. до н. э. персидский царь Дарий приказал украсить дворец в Сузах керамическими плитками с изображением его телохранителей, художник различил совершенно четко представителей трех рас. Одних он изобразил белокожими, вероятно имея в виду персов, другие выделялись коричневой кожей, а кожа третьей группы была темной, почти черной.

Почти чернокожие телохранители были, очевидно, эламитами равнин. Еще и теперь в Хузестане часто мож-

⁶ Родство эламитов с соседними народами не установлено. До сих пор не обнаружено достоверное родство эламского языка с другими языками древности ни в словарном, ни в морфологическом отношении. Нередко эламитов сближают с обитавшими на юге оз. Урмия племенами луллубеев на основании суффикса — «-b», который фигурирует в названии *lullu-bi*: суффикс — «-b» является показателем множественного числа в эламском языке. Возможно, что эламиты в этническом и языковом отношении были родственны с населением зоны оз. Урмия, известным под названием луллубеев, но убедительных доказательств в пользу этого предположения наука еще не имеет. Что касается родства племени — *su*, обитавшего, вероятно, в горных районах Загроса и принявшего участие в разрушении III династии Ура (2005 г. до н. э.), то его обычно отождествляли с племенами субареев (*subari*) — обитателей севера Ассирии. Вероятно, племя *su* жило на широкой территории вплоть до зоны оз. Урмия, ибо в начале I тысячелетия до н. э. здесь зафиксировано племя *su-bi* (*-sumbi-sunbi*), название которого оформлено суффиксом *-bi*. Возможно, что племена *su*, *subari*, *sunbi* являются родственными племенами, этнически близкими к эламитами (*прим. ред.*).

но встретить темнокожих (однако не негроидного типа) людей. Они в основном считают себя арабами и разговаривают между собой по-арабски. По всей вероятности, такой тип населения древней Сузианы получился в результате смешения темнокожих аборигенов неизвестной расы с семитами, иммигрировавшими неоднократно (с XXV в. до н. э.) большими группами из Месопотамии во времена владычества Аккада.

Воины с коричневой кожей могли принадлежать к горным эламитами, имеющим большое сходство с нынешними лурами, проживающими на севере Сузианы, и с файли-лурами, обитающими на востоке и юго-востоке Бахтиарии. Луры в подавляющем большинстве черноволосы, с коричневым оттенком кожи. Они представляют собой крепкую, приспособленную к жизни в горах породу, несколько отличающуюся более высоким ростом, чем жители долин. Но и они обнаруживают примесь чужой крови, так что их нельзя причислить к «чистым эламитами». Однако примеси в них ощущается меньше, чем у эламитов равнин, причем смешение произошло у них не с семитами, а с индоевропейскими народностями, преимущественно с персами.

Это смешение с персами привело в конечном счете к тому, что эламитами-луры разговаривают со времен средневековья на одном из иранских диалектов. Еще в 1000 г. н. э. арабские географы встречали в некоторых местах Хузестана совершенно непонятное наречие. «Хузи» был, очевидно, последним остатком эламского языка. Наименование «хузийский» восходит, кстати, еще к древнеперсидскому периоду: Дарий Великий (522—486) уже не знал названия Элам, а лишь Худжа⁷. Хузийцы принадлежали, вероятно, к эламским племенам, известным грекам Александра Македонского как уксии, которые причиняли им немало неприятностей. Горные уксии населяли землю между Бехбеханом и Фахлианом и контролировали, таким образом, дорогу Сузы — Персеполь. Когда они по привычке потребовали от войска Александра Македонского уплаты пошлины за проход

⁷ В древнеперсидской версии ахеменидских надписей название «Элам» отсутствует. Древнеперсидским обозначением страны Элам, входящей в состав государства Ахеменидов, является Uja/Uvja (Уджа/Увджа). К этому названию возводят среднеперсидский Хузастан и новоперсидский Хузестан (*прим. ред.*).



Рис. 2.

по этой дороге, им было отказано. Хотя и с большим трудом, войску в конечном счете все же удалось пробить себе путь через эту область.

О будничной жизни эламитов в древние времена свидетельствуют хотя и не полно, но тем не менее весьма наглядно пиктографические изображения на печатях, относящихся к III тысячелетию до н. э. Эламские резчики раскрывают перед нами окружавший их мир, показывая людей своей страны во время самых разнообразных занятий.

Ландшафт Сузианы изображен на печатях в виде извивающихся водотоков, в которых плавают рыбы. Высоко в горах среди сосен, кедров и хвойных деревьев резвятся буйволы, горные козы и козлы. Разные животные обитают в степи или в кустарнике; они то мирно пасутся, то спасаются бегством от льва. А вот появляется эламский охотник (рис. 2 и 3). Вся его одежда состоит из набедренной повязки, а часто он обходится

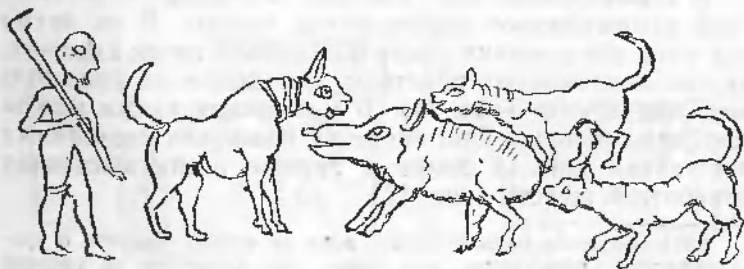


Рис. 3

и без нее. Его вооружение состоит из лука и стрел, копья или топора. В сопровождении собак эламит охотится на благородного оленя, антилоп, кабанов и даже на хищников.

На одной из печаток мы видим, как совершенно обнаженные рыбаки достают из воды черепах гигантских размеров (рис. 4), на другой — эламит вытаскивает на берег свою лодку с красиво загнутым носом (рис. 5). Хозяин лодки, вышедший уже на сушу, держит в руках прекрасный улов — два больших усача; за ним следует его подручный, неся на голове блюдо, наполненное доверху рыбешкой.

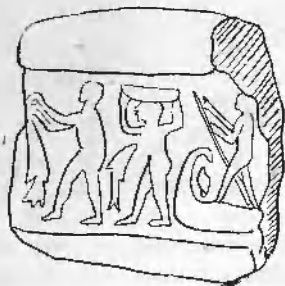
Недалеке от города пасется крупный рогатый скот, возле коров стоят подоюнки (рис. 6). Пастухи загоняют коз в специально построенный глиняный хлев. Рядом с входом расположены огромные башни, а это означает, что хлев принадлежал, очевидно, дворцу или храму (рис. 7)⁸. На полях большими группами работают мужчины, они готовятся к севу, обрабатывая землю трехзубчатыми мотыгами. Эта печатка (рис. 8) относится, возможно, еще к IV тысячелетию до н. э. Изображение на ней подтверждается и археологическими находками. Роберт М. Адамс (Чикаго) отмечает, что в Сузиане той эпохи имели широкое распространение каменные мотыги, серпы из твердо обожженной глины, а также кремневые лезвия для серпов. Мотыга и серп были, таким образом, с древнейших времен главными орудиями труда эламского земледельца. Около 3000 г. до н. э. на изображениях печатей появляется плуг (рис. 9). В сельском хозяйстве заняты и женщины: на них широкие рубахи; они трудятся на финиковых плантациях (рис. 10).

В городе жизнь бьет ключом. В гончарной мастерской изготавливают керамические сосуды. В то время как один ремесленник занят полировкой ручек кувшина, другие выравнивают пластины, складывая их вплотную друг над другом (рис. 11). В мастерских также можно встретить женщин. Они сидят на низеньких деревянных подставках или на земле и заняты преимущественно обработкой шерсти (рис. 12).

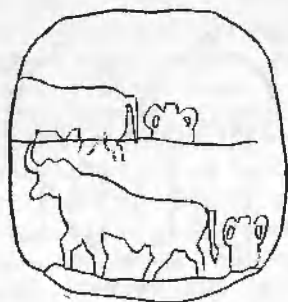
⁸ На основании оттиска печати вряд ли можно говорить о принадлежности хлева дворцу или храму, тем более что на рисунке заметна лишь одна коза. Скорее всего, рисунок отражает будничную жизнь одной семьи или домашней общины (*прим. ред.*).



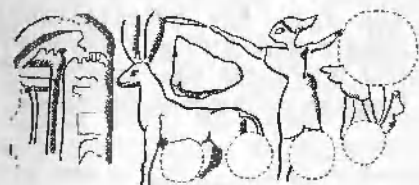
Puc. 4



Puc. 5



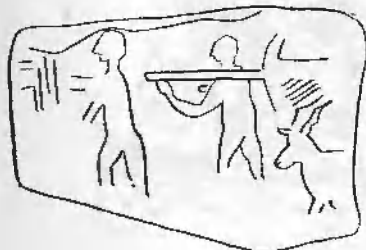
Puc. 6



Puc. 7



Puc. 8



Puc. 9



Puc. 10

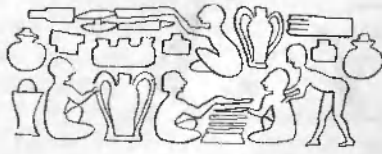


Рис. 11



Рис. 12

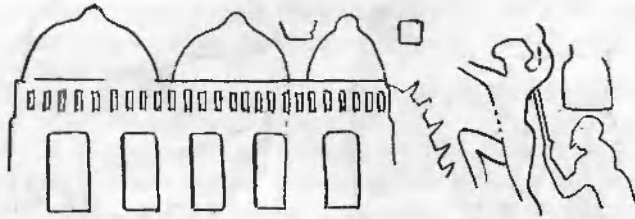


Рис. 13

Наибольшее оживление возле зернохранилищ. Печати воспроизводят зернохранилища в виде постройки из кирпича-сырца с длинным рядом куполов. Фасад расчленен нишами, над которыми под горизонтальной крышей расположены узкие люки для проветривания хранилищ. Работники возятся с мешками или кувшинами. Они носят свои тяжести на голове или плече, поднимаясь к отверстиям в куполах на лестницах-стремят-

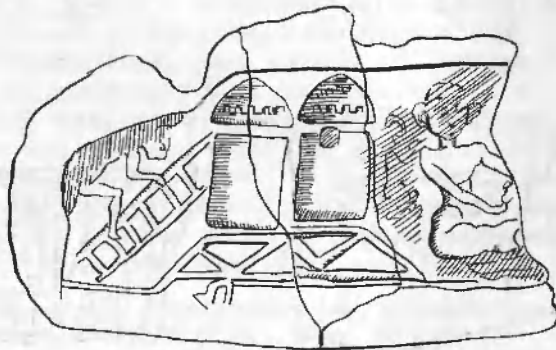


Рис. 14

как или пристроенных сбоку лестничных маршах (рис. 13). Цоколь изолировал хранилища от земли. Однако были и зернохранилища, наполовину размещенные в земле. Об этом свидетельствует найденный в Сузах математический текст. Рядом с хранилищами сидят на корточках писцы и записывают на глиняных табличках сланное количество зерна (рис. 14). На корточках сидят и смотрители винного погреба, разливая вино по сосудам и закупоривая их (рис. 15).

Что за люди были эламиты? Арабские географы во времена раннего ислама считали хузестанцев внешне уродливыми, нецивилизованными, задиристыми и алчными. За несколько тысячелетий до этого ассирийцы и вавилоняне употребляли вошедшее в обиход выражение «злые эламиты». Для шумеров они стали «вандалами» и одновременно неженками, ибо шумерская поговорка гласит: «Если эламит заболел, у него от страха зуб на зуб не попадает». Другая поговорка утверждает: «Даже целый дом слишком мал эламитам для жилья». По мнению шумеров, эламиты были сверх всякой меры претенциозны и алчны.

Однако, так как это было мнение противников, к нему следует относиться с осторожностью. Все же не подлежит сомнению, что эламиты наводили на своих соседей в Двуречье панический страх. Для них Элам был страной колдунов и злых духов. И хотя отдельные местные документы выставляют эламитов в другом свете — самое благоприятное впечатление производят прежде всего их семейные отношения — современный исследователь все же не может устоять перед чувством, что кое в чем шумеры, вавилоняне и ассирийцы правы в своих суждениях.



Рис. 15

Эламиты сильно отличались от других народов. В них было нечто скрытное, что затрудняло распознавание их сущности. Мы в ходе нашего повествования еще не раз встретимся с необычными, противоречивыми чертами характера эламитов. Так, эламитами, с одной стороны, была свойственна необыкновенно живая фантазия, которая вызывала к жизни в резьбе по камню самые причудливые мифические существа (ср. гл. VIII), а с другой — эламский характер проявляет себя как мрачно-сухой, упорный, направленный на конкретно-реальное, презиравая все излишнее; и все это основывалось на глубоком пессимизме, свойственном их натуре. Обратите внимание на терракотовую голову эламита из Суз, созданную предположительно в начале I тысячелетия до н. э. (фото 14). «Лицо этого мужчины очень суровое, вокруг его губ порицающее, лишенное каких бы то ни было иллюзий выражение», — пишет по этому поводу Андре Парро. Морис Ламберт характеризует эламитов как «грубых, резких, слишком благоразумных и слишком дельных». Такое впечатление, что они никогда не смеялись.

Однако все попытки проникнуть в глубь существа эламитов кончались неудачей: в самой сути своей они остаются для нас непроницаемо-загадочными.



ПИСЬМЕННОСТЬ
И ЯЗЫК ЭЛАМИТОВ

Когда около 3000 г. до н. э. шумеры с целью улучшения ведения хозяйственных отчетов создали пиктографию, этому новшеству ненадолго суждено было оставаться тайной для соседнего Элама. Ибо некоторое время спустя — из Суз *Sb*, что соответствует в Месопотамии пласту «Урук III», т. е. приблизительно около 2900 г. до н. э., — появляются первые таблички, написанные эламской пиктографией. При большом различии в деталях все же не вызывает сомнения, что в основе эламской пиктографии лежит шумерская письменность того периода. Торговые отношения способствовали быстрому распространению этой письменности; она появляется почти одновременно и на далеком северо-востоке, у Кашана (между Тегераном и Исфаханом).

Так называемая протоэламская письменность представляла собой первоначально, а затем и в течение длительного периода, как и в Шумере, чисто словесное пиктографическое письмо. На табличках можно различить животных, кувшины, вазы и другие предметы. До сих пор не удалось прочитать эти таблички, так как многие пиктограммы все еще не поддаются точному определению. Однако для исследователя это не такой уж большой урон, как это может показаться на первый взгляд, так как все документы, написанные этим письмом, посвящены исключительно хозяйственным вопросам — инвентарным спискам, записям о новых поступлениях, записям об отпуске товаров¹.

¹ Вряд ли когда-либо мы сумеем прочитать пиктографическое письмо на эламском языке. Самое большее, на что способна наука — это постигнуть смысл пиктографических знаков (о таких шагах см.: А. А. Вайман, О связи протоэламской письменности с

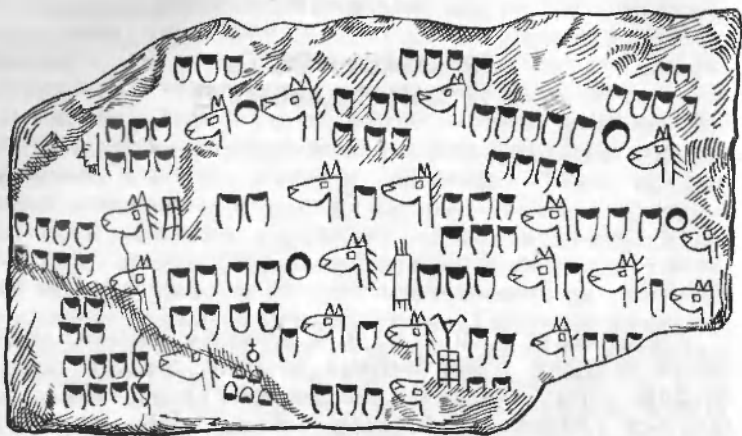


Рис. 16

Иллюстрацией к этому служит рис. 16. Табличка с изображением лошадей представляет собой особый интерес, так как является, по-видимому, самым древним свидетельством существования лошади вообще. Воспроизведены исключительно головы. По довольно убедительному предположению В. Шейля, когда грива (на рисунке это черточки) поднята вверх, подразумеваются жеребцы, если же грива спущена, речь идет о кобылах, а при полном отсутствии гривы — о жеребятках. Табличка содержит (например, слева от лошадиных голов) также цифры: знак, напоминающий отпечаток большого пальца, означает единицу, маленькие кружки, как и в Шумере, — десятки.

Протоэламское письмо следует читать (по В. Брису) справа налево. Последний ряд на рис. 16, следовательно, кончается: «кобылиц — восемь». Знаки, расположенные справа от головы лошади, могут означать владельцев животных или тех, кому они предназначались. Таким образом, эти знаки, очевидно, представляют собой ти-

протошумерской, — ВДИ, 1972, № 3, стр. 124—133). К тому же автор не прав в умалении значения пиктографических хозяйственных документов для научных исследований. Дешифровка значения пиктографических знаков дала бы существенные сведения о социально-экономической жизни эламского общества конца IV — начала III тысячелетия до н. э. (прим. ред.).

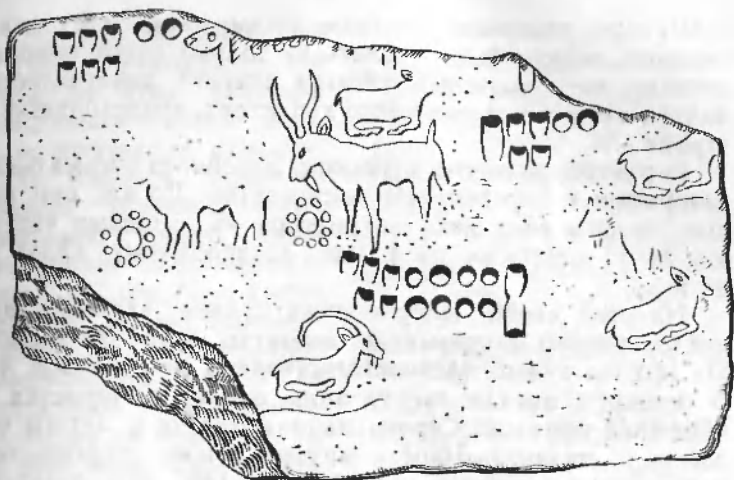


Рис. 17

тулы или служебные звания. На оборотной стороне таблички (рис. 17) посередине книзу выведена общая сумма, а именно: 185, сначала, справа, знак «сто», затем рядом, левее, восемь десятков и слева от них — пять единиц. Эта табличка, скрепленная печатами, изображающими то стоячих, то лежащих газелей или каменных козлов, свидетельствовала о том, что она относилась к официальным документам. Такие печати могли принадлежать коневодам.

По всей вероятности, протоэламское письмо насчитывало не больше 150 основных логографических знаков. Правда, их можно было самым различным образом комбинировать между собой, и поэтому таблички производят впечатление, что при их написании использовалось гораздо большее количество знаков. Из этой письменности, относящейся к чисто логографической, после 2900 г. до н. э. родилось путем ее упрощения слоговое письмо, в котором попадались лишь единичные логограммы. Подобным же образом письмо развивалось и в Шумере. Очевидно, писцовые школы обеих стран взаимно влияли друг на друга². В Эламе, так же как и

² Полагают, что взаимного влияния эламской и шумерской писцовых школ не было. Возможно, что часть пиктографических знаков была заимствована эламитам из Шумера, но в целом «как

в Шумере, возникло линейное письмо. Пользуясь этим письмом, можно было сделать не только хозяйственные записки, но и выразить события личного, религиозного, политического, исторического характера, происходящие в стране.

Вероятно, развитие эламского линейного письма было завершено к середине III тысячелетия. До нас оно дошло лишь в виде пяти документов на глиняных черепках и II надписях на камне, датированных XXIII в. до н. э.

На этой своей завершающей стадии эламское линейное письмо насчитывало, вероятно, около 80 знаков. Из них на камне засвидетельствовано до сих пор 44. В основном писали сверху вниз, однако встречается и обратный порядок. Строки начинаются то с левого угла, то с правого. Иногда внутри одного столбца ось расположения знаков меняется на 180° , что означает абзац. Так как знаки эламского линейного письма частично выведены из тех же логограмм, что и у шумеров, многие знаки в обеих письменностях по своему начертанию обнаруживают большое сходство. Однако звучание у них совершенно разное, если не считать знак *ki*, да и тот по чистой случайности. Так, например, шумерско-вавилонский знак *lum* читается по-эламски *su* и т. п.

Все дошедшие до нас надписи на камне, сделанные при помощи эламского линейного письма, относятся к царю, правившему около 2250 г. Хотя они хранятся в Лувре еще с начала XX в., их расшифровали в основном лишь к 1961 г.³

система знаков протоэламская письменность представляется вполне самостоятельным, независимым явлением» (А. А. Вайман, О связи протоэламской письменности с протошумерской, стр. 128). Эламская пиктографическая письменность уже сложилась к началу III тысячелетия до н. э. Если датировка первоначальных протоэламских таблечек концом IV тысячелетия до н. э. верна (W. Sumner, Excavations at Tall-i Malyan, 1971—72, — «Iran», 1974, XII, стр. 156, 164), то предположение о заимствовании протоэламской письменности от шумеров теряет силу (*прим. ред.*).

³ Надписи, составленные линейным письмом, принадлежат эламскому правителю второй половины III тысячелетия до н. э. Пузур-Иншущинаку (эламск. Кутик-Иншущинак). В 20-х годах XX в. эти надписи стали объектом безуспешной расшифровки линейного письма, которая принадлежит самому автору (*прим. ред.*).

Правда, Ф. Борк еще в 1905 г. утверждал, что одна из этих надписей представляет собой эламское изложение вавилонской надписи, расположенной непосредственно над ней. Точнее, пятистолбцовая эламская надпись на рис. 18 — якобы перевод левых, расположенных над ней столбцов вавилонского текста (в фотокопии пропущено). Ф. Борку не поверили, но он был прав. Ему просто не удалось доказать свое утверждение. Как выяснено в настоящее время, он сумел из 44 эламских знаков истолковать правильно лишь 3. Все усилия Франка остались также почти безрезультатными. Французские ученые, которым мы обязаны этим памятником, добросовестно изготовили с них диапозитивы и скопировали их в виде рисунков, однако в дешифровке памятников они были не более удачливы, чем их немецкие коллеги.

Дешифровку неизвестной письменности всегда можно сравнить с интересным приключением. Мне хочется сделать читателя по возможности участником такого приключения. Однако прежде прошу позволить личное примечание. В 1802 г. Г. Ф. Гротенфенду удалось в Геттингене расшифровать начало древнеперсидской клинообразной надписи царей Дария и Ксеркса. Когда я летом 1961 г. докладывал на Геттингенской конференции востоковедов о расшифровке эламского линейного письма, один участник конференции выступил перед аудиторией с заявлением, что прочитал на фирменном здании, расположенном напротив зала заседания, имя «Гротенфенд», выведенное большими буквами, и истолковал это как благоприятное предзнаменование...

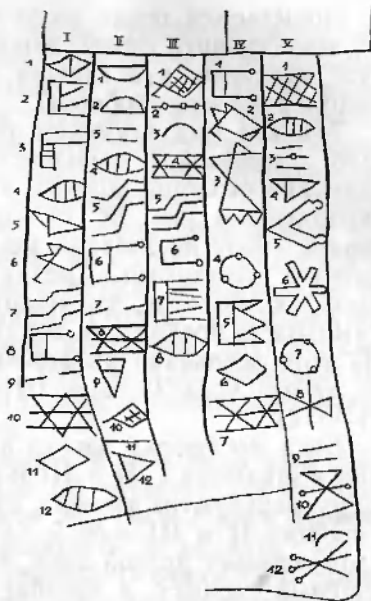


Рис. 18

Попробуем после этого отступления еще раз сообщить восстановить способ дешифровки. Прежде всего следует выяснить: как следует читать знаки на рис. 18 — сверху вниз или наоборот?

Так как над эламским текстом, как уже было сказано, расположен вавилонский, мы предположим, что эламские столбцы должны читаться сверху вниз. Когда смотришь на рис. 18, то создается впечатление, будто справа внизу не хватило места: пятый столбец намного длиннее четвертого. Средний, т. е. третий, напротив, настолько короток, что напрашивается вывод, что здесь умышленно прекратили писать, так как кончился абзац. На этом основании мы решимся начать чтение с верхнего левого угла (т. е. с I/1) и кончим справа внизу (у V/12).

Если мы бросим взгляд на сочетание знаков, то увидим в столбцах I, II и III по одному знаку, напоминающему перекрытие речного русла: в столбце I — № 7, в столбцах II и III — № 5. После этого знака в каждом слове следует другой знак, напоминающий опрокинутый «чайный столик»: в столбце I — № 8, в столбцах II и III — № 6. Правда, «чайному столику» в III/6 не хватает вертикальной черточки, значит, этот знак не совсем тот, что в двух предыдущих столбцах. Так-то оно так, но что могут означать эти знаки?

Мы ведь исходим из того, что, по мнению Ф. Борка, эламская надпись — это перевод расположенного над ней левого столбца вавилонского текста. Последний гласит: «Богу Иншушинаку, своему господину, ХУ-шушинак, Управитель Шусима (=Сузы), правитель Элама, сын Шимпихишхука, пожертвовал задвижку из бронзы [п] кедрового дерева».

Отправными точками для дальнейших наших действий являются содержащиеся в вавилонском тексте имена собственные, которые, поскольку речь идет о двуязычной надписи, обязательно должны встречаться и в эламском тексте. Мы заметили, что в трех столбцах эламского текста трижды встречается группа из двух одинаковых (или почти) одинаковых знаков. Можно, далее, предположить, что каждый знак воспроизводит слог, так как это общее как для шумерской, так и для вави-

лонской письменности. Мы ищем, таким образом, три группы с двумя одинаковыми (или почти одинаковыми) слогами и в вавилонском тексте. Где же мы их находим? Первый раз — в имени эламского бога Иншушинака, другой раз — в имени властелина ХУ-шушинак (ХУ заменяет вавилонский знак, эламское значение которого еще должно быть расшифровано), а третий раз — в написании Суз, тогда Шусим. Дело в том, что Сузы назывались в те времена не Шушим, а Шусим, и это незначительное различие и служит объяснением тому, почему наш третий «чайный столик» несколько отличается от двух других таких же знаков. Другими словами, волнистый знак I/7, II/5 и III/5 означает šu, «чайный столик» в I/8 и II/6 — šī, а «неполный знак» «чайный столик» в III/6 — sī.

Теперь мы можем дополнить в столбце I имя бога Иншушинака, а именно: знак I/6 читается как in, знак I/9 — как pa и знак I/10 — как -k. Что мы идем по правильному следу, можно заключить и из того, что в столбце I знаки 7—10, а в столбце II знаки 5—8 совершенно одинаковы. Значит, оба раза мы читаем šušinak: в столбце I — в имени бога Иншушинака, в столбце II — в имени властелина, известного нам лишь частично. Поэтому вместо вавилонского словесного знака ruzug — «защита, покровительство» поставлено ХУ.

В более поздних эламских надписях перед именем бога всегда ставится знак «божественности», по-эламски пар. Таким образом, вместо знака I/5 поставим слог пар, как предполагали Рёк и Франк. Однако как быть дальше?

Вооружившись расшифрованными знаками, приступим к обозрению других столбцов. В столбце IV вверху мы опять находим «чайный столик», т. е. наш знак šī, а под ним знак, который мы определили в I/6 как in. Следовательно, слово в столбце IV начинается с šī-in и кончается (IV/7) знаком, напоминающим ограду, который нам уже знаком из I/10 и II/8 и определен нами как -k. Столбец IV начинается, таким образом, šī-in и кончается -k.

Между тем мы дошли до критического момента, ибо общеизвестно, что если в начале расшифровки истолковать неправильно хотя бы один-единственный знак, то весь труд безвозвратно пропал. Мы до сих пор опреде-

лили лишь семь знаков, т. е. находимся еще в самом начале, значит, от правильности последующих наших заключений зависит успех или неудача всей нашей расшифровки.

Посмотрим еще раз на вавилонский текст. Может быть, нам удастся найти имя собственное, начинающееся слогами *si-in* и кончающееся на *-k*? На самом деле, мы находим имя отца нашего властелина, по-вавилонски — Шимпихишхук. Если учесть словарный запас эламского языка и правила эламской грамматики, то имя этого эламита, о котором мы ничего больше не знаем, звучит *ši-pri-hiš-huk*, что означает «змею было посвящено его имя». Змея, как будет показано в следующей главе, пользовалась особым почитанием у эламитов, так что такое имя не должно вызывать у нас удивления. Кроме того, некоторые из наших надписей сделаны на высеченных из камней змеях.

Теперь нам осталось имя Шинпи-хиш-хук разделить по знакам — в столбце IV. Тогда мы получаем для знака IV/1 уже известное нам *ši*; для IV/2 — известное *in*; для IV/3 — *ri*; для IV/4 (круг с тремя точками) — *hi*; для IV/5 — *iš*; для IV/6 (ромба) — *hu*, а для IV/7 — уже знакомое *-k*, т. е. *ši-in-pi-hi-iš-hu-k* Шинпихишхук. Теперь обратимся к среднему столбцу — III. Здесь мы нашли название города Сузы, по-древнеэламски — Шусим. Это дает нам для знака III/7 значение слога *im*, а именно *šu-si-im* — Шусим/Сузы. Перед этим словом мы ожидаем, согласно вавилонскому тексту, эламский титул «управитель». Он нам знаком из позднейших клинообразных надписей как *hal-mepik* (*hal* — «страна», *mepik* — «правитель»). Поэтому вместо знака III/1 мы уверенно ставим *hal*, вместо III/2 (цепочкообразной линии) — *me*, вместо III/3 (дуги) — *pi*, а вместо III/4 — нам уже хорошо знакомый оградopodobный знак *-k* из столбцов I/10, II/8 и IV/7. И как раз на этом месте должен быть знак *-k*, чтобы получить *hal-mepik* — «управитель». После этого мы наконец почувствовали твердую почву под ногами...

Таким образом, до сих пор истолкованы в общей сложности 15 знаков, т. е. $\frac{1}{3}$ из дошедших до нас 44. Отныне расшифровка оставшихся $\frac{2}{3}$ дело довольно простое. Но так как наш запас знаний имен собственных исчерпан, а для истолкования остального текста пред-

полагается знание эламского языка, я вынужден в данном случае ограничиться опубликованием лишь результатов моей собственной расшифровки. Из нее следует, что имя учредителя надписи — Kutik-I(n)šušinak, что означает «защищенный (богом) Иншушинаком». В целом надпись на рис. 18 расшифровывается и переводится следующим образом:

- I) te-im-tik-ki nap in-šu-ši-na-ik un-ki
- II) u ku-ti-ki-šu-ši-na-ik zunkik hal-me-ka
- III) hal-me-ni-k šu-si-im-ki
- IV) si-in-pi-hi-iš-hu-k
- V) ša-ki-gi nap-ir lik hi-an ti-la-ni-li
- I) Владыке, богу Иншушинаку, посвятил эту деревянную [задвижку]
- II) я, Кутик-И(н)шушинак, царь страны,
- III) управитель Суз,
- IV) Шинпихишхука
- V) сын, божеству поистине жертвую для храма.

К сожалению, эламское линейное письмо закончило свое существование вместе с упомянутым правителем — царем Кутик-Иншушинаком около 2220 г. до н. э. Оно было полностью заменено шумеро-вавилонской (аккадской) письменностью, которая в конечном счете превратилась в хорошо известную нам клинопись. Заимствование этой письменности Эламом началось уже в XXIV или даже в XXV в. до н. э.

Однако эламские писцы обращались весьма свободно с позаимствованной у аккадцев письменностью и во все времена изменяли ее по своему усмотрению.

Эта свобода проявлялась прежде всего в том, как поступали эламские школы писцов с заимствованиями из Месопотамии. Так как вымершее эламское линейное письмо представляло собой почти полностью слоговое письмо, то аккадское письмо должно было стать по возможности также слоговым. Поэтому эламские писцы отказались от словесных знаков (логограмм) и прочих многозначностей слов, которые их коллеги из Двуречья благоговейно сохраняли как шумерское наследие. С холодной рассудительностью, что вообще типично для эламского характера, писцы из Суз извлекали все возможное из чуждой им клинописи, упростили ее и довели

до порога алфавитного письма. Правда, они не преодолели этого порога даже тогда, когда их обязали в 520 г. до н. э. совместно с арамейскими писцами работать для царя Дария древнеперсидскую клинопись, которая стала чем-то средним между слоговым и алфавитным письмом.

Дарий Великий приказал составлять надписи на трех главных языках своей империи: на древнеперсидском, эламском и вавилонском. Только благодаря этому западным исследователям был открыт путь к расшифровке клинописи. Пионером на этом пути был уже упомянутый нами Георг Фридрих Гротефенд (1775—1853), преподававший греческий язык в Геттингенской гимназии. Ему удалось в научной статье от 4 сентября 1802 г. правильно расшифровать 10 древнеперсидских клинописных знаков. Кроме того, Гротефенд уже тогда определил, что эламская клинопись также должна читаться слева направо. В 1837 г. он обнаружил, что в эламском письме перед именами собственными и перед другими определенными многозначительными словами в качестве «указателя» стоит вертикальный клин, именуемый на профессиональном языке детерминативом. Далее Гротефенд открыл словесный знак для обозначения слова «царь».

Другими первооткрывателями расшифровки эламской клинописи в XIX в. были Н. Л. Вестергаард, Э. Хинкс, Х. Раулинсон, Э. Норрис и К. И. Опперт. Их труды Ф. Вайсбах довел в 1911 г. до относительного завершения. С тех пор удалось обнаружить заново лишь единичные клинописные знаки, прежде всего в эламских табличках из сокровищницы и придворных хранилищ Дария в Персеполе. Дело в том, что Ахемениды до начала правления Артаксеркса I, т. е. до 460 г. до н. э., поручали ведение государственных хозяйственных книг эламским писцам. В то время как Ф. Вайсбах (в 1911 г.) насчитал 113 новоэламских знаков, к этому числу на сегодняшний день добавлено благодаря Дж. Камерону и Р. Т. Халлоку еще 10. В древний и среднеэламский периоды можно было насчитать в общей сложности 174 слоговых знака и около 25 словесных знаков (логограмм).

Так как в настоящее время, после полутора веков научных изысканий, удалось наконец-то определить аккадские прототипы эламских клинописных знаков и ус-

тановить, таким образом, их звуковое значение, эламские надписи и таблички — если только они хорошо сохранились — в общем поддаются расшифровке без особого труда. Однако с чтением документов дело обстоит хуже. Для их понимания мы все еще плохо подготовлены.

Единственно достоверным источником при этом нам может служить тот эламский запас слов, который сохранился для нас в трехязычных надписях древнеперсидских царей, и прежде всего Дария и Ксеркса. Это в общей сложности 700 слов. Все остальное приходится отвоевывать у текстов при помощи составления все новых комбинаций, сравнений и догадок. Иные исследователи позволили себе при этом идти на поводу у своей слишком буйной фантазии и попадали в коварные ловушки. Есть эламские надписи, каждое второе слово которых является для нас загадкой. Случается, что мы не можем перевести ни одного слова в целом предложении.

Такое положение удержало многих исследователей клинописи включить в круг своих изысканий эламский язык. Вся надежда на то, что среди обломков, насчитывающих тысячелетия, все же когда-нибудь будет найден эламо-аккадский «словник». Подобные «словники», бесспорно, должны были иметься как в школах писцов Элама, так и Двуречья. Однако археологам до сих пор, к сожалению, еще не суждено было натолкнуться на такую находку.

В основе своей аккадская клинопись, разумеется, не была приспособлена к эламскому языку, ибо в последнем наряду с другими особенностями, как, например, предпочтение, оказываемое назальным звукам, имелось и множественное сочетание согласных, для воспроизведения которых слоговое письмо было абсолютно непригодно. Приведем пример: клинописное написание *te-ip-ti* и *te-im-ti*, на самом деле, означает *tempt* «господин». Слово «*tempt*», сверх того, произносилось настолько назализованно, что ассирийцы воспринимали это слово в произношении эламитов лишь как *te*, ибо они, например, писали имя эламского царя Темпти-Хумпан просто Те-Умман.

Приходится приложить немало усилий, чтобы изредка в клинописи распознавать своеобразное звучание эламского языка. Во всяком случае, трудно было отличить произношение *д* и *т*, *б* и *п*, а также *г* и *к*. Эламские писцы поэтому часто колебались в написании одного и того же слова. Так, например, «я дал» они писали то *du-ni-h*, то *tu-ni-h*. Поэтому мы остаемся в неведении: предпочитали ли эламиты в общем более твердое или мягкое произношение? Ответ на этот вопрос дали нам в известной степени соседи Элама. Судя по тому, как вавилоняне и ассирийцы воспроизводили имена собственные или профессиональные термины, они воспринимали на слух в эламской речи преобладание мягких согласных наподобие саксонского диалекта в немецкой речи.

В соответствии с постоянством эламского характера язык их в течение тысячелетий также почти не подвергся изменениям. Если принять во внимание изменение древнего *и* в позднейшей звук *і* (очевидно, через промежуточный звук *й*), то древнеэламский и среднеэламский мало чем отличаются от новоэламского языка.

РЕЛИГИЯ ЭЛАМИТОВ

Если бы мы знали в подробностях мир богов Элама и связанные с ним верования, перед нами раскрылся бы духовный мир эламитов, ибо в их жизни, а это видно даже из имеющихся скудных источников, религия играла господствующую роль.

Правда, эта религия имела некоторые черты, сближающие ее с верованиями соседней Месопотамии. Но в то же время она представляла собой нечто неизгладимо-своеобразное, самобытное. К этому самобытно-эламскому относились исключительные привилегии и почитание, оказываемое вечно женскому началу, уходящее своими корнями к древнемагическому обряду — почитанию змеи...

Змея, как уже упоминалось, прямо-таки лейтмотив эламской культуры.

Рисунки на керамике IV и III тысячелетий буквально изобилуют змеями (например, рис. 19). Как символы защиты от зла мы видим их на затычках для кувшинов и крышках для различных сосудов. Изображения змей дыбились возле ворот, выполняя роль привратников, обвивались вокруг властелинов на рельефах (фото 25), извивались на алтарных блюдах или служили рукоятками различных посвященных предметов, например у скипетров, мотыг и т. п. Намотанные наподобие катушки, они служили божеству треном (рис. 22). С древнейших времен в Эламе также отражался мотив змеи на древе жизни. Эламский символ плодородия, изображавший двух спаривающихся змей, проник до самого Египта. Змеи с человеческими головами (рис. 19) свидетельствуют о такой степени обожествления этого пресмыкающегося, в какой оно не встречалось в Двуречье.



Рис. 19

Как и язык, религия эламитов в течение тысячелетий также не претерпевала существенных изменений. Еще в первом дошедшем до нас эламском документе, в договоре, датированном 2260 г. (фото 16), мы встречаем почти все те же божества, которые составляли эламский пантеон и при падении империи в 640 г.¹ Уже при первом их появлении на исторической арене в XXIII в. они выступали в строго установленной последовательности, свидетельствующей о том, что этот мир богов уже тогда своими корнями уходил в древнейшие времена.

Во главе всех божеств находилась, а это весьма характерно для Элама, богиня, ибо упомянутый договор начинается обращением: «Слушайте, богиня Пиненкир и вы, добрые боги неба». Даже в более поздние времена Пиненкир слыла у эламитов «владычицей неба», могущей проклясть. Ее имя часто встречается в именах собственных. Так, дочь самого прославленного эламского царя (Шилхак-Иншушинака) называлась Уту-е-хиххи-Пиненкир, что, вероятно, должно было означать «Ее лono я посвятил Пиненкир». Месопотамцы видели в Пиненкир своего рода Иштар (по-библейски — Астарта). Она, видимо, была «великой богиней-матерью» элами-

¹ Последний поход Ашшурбанапала в Элам имел место в 639 г. до н. э., но и после этого Эламское государство продолжало свое самостоятельное существование (*прим. ред.*).

тов. Тот факт, что пантеон богов древнего Элама возглавляла богиня, свидетельствует о наличии матриархальных отношений в Эламе².

Между тем такая же богиня-мать почиталась на далеком юго-востоке, в «приморской стране» Персидского залива. Ее звали Киририша, основное место почитания ее культа — Лиян (=Бушир). Правда, Киририша, в сущности, не имя собственное, а титул со значением «великая богиня» (*kiri* — богиня, *riša* — великая). Из Лияна культ Киририши постепенно проник на северо-запад. Это видно из того, что цари и правители среднего и нового периодов посвятили ей в различных местах Сузианы многочисленные храмы. В самой столице — Сузах — у Киририши были величественные титулы — «Мать богов» и «Владычица главного храма». Но тем не менее культ Киририши в Сузах не слился с культом Пиненкир.

Кроме того, около 710 г. правитель Ханни из Аяпира (-Изех) наряду с Кириришей упоминает Парти, которую он прославляет как «добрую богиню-мать».

Сбивающие с толку образы двойных и тройных богинь-матерей можно объяснить историческим развитием Элама. Оно отражает федеративное устройство страны. В древнейшие времена, по всей вероятности, каждый член федерации Элама имел свою собственную богиню-мать. Сузиана — свою (очевидно, происходящую из северных гор), Пиненкир, южная «морская страна» у Персидского залива — свою, Кириришу, а восточная горная страна Аншан — свою, Парти.

Как это ни удивительно, но эламита ни в какой степени не смущала множественность богинь-матерей. Правда, во II тысячелетии Киририша была признана всем Эламом, однако рядом с ней мирно сосуществовали издавна почитаемые здесь местные богини-матери. Каждой богине — местной и пришлой — заботливо сооружали посвященное ей святилище, каждой приносили в отдельности жертвоприношения. Следует отметить, что все же больше двух богинь-матерей в одном и том же месте, кажется, не почитали. Исключение, возмож-

² То, что богиня возглавляет эламский пантеон во второй половине III тысячелетия до н. э., не говорит о существовании в то время матриархата. Это обстоятельство свидетельствует лишь о сохранившихся пережитках материнского права, что наблюдается позже и в других областях жизни эламитов (*прим. ред.*).

но, представляли Сузы, где в поздний период царства кроме Пиненкир и Киририши засвидетельствована также Парти³.

Еще в III тысячелетии эти «великие богини-матери» стояли во главе эламского пантеона⁴. Однако в течение II тысячелетия наступила перемена. Так как в это время среди населения Элама традиционный матриархат постепенно вынужден был уступить патриархату, на чем мы подробнее остановимся в V главе, то естественно, что отношение к культу того или иного божества изменилось. Богиня-мать — назовем ее Пиненкир или Киририша — вынуждена была уступить первенство мужскому верховному божеству; однако из ведущей группы эламского пантеона божеств она не была вытеснена. В сердцах же простых людей она во все времена сохраняла свое прежнее, преимущественное место. Об этом свидетельствуют бесчисленные извлеченные из земли глиняные статуэтки так называемой обнаженной богини, поддерживающей обеими руками груди (рис. 20) и изображающей, видимо, Пиненкир или Кириришу.

Мужское божество, которому «великая богиня» должна была уступить свое господствующее место, именовалось Хумпаном. В III тысячелетии он еще занимал второе место, но с середины II тысячелетия он возглавил пантеон богов. В отличие от почитаемых лишь в определенных областях Элама богинь-матерей Хумпан был почитаем во все времена по всему Эламу. Как «повелитель неба» он считался в Сузах супругом «повелительницы неба» — сначала Пиненкир, а позднее также и Киририши, которая получила титул «великой супруги». От супружества Хумпана и Киририши родился бог Хутран. Среди 37 богов, перечисленных в памятнике 2260 г., Хутран, правда, занимает лишь 15-е место, но еще в VII в. до н. э. ассирийцы знали его под именем Удуран.

Соперниками Хумпана в борьбе за высшее место в пантеоне были прежде всего боги больших городов. Как только Сузы из провинциального города в III ты-

³ Богиня Пиненкир впервые засвидетельствована в III тысячелетии до н. э., Киририша — во II тысячелетии, а Парти — в I тысячелетии до н. э.

⁴ Нет данных о том, что все эти богини стояли во главе эламского пантеона в III тысячелетии до н. э. Утверждение автора верно лишь по отношению к богине Пиненкир (*прим. ред.*).

сячелетии стали столицей эламского царства во II тысячелетии, изменилось, естественно, и отношение к культу бога Суз. Его имя — Иншушинак — произошло, вероятно, от шумерского Nin-šūsin-ak «владыка Суз» — еще со времен, когда Сузиана находилась под шумерским владычеством. В 2260 г. Иншушинак занимал лишь 6-е место (среди 37 богов), однако спустя тысячи лет он уже входил совместно с Хумпаном и Кириришей в прочную, стоящую во главе эламского пантеона триаду. Чаще всего в надписях встречается такая последовательность — Хумпан — Киририша — Иншушинак. Случается, что Иншушинак стоит на втором месте — после Хумпана, но перед Кириришей. Однако на первое место Иншушинак никогда не передвинулся.

По мере возвышения Иншушинаку присваивались все более помпезные титулы. С самого начала он был для простых людей «отцом слабых». Эти слова говорят о чувстве большой симпатии. Один эламский правитель Старовавилонского периода, т. е. первой половины II тысячелетия, называет бога Иншушинака «своим повелителем», другой — «повелителем богов». Последний титул Иншушинака подтверждает, что он стал уже верховным божеством и памятник XIII в. именует последовательно обоих — Хумпана и Иншушинака «повелителями богов». Все позднейшие правители присваивали себе титул «любимый слуга Иншушинака». Наивысший титул этот бог получил в XII в. при Шилхак-Иншушинаке: «великий господин, владыка верхнего города, благодетель верхнего храма, всеобщий защитник, который дал нам свое имя». Еще в VIII в. Иншушинак почитается как «покровитель богов на небе и на земле».

В одном памятнике, в котором обращаются к божественной тройке — Хумпану, Иншушинаку и Киририше,



Рис. 20

богиня недвусмысленно титулуется «великой супругой». Отсюда можно сделать вывод, что Киририша как богиня-мать была супругой не только Хумпана, но и Иншушинака. Очевидно, три божества воспринимались даже как два брата и сестра, ибо подобные отношения, когда два брата один вслед за другим являются супругами своей сестры, вероятно, существовали среди правящих династий Элама во все времена⁵. Отношения между верховной божественной тройкой, по-видимому, явились лишь отражением того, что на земле давно стало традицией среди узкого круга господствующей династии.

Сегодня кажется, что из всех богов культ Иншушинака пользовался наибольшей популярностью среди эламитов, ибо обычно весьма сухие, высокопарные тексты посвященных надписей неожиданно наполняются жизнью и теплотой, как только речь заходит об Иншушинаке. Так, например, царь Унташ-Напириша, автор тысяч однообразных посвященных текстов настенных фризоз своей ступенчатой башни в Чога-Замбиле, неожиданно обращается самым трогательным образом с просьбой: «Пусть бог Иншушинак приблизится, одарит, скажет [свои слова]». Даже разрушитель Элама ассирийский царь Ашшурбанапал называет Иншушинака «таинственным богом, пребывающем в скрытом месте, где никто не может стать свидетелем того, что творит его божественная сущность».

Если исследовать истоки этого благоговения перед Иншушинаком, совершенно непостижимого по отношению к богу одного лишь города Суз, то бросается в глаза тесная связь его культа с культом богини Ишникараб.

⁵ Из письменных источников известно, что лишь Шилхак-Иншушинак (XII в. до н. э.) женился на вдове своего брата Кутир-Наххунте II. Это делалось для того, чтобы сохранить власть за собой и своими детьми. Нет никаких письменных сведений о том, что вдова Кутир-Наххунте II была сестрой обоих правителей. Брак на вдове брата свидетельствует о наличии в Эламе обычая левирата. Обычай левирата во все времена был широко распространенным явлением на Востоке. При левирате состояние покойного брата вместе с женой и детьми переходило в состав хозяйства здравствующего брата. Исторически же обычай левирата преследовал цель сохранения хозяйственной целостности домашней общины. Женитьба правителя на вдове своего брата — предшественника на троне имела целью сохранить за собой власть (*прим. ред.*).

Вместе с ней Иншушинак стал для всего Элама богом клятвы: перед судом приносили по всем правилам клятву именем Иншушинака и Ишникараб. К началу II тысячелетия богиня по-аккадски называлась Ишмекараб, что означает: «Она услышала молитву». По-видимому, культ этой богини появился в Эламе лишь под влиянием Аккада. Однако в Эламе она приобрела право гражданства, причем прочное, в противоположность чужеземным божествам Нергалу, Энки, Нинегаль, Анунитум, Ададу, Набу, Нуску и Шале, которые были приняты в пантеон лишь временно.

Об особой роли богини Ишникараб нам впервые стало известно, когда в Сузах были обнаружены надгробные таблички (редкая находка) I тысячелетия до н. э. По ним выходит, что Ишникараб совместно с богиней Лагамал (или Лагамар) принимала в преисподней усопших. О них говорится в одной табличке: «Они выбрали этот путь, они идут своей дорогой». Ишникараб и Лагамал выходят им навстречу... Иншушинак объявляет свой приговор.

Вот оказывается, в чем причина таинственной власти Иншушинака: он владыка царства мертвых. Теперь становится понятной и связь его культа с культом Ишникараб при приношении клятв живыми людьми: богиня — ближайшая его помощница и в том, другом, мире, в котором судят. Косвенно об этом можно узнать также из уже упомянутой надписи царя Унташ-Нипириши. В ней царь просил бога Иншушинака, чтобы он явился с дарами и утешением. Однако надпись на пожертвованной им храму терракотовой рукоятке, покрытой голубой глазурью, посвящена не Иншушинаку, а богине Ишникараб.

Судя по всему, культу Иншушинака удалось еще в Старовавилонский период постепенно вытеснить культ шумерского бога потустороннего мира Нергала, и Иншушинак стал владыкой потустороннего мира Элама. В этой связи знаменательно также и то, что в эламских правовых документах свидетели всегда находились под покровительством двух божеств, а именно: бога Солнца и Иншушинака.

Оба они, таким образом, слыли властителями над светом и тьмою и тем самым над миром живых и царством мертвых.

Эламского бога Солнца звали Наххунте, что на местном языке означает «солнце». Первоначально это слово, по всей вероятности, произносилось, как *nap-hunde*, т. е. «творец дневного света». Наххунте был, в сущности, богом права и судебного приговора. В договоре от 2260 г. бог Солнца занимает пятое место в божественной иерархии, т. е. все еще впереди Иншушинака. В этом документе неоднократно говорится: «Богу Наххунте любой царь платит преданностью и верностью. Иншушинаку — покорностью». Это также подчеркивает двойную роль богов, олицетворяющих закон: пока человек — в том числе и царь — живет на земле, он обязан быть преданным богу Солнца, однако как только он переходит в царство теней, он становится подданным судьи мертвых Иншушинака.

Наряду с богом Солнца Наххунте в Эламе во все времена почитался также бог Луны. Вообще эламиты обожествляли все без исключения небесные светила, равным образом и силы природы и даже море. К сожалению, имя бога Луны почти сплошь обозначается аккадским словесным знаком (SIN) — «луна», так что его эламское название еще точно не установлено. По-видимому, его звали Напир, так как этот бог получил титул «сияющий». Для эламитов бог Луны слыл, в частности, «отцом сирот».

Среди многочисленных богов Элама мы упомянем лишь самых главных. К ним относится прежде всего Симут (или Шимут) с необычным титулом «бог эламитов». Он считался «провозвестником богов» и, по всей видимости, был почитаем по всей стране. Супругой его была Манзат (также Манзит), о которой уже вкратце говорилось во Введении в связи с храмом, возведенном в ее честь в Хупшене (Дех-е ноу). В договоре от 2260 г., в котором Симут занимает седьмое место (сразу после Иншушинака), Манзат, правда, отведено лишь 18-е место после Сияшум, однако до Нарунди.

Обе только что упомянутые богини фигурируют как сестры «великой богини-матери». В то время как Сияшум, видимо, была «хранительницей дворца» богов, Нарунди с давних времен снискала себе славу как богиня победы. Царь Кутик-Иншушинак, с именем которого мы уже встречались (в гл. II) при расшифровке эламского линейного письма, построил в Сузах храм для

Нарунди. Ее статуя из известняка высотой 81 см находится в настоящее время в Лувре (фото 4). Царь обращается к ней на аккадском языке: «Услышь мою мольбу! Обеспечь мне мои права!» Босая, в грубошерстной одежде богиня сидит на троне, украшенном львами. Голова же статуи была найдена лишь в 1968 г. Агнией Спиккет в запасниках Лувра; все прежние фото показывали статую без головы. Она держит в руках два загадочных предмета, по всей вероятности, символы ее божественной власти, возможно, таблички с надписями. Те же самые предметы можно увидеть в руках богини Нарунди на обнаруженной лишь в 1966 г. в Персеполе серебряной вазе.

Эламская надпись царя Кутик-Иншушинака, выполненная местным линейным письмом, расположена на левой боковой стенке трона и продолжается затем наискось внизу трона. В случае если моя расшифровка правильная, то надпись следует читать: «Победа была одержана благодаря Нарунди!» В Старовавилонский период, 500 лет спустя, в Сузах нередко встречаются женские имена, как, например, Нарунди-умми (по-аккадски «Нарунди приходится мне матерью»). Нарунди была, таким образом, не только богиней победы. В Месопотамии, правда, у нее была менее добрая слава: в более позднем ассирийском списке богов Нарунди выступает как сестра «семи злых духов».

Совершенно неожиданно появляется богиня Нарунди на упомянутой выше вазе, найденной лишь в 1966 г. Очевидно, речь идет о сосуде для возлияния, пожертвованном богине жрицей по имени Кури-Нахити, изображенной на обратной стороне вазы. Выведенная на верхней части вазы опоясывающая надпись, сделанная древнеэламским линейным письмом, гласит в моей попытке ее перевести: «Помоги, госпожа, помоги! Я, Кури-Нахити (?), призвана принести в жертву богине питье. Принеся воздаяние и благословение, появись, божественная госпожа! Служителей храма не оставляй своей милостью! Помоги! Освяти сосуд жертвовальницы (жрицы) как избранной день за днем!».

Другие эламские божества, и среди них бог рек Шази, к которому во время судебного разбирательства обращались как к ордальному судье, еще встретятся нам в ходе нашего изложения.

Вопрос о том, как эламит представлял себе сущность божества, как он относился к божественному началу, может быть лишь предметом наших догадок. Известно только, что эламиты воспринимали все земные блага как дар богов. Об этом мы узнаем неожиданно из обычных очень сухих правовых документов из Суз Старовавилонского периода. В этом документе перечислены все мыслимые имущественные ценности, как, например, поля, луга, строения, сады, зерно, серебро и т. д., а заканчивается документ интересным дополнением: «Одним словом, все что бог дал человеку в собственности».

Все божества обладали, по убеждению эламитов, таинственной, сверхъестественной силой. Она транскрибируется как *kitep* (*китен*). Как *kidinpu* (*кидинну*) это эламское слово проникло также в аккадский язык. Из аккадской орфографии мы заключаем, что эламиты, вероятно, произносили это слово как *киденн*, с «мягким т» и ударением на последнем слоге. Это китен означало магические чары, ауру божества, ее защищающую, но и карающую власть. Китен могло, как утверждал В. Ф. Леманс, превратиться даже в железный или каменный знак-табу. На магической защитной силе китен эламские цари основывали свою власть. Они рассматривали себя по отношению к своим подданным как земных представителей божественного китен. Кто осмеливался прикоснуться к нему, должен был поплатиться своей жизнью, «терял покой» и должен был умереть (ср. гл. V). Хотя все боги обладали подобным китен, однако китен Хумпана символизировал особое право на власть по меньшей мере в тот период, когда он стал верховным божеством эламского пантеона.

Об отправлении культовых обрядов эламитов мы узнаем из очень немногих разрозненных памятников. Среди многочисленных печаток древности, отличающихся изобилием самых различных сюжетов, лишь на одной изображено, и то весьма несерьезно, действие, которое можно истолковать как культовый обряд (рис. 21). Во время процессии на носилках через город проносят изображение божества, перед статуей сидит музыкант. Рядом с носилками шествуют мужчины, на одном из



Рис. 21

которых надет забавный головной убор. В руках шествующих знамена и знаки-табу, а также странной формы веревки, которые, возможно, должны были символизировать змей.

Религиозные шествия с изображением богов были распространены и в Двуречье. К специфическим эламским можно было отнести те «шествия», которые возглавлялись жрецами и сановниками или даже кем-то из царствующей династии с целью посещения священных мест (фото 6). Здесь размещались культовые изображения и алтари, здесь совершали жертвоприношения и молились богам. Для таких культовых походов эламиты предпочитали выбирать места на возвышении, будь то храм в городе, сооруженный на высоте, или святилище на горном хребте, среди тиши первозданной природы.

Такое культовое место, поражающее своим суровым величием, сохранилось около деревушки Сетолан между Баштом и Нурабадом, в центре Аншана. Этот памятник из Курангана (на местном диалекте — Курангун) высечен на горной вершине над р. Фахлиан (фото 5). Детали плоских, подвергшихся сильному выветриванию наскальных изображений показаны на рис. 22.

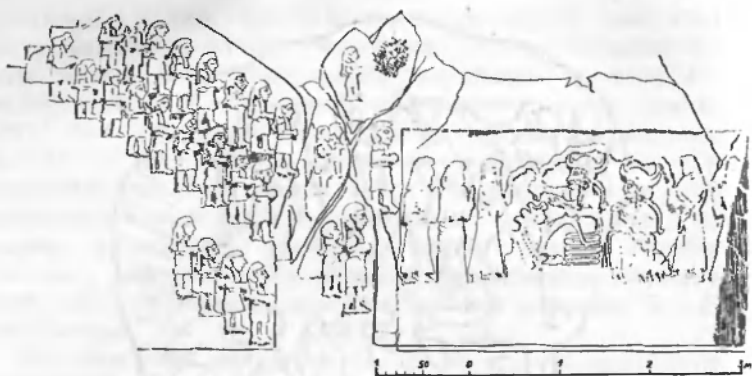


Рис. 22

Они выполнены их первооткрывателем Эрнстом Херцфельдом.

Здесь можно увидеть шествие людей — первоначально, очевидно, их было около сорока, но сохранилось меньше. Часть памятника в течение веков выкрошилась и скатилась под откос. Эта часть памятника, по мнению Л. Ванден Берге, сооружена лишь в VIII в. до н. э. Процессия спускается вниз по лестничному маршу на узкую площадку. Расположенный над ней главный рельеф можно датировать приблизительно 2000 г. Жрецы, которые в то время совершали перед этим рельефом обряд жертвоприношения, не должны были страдать головокращениями, если они не хотели свалиться с крутых скал.

На продольной стене площадки изображена, судя по короне с рогами, божественная супружеская чета. Мужскому божеству с длинной бородой, очевидно Хумпану, тронотом служит сиденье, похожее на катушку из змей. Левоу рукой бог держит голову змеи. За ним, но, вероятно, задуманная рядом с ним, изображена сидящая богиня, возможно Киририша или Парти. Похожее изображение встречается, кстати, еще в глубине Аншана, на скале в Накш-е Ростаме вблизи Персеполя в Южном Иране. Здесь сасанидский царь Бахрам II (276—293) вместе со своими придворными решил увековечить себя на эламском рельефе. На этом памятнике сохранился (крайний справа) эламский сановник, а

между ним и сасанидом видны следы двух тронных сидений, представляющих свернутых змей. Во всяком случае, эламский рельеф из Накш-е Ростама, судя по одежде сановника, был, вероятно, создан на тысячу лет раньше рельефа со змеями из Курангана.

На рельефе из Курангана бог держит в правой руке сосуд с «живой» водой. Этот мотив, как и мотив божественной короны с рогами, был, вероятно, заимствован у шумеров. «Живая» вода течет слева и справа, принимают ее двое мужчин в длинных одеяниях. Они, по-видимому, представляют собой царя и его брата. Рядом с ними справа и слева изображены по одной женской фигуре в длинных до земли одеждах; слева видна еще одна мужская фигура. Вероятно, все пять лиц были задуманы как единая группа перед двумя божествами, а точнее, перед алтарем, сооруженным перед сидящими божествами.

Пришедшие сюда люди, расположившиеся на лестничных ступеньках, изображены в значительно меньших размерах, чем находящиеся на площадке. Исключение составляют лишь два человека средних размеров, возглавляющие спускающихся со ступенек. Только возглавляющий группу носит бороду; волосы у всех остальных заплетены в длинные косы. Косы, похоже, пользовались у эламитов во все времена большой популярностью: правитель Ханни (фото 13), например, носил свои две косы в VIII в. до н. э. по той же моде, как и неизвестный эламский царь (фото 22) за тысячелетие до него.

Вероятно, отправление культа у эламитов подразделялось на два различных вида: «словесный» и «молчаливый». Первый состоял в том, чтобы перед лицом бога воздеть руки; при этом, вероятно, произносилась молитва. Этот вид культового отправления мы можем наблюдать на изображении в Курангане. Если же одновременно приносили жертву (фото 19—20), то поднимали лишь правую руку. «Молчаливое» отправление культа можно наблюдать у участников процессии, стоящих на лестничных ступенях в Курангане: они держат руки скрещенными на поясе. Ту же молчаливую позу мы находим на наскальном рельефе, изображающем Ханни с супругой и сыном в Шекаф-е Салмане вблизи Изеха (фото 13), и особенно торжественно она выражена в

бронзовой статуэтке, изображающей царицу Напирасу из Суз (фото 24).

Регулярные культовые отправления эламитов в отличие от религиозных шествий происходили, вероятно, в многочисленных храмах и святилищах, засвидетельствованных письменными памятниками. К сожалению, ни одно подобное святилище не сохранилось до наших дней. Самым большим сооружением такого рода является ступенчатая башня, сооруженная царем Унташ-Напиришей в XIII в. одновременно с основанным им городом Дур-Унташ (современный Чога-Замбиль), грандиозные руины которой, как уже было упомянуто нами во Введении, удалось в настоящее время раскопать (фото 7—9). Так как эта башня — один из самых величественных памятников эламского строительного искусства, мы остановимся на зиккурате в Чога-Замбиле более подробно в гл. VIII. Здесь же мы проследим лишь общие черты эламской религии, как они отразились в сооружении храмов вообще.

К счастью, в ходе раскопок в Чога-Замбиле были обнаружены и стандартные сооружения. Между внутренним и внешним валом нашли следы трех храмов: слева, на переднем плане, непосредственно за северными воротами внутреннего вала был расположен храм, посвященный богу Хумпану; справа, в центре, расположено сооружение из двух храмов, посвященных богам Хишмитик и Рухуратиру (из пантеона горного Аншана). На заднем плане, пересекая пустынные места, спокойно несла свои воды Диз.

Особенный интерес вызвали очертания храмов, обнаруженных французской археологической экспедицией в Чога-Замбиле, в восточной части Сиянкука, названного священным округом (рис. 23).

Из общей схемы выпадает лишь виднеющаяся на этом рисунке самая верхняя постройка. Она была посвящена группе богов Напратеп. В эту группу входили, как свидетельствуют двойные пьедесталы для статуй, размещенные в четырех нишах на задней стене строения, четыре пары богов. Так как пар означает по-эламски «божество», то gate могло бы означать незнакомое нам до сих пор числительное «восемь», а окончание -р могло

бы быть истолковано как окончание для одушевленных предметов, и тогда Напратеп можно было бы просто перевести как «восемь богов» или «богов восемь».

Единой планировкой отличаются три других храма на рис. 23. Они посвящены (см. снизу вверх) Пиненкир (древней богине-матери Суз), вавилонской божественной чете — Ададу и Нинегаль (богу природных стихий и его супруге) и эламской божественной чете Симуту и Манзат. Все три храма, а также территория, прилегающая к ним, окружены прямоугольной стеной. Проникнуть внутрь можно было лишь через единственные ворота справа, выходящие на юго-запад. Отсюда мимо жертвенного стола вела выложенная большими квадратными кирпичами тропа наискось к входным воротам в центре фасада храма. Вероятно, эламиты направлялись к своим святыням не прямым путем, а наискось.

В Чога-Замбиле, например, ни одна из семи дорог от ворот не вела прямо к порталу ступенчатой башни. Это, очевидно, считалось неподобающим.

Каждое из трех святилищ на рис. 23 состоит из двух помещений. В переднем — по форме вытянутый прямоугольник — на пьедесталах стояла статуя бога или статуи богов, которым был посвящен храм. Так, в храме Пиненкир был размещен один пьедестал, в двух других — по два пьедестала. Слева сбоку находился узкий проход в другое небольшое удлиненное помещение, предназначение которого до сих пор еще не выяснено. К каждому из трех храмовых строений в переднем дворе

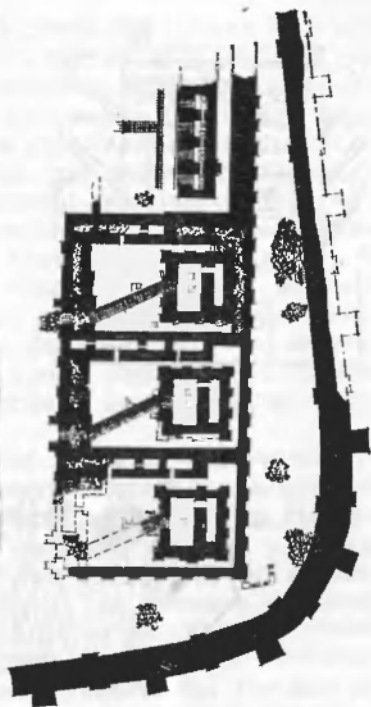
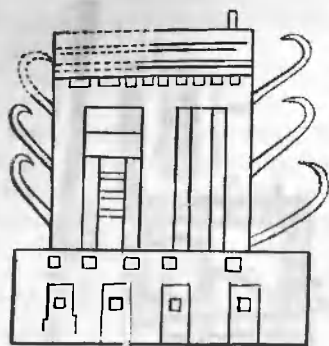
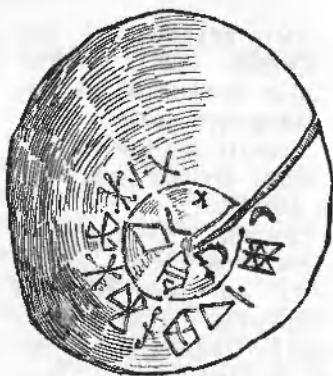


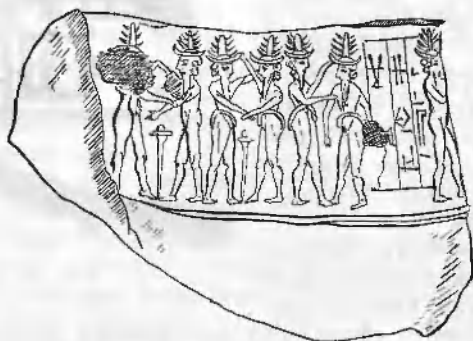
Рис. 23



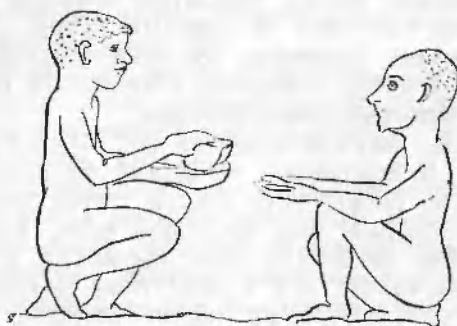
Puc. 24



Puc. 25



Puc. 26



Puc. 27

вдоль левой опоясывающей стены примыкали еще четыре постройки. Они, вероятно, предназначались для жрецов, храмовых слуг и храмовой утвари. Входы в эламские храмы охраняли изваяния львов, быков или грифонов. Эламиты при этом не стремились к монументальным размерам своих статуй: для охраны святилищ было, вероятно, достаточно одного лишь китен, т. е. магического воздействия этих изваяний. В Чога-Замбиле, например, среди развалин храма Адада и Нинегаль были найдены терракотовые статуэтки быков, покрытые голубой глазурью, которые по своим размерам могли сойти в лучшем случае за бычков-телят. Но, невзирая на это, Ашшурбанапал в своем сообщении о завоевании Суз утверждал: «Я сорвал диких быков — украшение храмовых ворот».

Об архитектуре эламских храмов свидетельствуют лишь печати раннего времени, а также наскальные изображения из позднеассирийского времени из Ниневии. На рис. 24 (по печати III тысячелетия до н. э.) храм в древнем Эламе изображен как прямоугольное, довольно высокое строение, возведенное на террасе кирпичной кладки, фасад которого был, вероятно, украшен нишами, а позади сбоку, по-видимому, поднимались лестничные марши. В самом храме можно увидеть два дверных проема, один, левый, служил, вероятно, входом. Он частично был завешан тростниковой циновкой для защиты от солнечных лучей, в то время как правый проем служил лишь украшением. Крыша храма была плоской и состояла из нескольких горизонтальных слоев деревянных балок. Ряд маленьких прямоугольных оконных рам, расположенных между дверными проемами и крышей, служили для освещения и проветривания внутреннего помещения.

Самым броским элементом храма были шесть огромных рогообразных выступов — по три с двух сторон каменного строения. Здесь мы сталкиваемся с незнакомым нам до сих пор специфически эламским способом возведения храмов.

Еще в 646 г. Ашшурбанапал гордо провозглашает, что при завоевании Суз он приказал срубить «бронзовые выступы» на зиккурате. Рельеф из его царского дворца в Ниневии (находится у сегодняшнего Мосула) изображает верхний храм этого зиккурата в Сузах с

двумя парами огромных выступов на фасаде (см. рис. 32).

О внутреннем убранстве эламских храмов из раскопок нам известно немного, так как еще в древние времена все ценное было разграблено. Однако документы о жертвоприношениях или случайные находки с посвятельными надписями все же дают представление обо всем, что находило место в храмах.

Сюда следует прежде всего отнести статуи, отлитые из металла или изваянные из камня или глазурованной глины, изображающие не только божества или духов-покровителей, но и земных правителей и их многочисленных родственников. Одержавшие победы в войнах цари Элама с особым удовольствием ставили перед своим богом Иншушинаком захваченные в качестве трофеев стелы. Ашшурбанапал, в свою очередь, утверждал, что якобы увез 32 скульптурных изображения эламских царей, отлитых из золота, серебра, бронзы или изваянных из алебаstra.

Храмам необходимы были также алтари и столы для жертвоприношений. Некоторые из них имели приспособления для стока жертвенной крови или жертвенных напитков. На алтарях и на помостах стояли, а на стенах висели самые разнообразные предметы и посвятельные дары, например, изваяния овец, коз, черепах и многих других животных из дерева, бронзы или камня, серебряные изделия, знаки табу богов, всякого рода оружие, как, например, топоры, стрелы, мечи. Загадкой остается назначение покрытых глазурью глиняных рукояток, которые царь Унташ-Напириша, приказав написать на них свое имя, велел сотнями закопать в умышленно оставленных пустыми помещениях зиккурата в Чога-Замбиле.

Храмы наряду с пожертвованиями, сделанными царями и имущими, получали еще бесчисленное множество пожертвований от простого эламского населения. Среди них были амулеты, всевозможные украшения, а также простые глиняные черепки с посвятельными надписями. Подобный глиняный черепок показан на рис. 25. Несмотря на то что его диаметр не более 6 см, на нем размещена двухстрочная эламская надпись, исполненная

древним линейным письмом, которое, как уже было сказано, перестало существовать около 2220 г. Половина содержания этой надписи еще не расшифрована, но конец наружной строки, возможно, означает: «царь страны да будет охраняем, да будет охраняем!» По всей вероятности, один из верноподданных сделал попытку обратиться к своему правителю милость богов.

Важной особенностью, характерной для эламского храма, было наличие при нем священной рощи. О таких рощах свидетельствуют письменные документы. В Сузах, например, роща имела при храме бога Солнца Наххунте, в Дур-Унташе — при храме богини Киририши. Вполне вероятно, что священная роща составляла неотъемлемую часть любого эламского храма. Так, покоритель Суз Ашшурбанапал сообщал: «Эламские храмы я велел уничтожить. Их боги и богини были мною низвергнуты; в их заповедные рощи, полностью недоступные для чужестранца, к опушке которых еще никогда никому не удавалось даже приблизиться, проникли мои воины, подсмотрели их тайны и уничтожили рощи огнем».

Каких трудов стоил уход за священными рощами при храмах такому городу, как Сузы, становится очевидным, если учесть, какие силы приходится затрачивать еще сегодня, чтобы снабжать ежедневно водой французскую археологическую экспедицию, занятую раскопками развалин бывших Суз. В те стародавние времена целые толпы погонщиков ослов, нагрузив на каждое животное по два бурдюка пресной воды из р. Улай, бесконечное количество раз вскарабкивались к храмам, чтобы, освободившись, тут же спуститься обратно к реке, так как священные рощи вовсе не были миниатюрными садами. Об этом свидетельствует тот факт, что однажды только в святилище бога Симута в Сузах были срублены целых десять деревьев⁶. В воде нуждались не только

⁶ Автор имеет в виду документ № 390 (MDP, XXIV, 1933, стр. 88), в котором нет и речи о святилище бога Симута. В документе говорится, что некто живет под защитой китен бога Симута и срубил десять деревьев и отдал людям. Остается неизвестным — где и с какой целью это было сделано? Скорее можно предположить, что некто был служителем храма, для которого где-то сру-

священные рощи, но вода была необходима прежде всего для ритуальных омовений и приготовления священных напитков, уж не говоря о нуждах в воде самого храмового хозяйства.

О разновидностях культов у эламитов источники дают нам лишь отрывочные сведения.

Культовые обряды, как правило, не обходились без музыки. Уже на упомянутой нами печати (рис. 21) во время религиозной процессии по улицам города перед изображением бога можно различить сидящего музыканта. Царь Кутик-Иншушинак около 2250 г. до н. э. выплачивал вознаграждение музыкантам, в обязанность которых входило утром и вечером петь и играть у главного портала пожертвованного им Иншушинаку храма. И даже 1500 лет спустя мы встречаем музыкантов на рельефе правителя Ханни в ущелье Кул-е Фарахе у Изе-ха (фото 10). Три музыканта играют на арфе, лире и флейте по случаю жертвоприношения зебы, козла и трех баранов.

Жертвоприношения были ежедневным «мероприятием», очевидно, любого эламского храма. При посвящении в Сузах Иншушинаку нового храма, портал которого был умащен 20 мерами растительного масла, царь Кутик-Иншушинак велел учредить ежедневные жертвоприношения: «Одного барана в храме верхнего города и одного барана в храме, расположенном в долине». Из хозяйственных табличек, написанных много столетий спустя, мы узнаем, что упомянутый храм верхнего города все еще регулярно снабжался жертвенными овцами. Однако в те времена пришлым богам Нергалу, Энки и Нинегаль также полагалось приносить ежедневно в жертву «откормленную ячменем» овцу. По-видимому, подобный обряд жертвоприношения происходил ежедневно также перед тронном царя и перед его изваянием в храме.

Характерно, что ежедневные жертвоприношения совершались не только от имени правителя, но и от

били деревья: как раз документ носит характер отчета. Надо отметить, что вряд ли можно было срубить деревья в священной роще: храмовая собственность была неприкосновенной. Это подтверждают и слова Ашшурбанапала, которые приведены автором, а именно, что никто до него не вступал в таинственные рощи храма (прим. ред.).

имени его супруги. Жертвоприношения по поводу того или иного события упоминаются в Эламе лишь однажды и то мимоходом: перед выступлением в военный поход в Сузах, очевидно у городских ворот, приносили в жертву баранов перед огромным изваянием льва.

Среди поводов для совершения в Эламе ритуальных жертвоприношений животных особенно выделялись два.

Самым значительным был, по-видимому, праздник «владычицы верхнего города». По всей вероятности, в Сузах с древнейших времен имелся верхний город со священным округом, в котором размещались храмы различных божеств, однако над всеми ними возвышался храм Иншушинака. Под «владычицей верхнего города», вероятно, подразумевалась Пиненкир, позднее, возможно, также и Киририша. Праздник «великой богини-матери» происходил в начале осени при новолунии и одновременно знаменовал с древнейших времен начало нового года. В священной роще богини особым ритуальным способом под названием *гушум* забивались «взрослые, откормленные бараны». Так как этот праздник назывался «Днем кровопролития», то главное внимание уделялось, очевидно, тому, чтобы лилась кровь приносимых в жертву животных. Отчеты царского двора свидетельствуют о том, что этот праздник «очищения» происходил не только в священном округе, но и во дворцах царя и царицы. Предназначенные для заклания жертвенные животные уже в течение сентября выводились из царских загонов и передавались двум ответственным за это лицам.

Особый день был посвящен также богу Симуту (или Шимуту). Ежегодно ему приносили в жертву, вероятно в середине мая, в честь его праздника быка. Животное очень тщательно отбиралось специально для «эламского бога» и часто доставлялось издалека. Однажды даже шумерский царь Гунгунум из Ларсы (царствовал с 1932 по 1906 г.) лично принес в дар Симуту жертвенного быка. Чтобы произвести на эламитов благоприятное впечатление — он осуществлял в то время над ними верховную власть, — Гунгунум приказал перегнать быка из района Забана у р. Нижний Заб в Сузы, что заняло много недель; здесь он до начала праздника содержался в царском хлеве.

При храмах во все времена было жречество, которое в столице, несомненно, было многочисленным и располагало, в свою очередь, множеством слуг. Во главе жречества стоял верховный жрец. Его титул стал нам известен из надписей (также из эламских) только на аккадском языке (*наишишу рабу*). Обычный жрец назывался по-эламски во все времена *шатен*. Верховный жрец, безусловно, пользовался большим влиянием при дворе. Он часто сопровождал царя во время его военных походов. Мы узнаем из более позднего периода о некоем верховном жреце по имени Шутруру, принявшем в завоеванных Шутрук-Наххунте II местностях жертвенных быков и повелевшем за это возвести ряд стел с изображением эламского царя⁷.

Об огромном влиянии, которое когда-то имело жречество на хозяйственную жизнь эламского народа, свидетельствует и календарь. Еще в середине II тысячелетия до н. э. ноябрь в этом календаре называется «месяцем возделывания полей богов», а следующий за ним — «месяцем пахотной борозды и сева». Таким образом, эламиты обязаны были сперва обработать храмовые земли, прежде чем они могли приступить к севу на собственных полях. В соответствии с этим апрель был предназначен для снятия урожая ячменя на храмовых землях и лишь в мае наступала очередь для снятия урожая у рядовых эламитов.

Управление обширными храмовыми землями, а также другими имущественными ценностями, которые приносились в дар божествам, полностью находилось в руках жрецов. Табличка из Суз, например, упоминает, что чужеземная богиня Анунитум уполномочила жреца сдать в аренду большой земельный участок. Примечателен также следующий документ древнего периода: «Для сделок с серебром и золотом как в городе, так и по всей стране бог Солнца и господин Арад-Куби — так же как

⁷ Верховный жрец Шутруру жил, вероятно, при правлении Шутрук-Наххунте II (717—699). Эта надпись, к сожалению, полностью не поддается объяснению и переводу, поскольку значение многих слов в ней неизвестно. Однако из содержания надписи можно заключить, что статуи божества ставили на подаренных храму землях. Наличие статуй говорило о принадлежности данной земли храмам. К тому же сама статуя олицетворяла божество, которому население было обязано приносить жертвы. Принесение же жертвы статуям — обычное явление на древнем Востоке.

прежде его отец — компаньоны. Все торговые сделки, которые совершал его отец, он совершал для бога Солнца»⁸. Понятно, что не бог Наххунте был партнером Арад-Куби, а верховный жрец этого храма. Однако главная торговая сделка храмов состояла в том, чтобы ссудить капитал, в том числе и женщинам, и зерно. Обычно долги и проценты должны были погашаться в месяце под названием «великая богиня», т. е. в августе.

В источниках также говорится об эламских жрецах-оракулах. Вероятно, они узнавали волю богов как с помощью предзнаменований во время жертвоприношений (путем осмотра печени и внутренностей животных), так и с помощью «шаманства», приводя себя искусственно в состояние транса.

Культовые обряды эламские жрецы, по-видимому, совершали обнаженными. В пользу этого свидетельствуют, прежде всего, изображения на печатках и другие мелкие находки, начиная со слоя под названием Сузы Д, т. е. с конца III тысячелетия до н. э. Резьба по битуму того времени изображает двух нагих жрецов с жертвенной овцой, увенчанных парой змей (фото 17). Они, по-видимому, в париках, т. е. со всего тела полностью был удален волосяной покров. На печатке управителя Эшпу-ма (около 2300 г.), можно различить шесть мужских фигур в венцах в форме древа жизни (рис. 26). Они, очевидно, должны были изображать жрецов. Двое из них совершенно обнаженные, в то время как на остальных надеты, возможно, набедренные повязки, по форме напоминающие змей. Они попарно держат друг друга за руки и за венцы, будто желая таким образом выразить радость по поводу назначения Эшпу-ма управителем страны.

Особенный интерес вызывает в этой связи находка, относящаяся к классическому периоду Элама, а именно

⁸ Речь идет о документе № 119 [MDP, 23 (1932)], согласно которому некий Арад-Куби и храм бога Солнца (идеографическое написание — Шамаш) объединяют свое имущество. В оригинале документа нет слова «господин». Аккадский перевод текста такой: «В поселении и вне его, в серебре и золоте (храм) бога Шамаша и Арад-Куби — сотоварищи, как прежде отец его. То, что прежде отец делал, он также относящееся к Шамашу сделает» (*прим. ред.*).

бронзовое изваяние, пожертвованное царем Шилхак-Ин-шушинаком во второй половине XII в. Оно имеет аккадскую надпись со значением «восход солнца». По-видимому, такая сценка разыгрывалась регулярно ко времени восхода солнца. Это единственное в своем роде произведение изобразительного искусства (фото 18), запечатлевшее весьма наглядно и живо все существенные черты эламского культа.

Бронзовый рельеф показывает нам священный округ Сиянчук верхнего города Суз. С двух сторон возвышаются ступенчатые башни. Перед более низким зиккуратом посажена священная роща, ветви деревьев которой почти полностью стерты в результате выветривания. Далее мы видим две колонны и между ними стол для жертвоприношений. Рядом с ним находятся огромный глиняный кувшин и две каменные чаши. Все это — атрибуты для непосредственного совершения культа. В центре на корточках сидят две обнаженные мужские фигуры. Один из них, вероятно помощник, собирается лить воду на подставленные ладони другого (рис. 27). Вторая фигура изображает, очевидно, верховного жреца. «Никогда еще религиозный ритуал не был изображен с большей точностью», — пишет по этому поводу с полным основанием Андре Парро [15, стр. 382]. Представим себе добавок, чтобы полностью проникнуться настроением при совершении ритуала, что безмолвный, полный достоинства обряд происходил на рассвете, еще до восхода солнца над горами Аншана на востоке Сузианы, когда еще нежный, прохладный ветерок шелестел зеленой листвою деревьев священной рощи.

При храмах были не только жрецы, но и жрицы, которые также занимались хозяйственными делами. В одном документе сообщается, что жрицы затребовали, а затем и получили значительное количество ячменя. В другом документе говорится о продаже дома жрицей совместно с каким-то человеком⁹. Табличка-договор со-

⁹ Автор имеет в виду документ № 471 (MDP, 28, 1939), который регистрирует хозяйственные дела царского хозяйства. Там отсутствует слово для обозначения жриц. Автор следует за ошибочным переводом В. Шейля, который соответствующее слово *maḡat bitim* понимал в смысле «жрицы». Однако термин *maḡat bitim* значит «дочери дома» и обозначает работниц царского хозяйства, которые, вероятно, были рабынями. Из документа № 44 (MDP, 22,

хранила до сегодняшнего дня оттиск ногтя, удостоверявший подлинность документа.

Особую группу жриц составляли женщины или девушки, посвятившие себя «великой богине». К сожалению, мы узнаем о них лишь из сухих хозяйственных отчетов Старовавилонского периода. Они свидетельствуют, что обслуживающий женский персонал Пиненкири или Киририши владел также недвижимым имуществом и извлекал из него немалый доход.

Эти сведения дополняют удивительнейший документ: аккадская надпись на кирпиче правителя Суз Темптияхара, возможно сделанная между 1500 и 1350 гг. Темптияхар сообщает в этой надписи, что он воздвиг для бога Иншушинака храм из обожженного кирпича, внутри которого он велел установить собственную статую, а также статуи своих «любимых служанок» и, наконец, статуи двух добрых духов-покровителей, Ламассу и Карибату.

Стражи внутри храма, встретившиеся нам впервые, могут быть истолкованы как сфинксы, грифоны или подобные им мифические существа. В эламских надписях Ламассу упоминается лишь один-единственный раз, а именно Шилхак-Иншушинаком в XII в. Этот царь сообщает, что в храме Иншушинака в Сузах была обнаружена разрушенная статуя Ламассу из необожженной глины, а он велел ее воссоздать из терракоты. Завоеватель Суз Ашшурбанапал особенно жестоко расправлялся со статуями, изображавшими Ламассу: «Я приказал,— говорится в его сообщении после одержанной в 646 г. победы,— изъять всех без исключения духов, Ламассу и хранителей храмов». Ламассу слыла как у ассирийцев, так и у вавилонян отвратительным демоническим существом, виновницей родильной горячки и гибели новорожденных. «Ты эламитка!» — гласит преисполненное страха и ненависти заклинание из Урука в Месопотамии. В Эламе, напротив, Ламассу считалась, очевидно, покров-

1931) не вытекает, что жрица и этот человек совместно владели продаваемым домом. Документ констатирует, что некий Илабратби покупает дом у Дамик-Иншушинака, дом, который когда-то находился в совместном владении его отца и жрицы — сестры отца. Согласно существовавшему в то время обычаю, наследственная доля сестры, ставшей жрицей, могла переходить к брату (*прим. ред.*).

вительствующим божественным существом, охраняющим храмы в тесном союзе с ниспосылающей благодать Карибату.

О таинственной храмовой службе с участием этих двух духов сообщает уже упомянутый нами текст на необожженном кирпиче. Царь Темптиахар явно рассчитывает, как говорится в этом документе, в связи с посвящением храма и упомянутых в нем произведений искусств на милость и благословение бога Иншушинака. Затем он продолжает: «Когда наступит ночь, четыре охранительницы войдут в храм. Чтобы они не присвоили себе золото [со статуей] и [не прятали] в своих набедренных повязках, те должны быть завязаны поясами туго».

Как можно заключить по дополнениям (в квадратных скобках), это предложение довольно непонятно. Следует ли делать вывод, что вся одежда хранительниц храма состояла из набедренной повязки, но, что, несмотря на занимаемые ими храмовые должности, они не пренебрегали тем, чтобы присвоить себе при случае золотые одеяния статуй?

Конец надписи более понятен. Царь Темптиахар распоряжается: «Они (четыре охранительницы) должны лечь под Ламассу и Карибату. Правитель города, начальник охраны, верховный жрец, стражи храма и жрец храма должны после этого опечатать [ворота]. [Охранительницы] должны зажечь светильники и, когда наступит рассвет, представить царя Ламассу и Карибату, а затем тут же собраться и удалиться».

Здесь, вероятно, повествуется о «ночевке в храме», т. е. о культе, который совершался еженощно в присутствии многочисленных высокопоставленных лиц. О более глубоком смысле этого культа мы можем лишь строить догадки. Возможно, что четыре охранительницы храма в течение ночи должны были поступить в услужение обеих полубогинь. Как ответную услугу они имели право выпросить у них благословение для царя. Кажется странным, что заключение девушек внутри храма и опечатывание храмовых ворот происходило в весьма торжественной обстановке, в то время как покинуть храм им, по-видимому, разрешалось на рассвете без каких-либо хлопот.

Документ этот, с одной стороны, неожиданно при-

поднимает завесу над каким-то таинственным ритуалом, а с другой — совершенно по-эламски, снова опускает ее. К счастью, царь Темптиахар сделал свою надпись по-аккадски, если бы он сделал ее по-эламски, мы не были бы в состоянии ее расшифровать...

В заключение остановимся на представлениях эламитов о загробной жизни. Верили ли они вообще в загробную жизнь?

Ответ на этот вопрос дают прежде всего их могильники: в каждом захоронении почти всегда можно найти по меньшей мере один глиняный кувшин. Эламита-простолюдина хоронили под полом его глиняного жилища без всякого покрова, однако в ногах даже самого бедного эламита всегда клали глиняный кувшин. Тем более такие сосуды получили зажиточные эламиты независимо от того, хоронили ли их в глиняных гробах, или в искусно построенных кирпичных склепах. Имелись также приспособления для стока воды в могилы. Эламиты, выходят, считали, что человек и после смерти испытывает потребность в пище и особенно в питье.

Ашшурбаналпал похвалялся, что разорил могилы эламских царей, обнажил их перед беспощадными лучами солнца, а останки их увез в Ассирию и — что весьма знаменательно — лишил их души покоя, оставив без жертвоприношений и без воды. Правда, здесь можно допустить, что ассирийский царь перенес на Элам свои собственные представления о загробной жизни, однако его сообщение лишнее раз подтверждается археологической находкой, свидетельствующей о том, что в Сузах еще до проникновения завоевателей существовали жертвоприношения мертвым в виде еды и питья. То же самое доказывают местные правовые документы Старовавилонского периода. Делая последние распоряжения, умирающий придавал особое значение тому, чтобы после его смерти регулярно совершался обряд жертвоприношения. Эламиты были убеждены, следовательно, что такие дары облегчат участь усопших, а их души будут находиться в покое.

Еще более четкое представление о загробной жизни эламитов дают семь табличек, найденных в могилах в Сузах. Правда, и здесь многое еще неясно. Кроме того,

некоторые из этих аккадских документов повреждены. Но невзирая на это они необычайно поучительны, так как предназначены специально для мертвых и положены в их могилы. Поэтому, если в них и не выражаются мысли усопших, то по меньшей мере — мнение окружающего мира в вопросах смерти и загробной жизни.

Первая табличка была посвящена эламиты, для которого земная жизнь была лишь цепью бесконечных невзгод. «Итак, мне пора, я иду, мой бог и господин!» — говорится в табличке. Под «богом и господином», очевидно, подразумевается дух-покровитель усопшего, направлявший всю его земную жизнь. После похорон он пытается схватить руку своего духа-покровителя, чтобы предстать перед великими богами. «Я хочу выслушать свой приговор, целовать твои ноги», — умоляет он своего духа-покровителя заступиться за него в связи с предстоящим приговором. «Ты заставил себя ждать... Наконец-то, мой бог, ты позволил царству теней принять меня, ибо жизнь моя на земле была для меня бесконечным страданием, ибо ты мне очень скупой выделил на этой убогой земле воду и зелень в засушливой степи!»

Из другой таблички, как мы уже упоминали, известно, что Иншушинак был также судьей в царстве мертвых. Тот же мотив встречается в третьей табличке: «Они остановились, и сейчас лежат в [подземной] роще те, которые когда-то властвовали над землей, владели стадами и никого не имели рядом с собой... Всегда в склепе повелевает лишь бог Иншушинак!» Надпись на табличке кончается мольбой: «Да напоит он меня, вступившего в царство теней, водой!» Умерший, о котором здесь идет речь, принадлежал, очевидно, к тем, которые обладали когда-то на земле властью и богатством, отныне, однако, они мучительно жаждут в царстве теней глотка воды.

В Эламе, по всей видимости, считали, что для усопшего очень важно, чтобы у него была приличная могила. В связи с этим в другом документе говорится: «Кирпич для его могилы доставлен, камни для его пристанища заготовлены — сейчас он может радоваться, он, идущий навстречу своей участи».

Хотя многое в этих документах еще остается неясным, в них все же четко проступает страстное желание, чтобы божество гостеприимно приняло усопшего, напол-

нило его уста маслом, накормило его мясом и хлебом, напоило его вином или по крайней мере водой. В тексте таблиц недвусмысленно угадывается ощущение страха, сопутствующего переходу каждого в потусторонний мир, каждому, «кто внял зову, отыскал свою могилу, чтобы перешагнуть через нее».

Все эти высказывания, дополненные рядом других, с которыми мы встретимся позднее, доказывают, что в Эламе существовала вера в загробную жизнь. Умершего, как мы уже ранее могли убедиться, встречают призванные сопровождать его в загробный мир две богини — Ишникараб и Лагамал, — которые отводят его затем к Иншушинаку, выносящему в качестве судьи свой приговор. Правда, создается впечатление, будто эламит испытывал не очень большой оптимизм по поводу предстоящего приговора, однако это царство теней все же не внушало ему чувства безнадежности и отчаяния.

ПЕРВОЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ
ЭЛАМСКОЙ ИСТОРИИ

(приблизительно с 2500 до 1500 г. до н. э.)

История Элама может быть понята лишь в том случае, если не будет упущена из виду основная особенность природных условий страны — связь равнины с нагорьем. Именно сочетание плодородных, обильно обводненных пашен и садов Сузианы с богатыми древесиной и полезными ископаемыми плоскогорьями и горными цепями Аншана на севере и востоке равнины послужило предпосылкой и основой для развития самобытной истории и культуры Элама. Когда в VII в. до н. э. эта жизненно важная связь была нарушена, так как эламские горные области были завоеваны мидянами и персами, гибель царства была предрешена.

Вероятно, понадобились значительные усилия в течение нескольких сотен лет, чтобы произошло слияние жителей Сузианы с преимущественно кочевыми, пастушескими племенами аншанских горных областей в единый этнос. Создается также впечатление, что политическое объединение было под силу лишь сильным правителям. Когда таковые отсутствовали, области Элама снова возвращались к своему прежнему, разобщенному состоянию.

Поэтому Эламское государство было по своей структуре во все времена федеративным государством. Для того чтобы объединить столь различные области, входящие в государство, цари как верховные правители стремились привязать к себе правителей отдельных областей узами кровного родства. В результате появилось государственное объединение, в высшей степени своеобразное, сложное, не имеющее аналогий в истории. Все наиболее справившиеся с решением этой задачи дина-

сти происходили, видимо, из горных областей, а не из Сузианы, хотя Сузы уже очень рано возвысились до уровня столицы государства.

Об отношениях, которые поддерживались Эламом со своими соседями по Иранскому нагорью, мы почти ничего не знаем. Судя по некоторым данным, между ними существовала оживленная торговля, т. е. преимущественно мирные взаимоотношения. Напротив, отношения Элама к Двуречью в общих чертах достаточно освещены, хотя и толкуются чужеземными и местными источниками по-разному. Самое древнее сообщение восходит приблизительно к 2680 г. В это время, как свидетельствует шумерский царский список, полубогочеловек царь Энменбаргеси из I династии Киша «увез в качестве добычи оружие из страны Элама». Уже со времени этой седой старины до историка доносится лейтмотив, характерный для взаимоотношений между Эламом и Месопотамией во все времена, — тема обоюдной вечной вражды, несколько смягченной экономическими и культурными связями.

Бесчисленные военные походы шумеров, вавилонян и ассирийцев против Элама объясняются преимущественно стремлением этих народов присвоить себе важнейшие богатства, имеющиеся исключительно в горном Эламе. Мы уже ранее упоминали их. Сюда относятся строительный лес, камень, руды, а также лошади. Одновременно походы преследовали цель держать на должном расстоянии от Двуречья постоянно алчущих добычу эламитов, ибо так же бесчисленны, как военные походы первых, были нападения эламитов на Двуречье. Так, шумерский царский список сообщает, что позднее, очевидно между 2600 и 2550 гг., государство Ур «побеждено оружием, а его царствующая династия уведена в Аван».

В течение первого тысячелетия эламской истории, т. е. приблизительно между 2500 и 1500 г., мы встречаемся в основном с тремя господствующими династиями: с царями Авана, с царями Симашки и условно называемыми верховными правителями, которые, вероятно, также были родом из Симашки. Правда, месторасположение как Авана, так и Симашки до сих пор точно не определено. Однако косвенно, из источников, можно заключить, что Аван, вероятно, был расположен в районе



Карта-схема Месопотамии

Текст под картой, который в основном нечитаем из-за размытия. Видно начало абзаца: "В Месопотамии...".



Карта-схема Элама

сегодняшнего Дизфуля¹, Симашки же — на севере сегодняшнего Хорремабада.

Исходя из этого можно заключить, что уже с древнейших времен существовало могущественное эламское царство Аван, сумевшее, очевидно, в течение длительного времени подчинить своему господству основные районы Двуречья. Однако около 2550 г. царю Киша удалось избавиться от эламского ига. Некоторое время спустя, после периода предполагаемых неурядиц в Эламе, в Аване появилась новая династия из двенадцати царей. О ее основателе Пели (чтение имени спорно) и шести его преемниках известны только имена (ср. хронологическую таблицу). На эту окутанную в абсолютный мрак эпоху истории Элама совершенно неожиданно проливает луч света обломок с надписью из храма богини Кириши в Лияне (-Бушир).

Твердую историческую почву под ногами мы приобретаем лишь ко времени царствования великого Саргона Аккадского (в средней Месопотамии). Ему удалось благодаря своей дальновидной политике умиротворить не только беспокойные горные племена из Загроса, но также на многие годы удерживать Элам от нападения на Двуречье. Поэтому Саргон гордо называет себя «царем Киша, покровителем Элама и Варахсе».

Под Варахсе, вероятно, подразумевалась область нагорья Пошт-е Кух и земли у верхнего течения Керхе на северо-западе Сузианы. Варахсе — из чувства самосохранения? — по-видимому, всегда поддерживало дружественные отношения с Эламом, ибо при каждом наступлении правителей Месопотамии на Элам Варахсе использовалось волей-неволей как транзитная территория.

Саргон Аккадский предпринял опасную войну против Элама лишь после того, как расширил и укрепил свое царство на севере, западе и юге, т. е. лишь к концу своего 57-летнего правления, вряд ли до 2325 г. Насколько трудным обещал быть этот поход, можно судить по позднейшим вавилонским текстам-предзнаменованиям. В одном таком памятнике-предзнаменовании сообщается, что богиня Иштар зажгла для Саргона, «кото-

¹ Предполагают, что царство Аван возникло на территории Аншана. Следовательно, Аван локализуется в пределах Аншана на равнине Байда (J. N a p s t a n, Elamits, Achaemenians and Anshan, — «Iran», 1972, X, стр. 2, 115).

рый отправился в страну Варахсе», огонек, «когда он и его войско продвигались в темноте». Предзнаменования постоянно подчеркивают, что царь «передвигался во мраке». Они пытались, вероятно, таким образом аллегорически изобразить тягостное продвижение Саргона через непроходимые горные леса Лурестана.

В одной из двух надписей Саргона, повествующих об этом походе, мы заодно находим первую точную дату по истории Элама. В то время, т. е. около 2325 г., в Эламе правил царь Лухишшан, восьмой царь из династии Пели из Авана. Вероятно, Саргон все же оставил Лухишшана на троне Элама в качестве вассала. Царь Аккада победоносно вступил в Сузы. Оттуда, а также из Авана Саргон увез в Двуречье огромную добычу. Вскоре после этого Лухишшан, по-видимому, умер.

Девятым царем Авана стал его сын Хишепратеп. Это имя могло обозначать «Прославленные кормильцы». Как только в Аккаде после смерти Саргона власть наследовал его сын Римуш (2316—2307), царь Хишепратеп из Элама и царь Абалгамаш из Варахсе воспользовались возможностью заключить союз с целью сбросить гнет Саргонидов. Царь Римуш вынужден был сперва подавить восстания, вспыхнувшие в Месопотамской низменности, прежде чем смог приступить к расправе над восставшими в нагорьях. После завоевания Дера (сегодняшняя Бадра в Ираке) Римуш проник около 2312 г. по тем же труднопроходимым тропам, как когда-то его отец Саргон, в нагорье Пошт-е Кух до долины Керхе. Союзники были разбиты, и их продолжали преследовать вплоть до Сузской равнины. Вторая битва разразилась между Сузами и Аваном, у р. Кабнит, которую, пожалуй, можно отождествлять с притоком р. Диз — Баларудом.

Какая судьба постигла царя Хишепратепа — неизвестно. Однако страна его была полностью опустошена. Об этом свидетельствуют еще сегодня вазы, найденные в Ниппуре и Уре, пожертвованные Римушем «из добычи Элама» своим богам «после порабощения Варахсе и Элама». Кроме того, царь Аккада пожертвовал своему богу Энлилию из этой добычи «тридцать фунтов золота, три тысячи шестьсот фунтов меди, шесть рабов обоего пола».

К этому периоду аккадского господства над Эламом,

при царе Римуше, относится первое указание об упомянутом ранее федеративном государственном устройстве страны. В связи с этим упоминается и брат эламского царя Хишепратепа по имени Зинуба, являвшийся одновременно управителем, а также «правитель Суз» (т. е. Сузианы) по имени Энпирмупи, очевидно сын Хишепратепа. Это первое документальное подтверждение существования в стране господствующей тройки — очень характерного для истории Элама явления, с которым мы еще неоднократно встретимся в дальнейшем. Принципа правления этой тройки и вытекавшего отсюда права наследования в господствующем роде мы подробнее коснемся ниже. Однако уже сейчас обратим внимание, что, когда управитель Зинуба умер, не заняв первого места в тройке, Энпирмупи — правитель Суз — стал вместо него управителем. Но, по-видимому, Энпирмупи также не дожил до того времени, когда бы он смог стать царем (верховным правителем). Вместо него управителем стал некий Эшпум, а царем Элама был в то время, вероятно, Хелу из Авана, о котором, кроме этого факта, нам ничего не известно².

Печать Эшпума, на которой изображены веселого нрава нагие фигуры жрецов, нам уже знакома по рис. 26. Его назначение наместником могло приблизительно совпасть с вступлением на престол Маништусу в Аккаде. Маништусу убил в 2306 г. своего брата Римуша и царствовал после этого до 2292 г. В честь нового царя Двуречья Эшпум велел поставить в Сузах статую Маништусу и посвятил ее богине победы Нарунди. Аккадизация и тем самым семитизация Сузианы, таким образом, продолжалась.

Маништусу удалось даже завоевать Аншан и эламское побережье. Одно военное подразделение царя Аккада предприняло поход по суше через Сузы к Персидскому заливу, другое под личным руководством царя переправилось на судах через Персидский залив. «Царя Аншана и Ширихума я подвел с дарами и приношениями к моему господину — богу Солнца (Шамашу)», — го-

² В. Хинц к этому периоду применяет порядок государственно-го управления первой половины II тысячелетия до н. э. К тому же письменными источниками не засвидетельствовано, что Зинуба был братом Хишепратепа. В надписи Римуша сохранилось лишь: «Зинуба, брат правителя-жреца» (*прим. ред.*).

ворится в одной из надписей Маништусу³. Главной же целью дерзкого военного похода были, очевидно, каменно-ломни и серебряные рудники юга Иранского нагорья.

За время 37-летнего царствования Нарам-Сина (2292—2255) — наследника Маништусу и последнего великого Саргониды — Элам прочно занял достойное место. Нарам-Сину удалось значительно расширить Аккадское государство — оно протянулось от Восточной Анатолии вдоль всего Загроса до Мекрана в Юго-Восточном Иране. Однако в его надписях ничего не сообщается о войне против Элама. Тем временем царем Авана вместо Хелу стал царь Хита. Именно с этим эламским царем Нарам-Син заключил в 2260 г. до н. э. союзный договор, о котором уже упоминалось в предыдущей главе, с целью прояснения вопроса об отношении эламитов к миру богов. Этот договор является одновременно первым крупным историческим документом Элама⁴. Исписанная с двух сторон по шесть колонок, к сожалению, очень поврежденная глиняная табличка была найдена в Сузах (фото 16), а в настоящее время экспонируется в Лувре.

Самое удивительное в этом документе то, что он написан по-эламски, в то время как все остальные документы времен Саргонидов вплоть до Нарам-Сина написаны только на аккадском языке. К сожалению, в надписи еще многое остается нерасшифрованным, отчасти из-за недостаточного знания нами эламского языка.

Дж. Камерон первым предположил, что союзником Нарам-Сина был царь Хита. Сведения о нем ограничиваются лишь эламским царским списком. К сожалению, место в табличке-договоре, где стояло имя царя, разрушено. Однако американский ученый, вероятно, правильно предположил, что речь идет о Хите. Договор, во вся-

³ В надписи Маништусу такой полной фразы нет. Там речь идет о том, что Маништусу «царей Аншана и Ширихума ниспроверг у нижнего моря», т. е. у Персидского залива, и увез из городов горных зон Персидского залива добычу, которую «посвятил богу Энлилю. Перед богами Шамашем и Амал поклялся, что в этом нет лжи, все правда» (*прим. ред.*).

⁴ Этот договор не только первый крупный документ, написанный на эламском языке. Договор, заключенный между Эламом и Аккадом и отражающий союз двух государств, является первым международным письменным документом, засвидетельствованным в истории (*прим. ред.*).

ком случае, доказывает, что могучий властелин Двуречья серьезно относился к союзу с Эламом, ибо это был союзнический договор, а не документ о порабощении. Вероятно, целью Нарам-Сина было держать под постоянной угрозой кутиев⁵, живущих в горах севернее Элама (между сегодняшним Хамаданом и оз. Урмия [Резайя]). Табличка-договор находилась в храме Иншушинака в Сузах, где она сохранилась в развалинах до наших дней, пока не была перевезена в Лувр.

Договор начинается (уже приведенным нами) обращением: «Слушайте, богиня Пиненкир и вы, добрые боги неба!» В качестве свидетелей присяги в документе приводится, вероятно, ряд божеств пантеона Сузианы и среди них четыре аккадских, а именно: бог Амба (любимый бог деда Нарам-Сина Саргона), затем бог Нинурта и богини Нинкаррак и Ишхара. Всех 37 божеств, перечисленных в первых двух столбцах документа, заверяют в том, что «цари приносят клятву богам. Богу Солнца (Наххунте, тогда еще писали Нахити) царь глубоко предан. Богу Иншушинаку царь должен покориться». Это примечательное высказывание также уже обратило наше внимание как смиренное преклонение перед силами света и тьмы, перед двумя повелителями над земной и потусторонней жизнью. Заканчивается второй столбец словами: «Богине Сияшум, богу [Луны] Напиру и богине [Победы] Нарунди царь предан (?)».

Из дальнейшего текста документа вытекает, что Нарам-Син, царь Аккада, направил в Сузы посланца с дарами. Царь Элама, со своей стороны, выделил Нарам-Сину вспомогательное войско под командованием эламского военачальника, который выработал все детали союзнического договора с представителем царя Аккада, вероятно с Шарриштакалом. Судя по всему, Нарам-Син женился на дочери эламского царя Хиты, так как последний желает в договоре супруге аккадского царя

⁵ Впервые кутии появились на исторической арене во второй половине III тысячелетия до н. э. и упоминаются в названном международном договоре. Они обитали на юго-западе и западе оз. Урмия и в течение долгого времени господствовали в Вавилонии (2220—2105 гг.). Вряд ли договор был заключен лишь ради того, чтобы держать кутиев в страхе. Этот союз прежде всего был призван ликвидировать состояние войны между двумя государствами, а затем уже направлен против всех внешних врагов обеих стран (*прим. ред.*).

плодовитости и рождения наследника престола. Хита также высказывает готовность выставить в узких храмах «портреты» Нарам-Сина. Речь идет, несомненно, о статуе аккадца в храме Иншушинака.

На обратной стороне договора приводятся обстоятельные заверения, которые частично разрушены, частично еще неясны. В одиннадцатом столбце сказано: «Пусть здесь царит единодушие!.. Опасному раздору пусть наступит конец!.. К твоим статуям будут относиться с уважением! Пренебрежение к тебе никто здесь не хочет проявить!» Дважды повторенное изречение договора гласит: «Враг Нарам-Сина — также мой враг, друг Нарам-Сина — также мой друг!» Царь Элама обязуется во всех делах способствовать благополучию царя Аккада и воспротивиться любому проявлению вражды между двумя народами.

После заключения договора Шарриштакал — писец и жрец-оракул Нарам-Сина — посвятил в Сузах «за жизнь» своего господина статуэтку, изображающую супругу аккадского бога потустороннего мира — Нергала.

Тогда же царю Аккада должна была покориться связанная союзническими узами с Эламом Варахсе. Царь Хупшумкипи «был закован в цепи». Не лучшая участь постигла другие горные племена на северо-западе Элама: правителя Армана, но особенно Сатуни — царя луллубеев. Однако, когда Нарам-Син попытался поработить страну кутиев, он переоценил свои силы. Похоже, что он в конце своего господства был убит кутиями.

Ослабление Аккадского царства вдохновило наследника Хиты в Эламе на то, чтобы избавиться от верховной власти наследника Нарам-Сины Шаркалишарри (2255—2230), вынужденного в течение всего периода своего царствования бороться против кутиев. Таким образом, Кутик-Иншушинак — последний из двенадцати царей Авана — снова вернул Эламу независимость, избавив его от господства Двуречья. Кутик-Иншушинак был единственным правителем Элама, применявшим местное линейное письмо.

Сначала Кутик-Иншушинак, еще при верховной власти Нарам-Сина, был правителем Суз; Его отец Шин-

пихишхук был, очевидно, младшим братом царя Хиты⁶ и, следовательно, управителем Элама. Настоящее возвышение Кутик-Иншушинака началось лишь во время царствования наследника Нарам-Сины — Шаркалишарри, видимо около 2250 г. до н. э. В четырех надписях его именуют с тех пор титулом «правитель Суз, управитель Элама». Несмотря на то что Кутик-Иншушинак в то время не стал царем, он сумел с помощью больших военных походов утвердить и расширить свою власть.

Во время первого военного похода он дошел до Месопотамии, до верховья р. Диялы, где области Кимаш и Хурти восстали против Шаркалишарри. Вполне допустимо, что царь Аккада обратился к своему эламскому вассалу с просьбой подавить это восстание. Однако Кутик-Иншушинак не ограничился этим, он подчинил себе заодно и Хупсану (или Хупшен), которая нам знакома сейчас как Дех-е ноу у притока р. Диз — Лорех (фото 3).

Аккадская надпись на известняковом изваянии, увезенном Кутик-Иншушинаком как трофей, вероятно, из Месопотамии, свидетельствует как раз об этих военных подвигах управителя Элама. В ней перечисляются больше 70 населенных пунктов, которые «были покорены одним ударом», что, конечно, является преувеличением, ибо в то время как одно из этих поселений, Куту, расположено в области Кутиум, далеко на севере, другое, Хухнури⁷ (вероятно, у Изеха), находится восточнее Сузианы в Бахтиарии. Надпись заканчивается гордым заявлением, будто даже царь Симашки пришел по доброй воле и «обнял ноги» Кутик-Иншушинака, а это означало, что он молил его о защите и пощаде.

Это последнее утверждение в надписи — плохое предзнаменование, так как после Кутик-Иншушинака господство над Эламом перешло именно к династии Симашки...

Сначала, однако, около 2240 г., Кутик-Иншушинак сам занял трон Элама как царь Элама и наследник

⁶ То, что Хита был братом Шинпихишхука, является предположением ошибочной теории о фратриархальном устройстве Эламского государства. Исходя из этого, В. Хинц и в дальнейшем изложении политических событий в Эламе ряд следующих друг за другом правителей считает братьями, что не находит подтверждения в письменных источниках (*прим. ред.*).

⁷ Город Хухнури локализируют на месте совр. Танги Кас, расположенном у впадины ущелья, ведущего из Хузестана через Фахлиан к равнине Байда (J. N a n s t a p, *Elamites ...*, стр. 118, 124).

Хиты. На двух своих аккадских надписях он именуется «могущественным царем Авана», а в эламских надписях, сделанных линейным письмом, даже «царем всей страны, избранником, победоносцем». На стеле он похваляется, будто бог Иншушинак «обратил на него свой милостивый взор, дал ему четыре страны света». Ему совсем удалось освободиться от вассальной зависимости от Аккада и его царя Шаркалишарри и переключиться на борьбу за господство над месопотамо-иранским районом.

Своему «владыке Иншушинаку» Кутик-Иншушинак посвятил в Сузах большой новый храм и сделал многочисленные жертвоприношения, которых мы уже коснулись в гл. III. Каменное изображение из этого храма изображает царя коленапреклоненным в момент подношения богу задвижки, изготовленной из кедрового дерева и бронзы, для ворот храма. Позади Кутик-Иншушинака стоит его супруга с возведенными в молитве руками (фото 23). Ему также приписывают прорытие канала у Сидари. В надписи, в которой об этом сообщается, говорится также, что он «судил в городе праведным судом». Царь был уверен в защите и поддержке богов. Он утверждает с большим пафосом (если мой перевод трудных эламских надписей, сде-

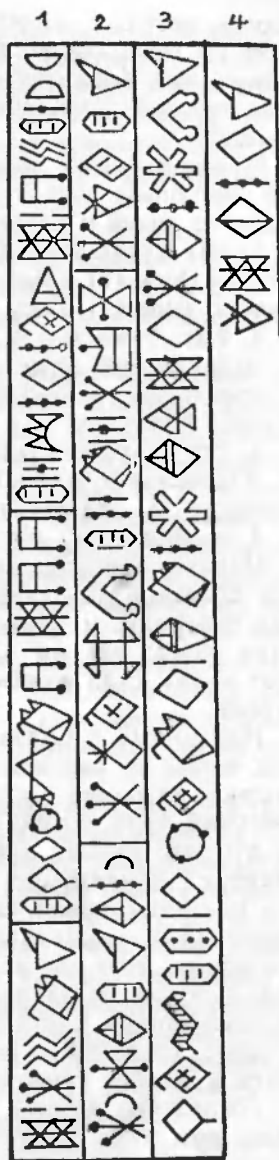


Рис. 28

ланных местным линейным письмом, правилен), что в ответ на совершение им культовых обрядов и жертвоприношений, боги способствовали его славе: «бог сделал меня победоносным. В награду поручили мне управление страной!»

Самая большая надпись Кутик-Иншушинака, сделанная линейным письмом (рис. 28), высечена на камне рядом со змеей и гласит в переводе приблизительно так:

1. «Я, Кутик И(н)шушинак, царь страны, посвящаю богу Солнца (?) (высеченную) статую (?). Я здесь посвящаю змее (?). Богу Иншушинаку.

2. Как божеству я воистину доверился (?). Жрица по отправлению культов пусть добывается для страны благосклонности богинь! Благодарность (?) за это я принесу божеству!

3. Богу страны было посвящено письмо (?). Надпись да благословит милость! Эту страну я себе присвоил. Навсегда (?) эта страна была

4. передана (?) мне в собственность божеством».

Однако, очевидно около 2220 г., внезапно пришел конец Аванской династии. Одновременно исчезло, как мы уже говорили, и эламское линейное письмо. Вероятно, Элам, точно так же как его ослабленный сосед — царство Аккад, стал жертвой смут, вызванных вторжениями кутиев.

Найденный в Сузах список эламских царей, правивших вслед за двенадцатью царями Авана, перечисляет столько же царей Симашки. Представители этой новой династии, судя по найденному списку, были выходцами из лурских горных районов на севере Сузианы со столицей у сегодняшнего Хорремабада. То обстоятельство, что и в этой новой эламской династии перечисляются точно так же двенадцать царей, наводит на мысль о том, что список этот составлен искусственно. Мы в дальнейшем поэтому сошлемся лишь на исторически засвидетельствованных царей Симашки, а их очень немного, ибо скудость сведений о гибели царства Авана также относится к началу существования царства Симашки.

Господство кутиев кончилось довольно плачевно — лишь при царе Тириконе, около 2120 г. За все время этого господства, т. е. в течение целого столетия, об Эламе упоминается лишь в надписях шумерского правителя Гудеи из Лагаша. На одном своем изваянии Гудеа

хващается, что одержал победу «с помощью оружия над Аншаном в Эламе». На одной цилиндрической печати он утверждает: «Эламиты прибыли из Элама, сузианцы из Суз», чтобы помочь ему построить новый храм. Похоже на то, что Элам во время господства кутиев над северной Вавилонией находился в сфере влияния правителя Лагаша.

То же бессилие Элама вырисовывается после завоевания господства на юге Двуречья шумерской III династией Ура. Она начала свое существование в 2114 г. Первым царем ее был Ур-Намму, провозгласивший «рах ситегиса» — «Шумерский мир».

Шумерское господство стало особенно ощутимым во время многолетнего правления царя Шульги (2095—2048). Хотя Шульги и вынужден был неоднократно выступать в поход против непокорных горных эламитов Аншана, но Сузиана, которую он завоевал на 28-м году своего царствования (2078), была полностью порабощена и в течение длительного времени управлялась даже неэламскими наместниками. Шульги, вероятно, удалось привлечь на свою сторону местное жречество, так как он, «могучий царь Ура, Шумера и Аккада», воздвиг в Сузах «своему владыке богу Иншушинаку» храм и сделал щедрые пожертвования. Они сохранились для потомков, так как последующие эламские правители распорядились замуровать их в фундаменты своих новых храмов.

В конце своего 48-летнего царствования Шульги осуществил еще один акт в целях защиты государства Ур. Он оставался затем в силе в течение трех поколений три III династии Ура, но в конце концов обернулся против своих создателей. Речь идет о создании эламских воинских отрядов на месопотамской земле. Они должны были прежде всего усилить шумерские гарнизоны и одновременно держать в повиновении непокорные горные племена Загроса. Эти войны были родом, как свидетельствуют хозяйственные документы, из Суз, из восточного горного края Аншан и из Симашки. По всей вероятности, среди них были эламские военнопленные.

Эти эламиты служили в подразделениях от пяти до двадцати пяти человек и получали ежедневно рацион в виде ячменного хлеба и пива. Они были поставлены под начало сановника, состоявшего на службе царей

III династии Ура и носящего титул «верховный правитель» (по-шумерски — *суккаль-мах*). Его, вероятно, можно назвать военачальником по охране границ от нападений Элама и восточных горных племен. Постепенно «верховный правитель» достиг такой власти, что сумел основать в Лагаше собственную династию. Это произвело на эламских соседей столь сильное впечатление, что новая династия, сменившая династию Симашки, стала носить тот же шумерский титул «суккаль-мах».

Благодаря эламским отрядам положение в Эламе при царях III династии Ура долгое время оставалось совершенно спокойным. Наследник Шульги Амар-Син (2047—2039) правил Сузианой как своей собственной страной, но не предпринимал в Сузах никакого строительства. Развертывание строительных работ приписывается лишь его наследнику Шу-Сину (2038—2030). Сузы в то время находились на положении покоренного провинциального города.

В течение почти двух веков, прошедших со времени гибели династии Авана и восхождения правителей Симашки, ни одна надпись не упомянула имя хотя бы одного из этих эламских вассальных царей Шумера. Первое сообщение такого рода появляется лишь в 2033 г. до н. э. Неожиданно из тумана, покрывавшего в течение столь длительного времени историю Элама, появляется имя Гирнамме. Оно нам также известно из списка сузских царей. Правда, в упомянутом списке этим именем назван первый из «двенадцати» царей Симашки, однако это не может соответствовать действительности. Мы узнаем о Гирнамме из скромной шумерской таблички, в которой упоминается, что посланец царя Гирнамме прибыл ко двору Шу-Сина в Уре и получил там для своего пропитания несколько баранов.

Как и его дед Шульги, Шу-Син выдал одну из своих дочерей замуж за правителя Аншана. Источники не позволяют заключить, подразумевается ли под правителем Аншана царь Гирнамме из Симашки или лишь один из его вассалов из восточного горного края страны. Уже на 2-м году правления Шу-Сина (2073) в шумерскую столицу Ур прибыл уполномоченный упомянутого правителя Аншана. В сопровождении этого уполномоченного царевна, снабженная обильными запасами продовольствия, отправилась в долгий путь в Бахтиарские горы.

Об этом свидетельствуют отчеты при дворе в Уре, в которых перечисляются многие кувшины с растительным, а также сливочным маслом, сливками, хростоквашей, пивом и т. п., израсходованные во время этого путешествия. Царская дочь не могла и в мыслях допустить, что 30 лет спустя ее брат Ибби-Син пройдет по той же дороге, но уже не как царь Ура и верховный правитель Элама, а как пленник эламского царя...

Ибби-Син наследовал власть своего отца в Уре в 2030 г. Уже несколько лет спустя царь Энпилуххан из Симашки, наследник Гирнамме, совершил набег с гор на Сузиану и освободил города Аван (Дизфуль?), Адамдун (Шуштер?) и Сузы. Молодой шумерский царь принял вызов. После тщательной культовой подготовки он предпринял молниеносный поход против Элама и отвоевал упомянутые города. Энпилуххан из Симашки был взят в плен и с триумфом увезен в Ур. Пять лет спустя, примерно в 2017 г., Ибби-Син снова вынужден был начать военные действия против мятежного Элама, ибо 14-й год его правления именуется «годом, в котором Ибби-Син направился с огромным войском в Хухнури — воротам страны Аншан — и подчинил его своей власти».

Поход 2017 г. был последней попыткой слабеющей III династии Ура удержать в покорности Сузиану. Голод, нападения западносемитских амореев и отход от него его союзника Ишби-Эрры из Мари (на среднем Евфрате) подточили могущество Ибби-Сина. Так, в 2006 г. новый царь Симашки, очевидно Хутрантемпти, сумел за один набег разгромить всю Южную Месопотамию. Ибби-Син после отчаянного сопротивления «вынужден был покинуть свой дворец в Уре и бежать в страну Элам от горы Сабум — „груди“ нагорья — до самой границы Аншана», — говорится в шумерской песне-плаче. Он должен был бежать по Кабир-Кух через всю Сузиану и затем дальше, чтобы выйти к дороге Изех — Исфахан, «как птица, покинувшая свое гнездо, как чужестранец, который [никогда не вернется] на свою родину».

Ур был превращен тогда эламскими войсками в «грудь развалин и обломков». Царь Симашки, которому, возможно, эламские воинские отряды, находящиеся в Шумере, пришли на помощь, разместил гарнизон в укрепленном храме в Уре. Статую шумерского бога Луны

Нанны и другие статуи богов он переправил вместе с пленным Ибби-Сином в Аншан. Там, в далеком изгнании, этот последний царь III династии Ура и умер. Эти общественные потрясения произвели на Месопотамию невероятно сильное впечатление и еще долго продолжали жить в песнях-плачах и народных представлениях.

Однако во время господства царей династии Симашки Эламу не суждено было надолго сохранить независимость от Двуречья. На права наследства III династии Ура вскоре стали претендовать энергичные правители: Ишби-Эрра из Исина и Напланум из Ларсы. Похоже, что они придавали большое значение тому, чтобы снова присвоить себе хотя бы Сузиану. Поэтому неудивительно, что уже около 1993 г., т. е. 13 лет спустя после падения Ура, Ишби-Эрра «побил Элам оружием»; показательно, что это произошло в том же году, в котором он выдал свою дочь замуж за Хумпаншимти — тогдашнего управителя (по-шумерски: *суккаль*) Сузиани и предполагаемого сына царя Хутрантемпти. Наследники царства III династии Ура продолжали вести по отношению к Эламу, таким образом, старую политику Двуречья, которая сводилась к тому, что военные акции сменялись дипломатическими бракосочетаниями.

Изгнание эламского гарнизона из Ура удалось осуществить Ишби-Эрре только в 1985 г., т. е. через 21 год после завоевания Ура Хутрантемпти. И лишь его сын и наследник Шуилишу (1984—1975) добился возвращения похищенной статуи бога Луны Нанна в Ур. Это, по-видимому, произошло при наследнике Хутрантемпти Киндатту, который правил приблизительно с 1990 по 1970 г.

После малоизвестного Киндатту в Эламе снова царилась яркая, властолюбивая личность — царь Симашки, по царскому списку — Идатту I, полное имя — Идатту-Иншушинак, сын Пепи и «сын сестры» (по-эламски — *gihu-šak*) Хутрантемпти. Он уже был при своем дяде Киндатту, который приходился, таким образом, братом Хутрантемпти, а также был правителем Суз и управителем Элама. В те времена он развернул в Сузах оживленное строительство: он велел восстановить разрушенные укрепления, построить новую опоясываю-

щую стену, надстроить кирпичами храм Иншушинаку. Этому святилищу он пожертвовал также бассейн из известняка с надписью по-аккадски, сохранившейся до наших дней.

Когда Идатту-Иншушинак занял трон в 1970 г., он назначил своего сына Тан-Рухуратира (в соответствии с традицией, к которой мы еще вернемся) правителем Суз. Он женил его также на Мекуби — дочери правителя Эшнунны Билаламы. Тогда же Идатту-Иншушинак впервые присвоил себе титул «царь Симашки и Элама». Из этого можно заключить, что в очень древние времена Элам включал лишь Сузиану и восточную горную область — Аншан. Северное родовое имение — Симашки, возможно, было присоединено к царству лишь царями Симашки.

За Идатту-Иншушинаком следовал (видимо, около 1945 г.) уже упомянутый нами сын Тан-Рухуратир. От его брака с вавилонянкой Мекуби родился сын, который позднее (по-видимому, около 1925 г. до н. э.) наследовал своему отцу как Идатту II. При нем еще с того времени, когда он при своем царствующем отце Тан-Рухуратире занимал место правителя, в Сузах также было развернуто широкое строительство, дошедшее до нас. Надписи свидетельствуют, что он не велел обновлять старые, опоясывающие храмовую территорию стены, возведенные из асфальтового раствора, а распорядился построить новые из обожженного кирпича.

От времени правления Идатту II в Сузах был найден лишь один-единственный документ — прелестный оттиск печати (рис. 29). Идатту II в роскошном одеянии, в головном уборе сидит слева на скромном троне. Правой рукой он передает изогнутый жезл фигуре, которая, согласно аккадской притиске, является его писцом (по-эламски *тепир*) по имени Кук-Симут; третья фигура — богиня в грубошерстной юбке — радостно приветствует в качестве свидетельницы назначение писца. Именно этой печатью Кук-Симут закреплял свои распоряжения. Жезлообразный предмет, по-видимому, представляет собой отличительный должностной знак.

С тепирами мы встретимся и в следующем разделе (об эламском правопорядке) в качестве представителей высшей судебной власти. Кроме того, главному писцу в Эламе подчинялся «дом писцов», т. е. школа, в которой



Рис. 29

будущие высшие должностные лица обучались тонкостям клинописи. Как раз от нашего писца Кук-Симута сохранилась табличка, в которой он упрекает начальника этой школы Турукуцу в том, что он слишком строг в обращении с будущими писцами. Надпись гласит: «Тепир Кук-Симут обращается к Турукуцу: „Почему ты терзаешь учеников? Я предписываю тебе: перестань их мучить!“». Аккадская табличка, в которой лишь слова «ученик писца» являются эламскими, уводит нас в школу писцов в Сузах (маленькая историко-культурная драгоценность), существовавшую почти 4000 лет назад, чтобы нам продемонстрировать, что суровые наставники всегда злоупотребляли своей властью над учениками. Однако, так как среди последних находился иногда отпрыск высокопоставленного сановника, один из этих отцов, вероятно, был принят тепиром и позаботился о смягчении школьной муштры...

Позднейшие эламские цари, которые располагали ч передавали потомкам чаще всего довольно достоверные сведения о своих предшественниках, не возражали против того, что перечень царей Симашки кончался царем Идатту II. В то время из всего Элама только Лурестан, казалось, сохранял независимость, ибо в печати (см. рис. 29) Идатту II сам называет себя лишь правителем (по-шумерски — *энси*) Сузианы. Так, например, Гунгунум — пятый царь Ларсы в Шумере — похвалялся, что в 1930 и 1928 гг. до н. э. одержал две победы над Аншаном. История гибели царства Симашки так же покры-

та мраком неизвестности, как и конец царства Аван. От двух последних царей Симашки до нас дошли лишь имена: Идатунапир и Идатутемпти. В то время как Элам существовал вдали от бурных событий, в Двучечье шла ожесточенная борьба за власть, которая завершилась государственным образованием великого Хаммурапи из Вавилона.

Место царей Симашки заняла около 1850 г. новая династия. Ее основатель — некий Эпарти — был, по-видимому, выходцем из низов, получившим власть над Эламом не по наследству, а в результате борьбы, ибо источники умышленно умалчивают о его происхождении.

Эламские источники по истории этой новой династии Эпартидов охватывают около 900 глиняных табличек, исписанных по-аккадски. Большая их часть — правовые документы, остальные — хозяйственные. Почти все они из Суз и только около дюжины — из Хухнури. Лишь один из Эпартидов оставил нам документ, написанный по-эламски. Кроме того, из трех столетий правления верховных правителей, т. е. из периода между 1800—1500 гг., удалось откопать до сих пор лишь один археологический памятник. Но все же, какими бы скудными ни были упомянутые источники, они позволяют осветить две важные темы — государственное устройство и вопросы правопорядка. Последнее будет освещено в гл. V. Здесь же нас в первую очередь интересует эламский государственный строй.

Знакомство с этим строем совершенно необходимо для понимания истории Элама в целом. Об основных его чертах можно судить из упомянутых выше правовых табличек. Правда, специфические черты этого устройства раскрываются лишь, если проследить за тонкостями содержащихся в имеющихся источниках формул клятв. Опытному глазу становится тогда ясно, что удивительно умелое манипулирование высшей властью, как это отражено в табличках, ни в какой мере не ограничивается периодом царствования Эпартидов. Напротив, оно уже практиковалось царями Авана и Симашки и сохранилось во все последующие эпохи вплоть до гибели государства около 640 г. Таким образом, то, что в дальнейшем будет сказано о государственном устройстве, действительно для Элама всех времен.

Уже с самых древних времен мы обнаруживаем во

главе эламского федеративного государства верховного правителя, которому подчиняются множество правителей-вассалов. Этот верховный правитель, пока Элам был независим, носил титул «царь» (по-эламски — *сункир*), чаще с добавлением «Аншана и Суз». В Старо-вавилонский период этот титул, как правило, звучал «верховный правитель» (*суккаль-мах*).

Наряду с верховным правителем в Эламе правил (кстати, также в союзном Варахсе) управитель. Согласно закону, он — старший из братьев верховного царя и одновременно его будущий наследник. Эламский государственный строй основывался, таким образом, на праве брата (фратриархате); наследниками трона являлись не сыновья, а братья царя. Так как управители почти никогда не оставляли после себя надписей, их титул по-эламски неизвестен. В эпоху верховных правителей они на правовых документах именуется титулом (наполовину по-шумерски, наполовину по-аккадски) «управитель Элама и Симашки». Очевидно, управители имели резиденцию в местности, откуда происходила данная династия, но ни в коем случае не в Сузах. Эта резиденция находилась в древнейший период в Аване, затем — в Симашки, вероятно еще во времена *суккаль-махов*, позднее, по-видимому, в Аншане — юго-восточнее Сузианы.

Третьим лицом в Эламском государстве был правитель, или царь Суз, который носил также шумерский титул «суккаль», но чаще — аккадский: *шаррум* — «царь Суз». По-эламски его должность обозначалась как *хальменик* — «правитель». Он должен был быть в принципе старшим сыном верховного правителя.

Отец, следующий по возрасту брат отца и старший сын — такова тройка, правившая Эламом. Дж. Камерон первый определил эламскую триединую власть. Она происходила из древнеэламского права наследования, с одной стороны, и из слабой связи между отдельными областями — с другой. Благодаря этому триединству руководящая верхушка государства стала более подвижной, так как управитель (и будущий наследник трона) не засиживался в постоянной резиденции династии, а, по-видимому, регулярно объезжал отдельные земли, входящие в государство.

Отец и сын, т. е. верховный царь и правитель Суз, напротив, находились постоянно в столице царства —

Сузах. Поневоле задаешь себе вопрос: не могло ли такое близкое сосуществование вызвать между отцом и сыном опасную напряженность в их отношениях? Разве не было в Эламе царей, которые убивали своих сыновей?

Ответ гласит: вероятно, нет. Царь великодушно предоставлял своему сыну в пределах Сузианы свободу действий. Так, например, распоряжения верховного правителя-отца, чтобы получить законную силу в Сузиане, должны были быть лично подтверждены сыном — правителем Суз. Далее, надписи свидетельствуют, что отец и сын при строительстве столицы царства также действовали в полном согласии. При всей скудости сведений правовые таблички все же доказывают, что в Эламе были чрезвычайно сильны семейно-родственные связи, и не только среди господствующей династии, но и среди простого народа. В заключение следует еще иметь в виду, что сын как правитель Суз являлся лишь условно наследником трона, — ведь в первую очередь им становились братья царя. Это обстоятельство, вероятно, явилось решающим в отсутствии напряженности в отношениях между отцом и сыном. Иначе они все же имели бы место и в Эламе невзирая на силу родственных чувств.

Как же действовало право наследования трона внутри правящей тройки?

В случае смерти верховного правителя ему наследовал, согласно государственному закону, старший по возрасту брат, бывший до этого управителем. Такое право наследования со стороны брата действовало с древнейших времен в Эламе, так что матриархальные и фратриархальные представления переплетались здесь самым причудливым образом. Однако во II тысячелетии до н. э. среди простого народа право наследования братом постепенно уступило место требованию наследования сыном и в конце концов было почти полностью вытеснено последним. Но это не затронуло правящую династию: здесь право престолонаследования братом оставалось в силе до самой гибели царства, хотя оно под конец неоднократно осуществлялось насильно.

Новым управителем становился не правитель Суз (как старший сын умершего верховного царя), а следующий по старшинству брат бывшего управителя и теле-

решного верховного правителя. Таким образом, правитель Суз оставался в подчинении обоих своих дядей. В промежутке между 1850 и 1500 г. таких ситуаций, когда правитель Суз находился под началом двух сменивших друг друга верховных правителей, было не менее пяти. Это также свидетельствует о крепости уз, которые связывали членов правящей династии. Ибо после смерти верховного правителя среди его сыновей, естественно, возникал соблазн занять его место, и можно не сомневаться в том, что не было недостатков в поводах к раздорам в царской семье. Источники, однако, об этом умалчивают, и поэтому создается впечатление, что исконное право братьев на наследование не было никогда серьезно оспорено ни одним из царских сыновей.

В порядке ответной услуги бывший управитель, став верховным царем, отказывался даже от мысли об отстранении своего племянника от места правителя Суз, чтобы заменить его своим собственным сыном. Правда, трижды случалось, что представитель династии Эпартидов в качестве верховного правителя управлял совместно с двумя (следующими друг за другом) правителями Суз, а однажды даже с тремя правителями подряд. Было бы, однако, неправильно сделать из этого вывод, что верховный правитель якобы велел насильно устранить одного правителя Суз, чтобы заменить его другим. Скорее можно предположить, что должность эта освобождалась в связи со смертью предыдущего правителя, ибо совершенно очевидно, что среди эламских правящих династий имела место высокая смертность.

Именно такая большая смертность препятствовала в большинстве случаев восхождению на трон строго по закону наследования. Так, например, в Эламе был единственный случай, и то лишь в VII в. до н. э., когда верховными правителями в стране стали подряд три брата⁸. Чаще всего мы встречаемся не более чем с двумя братьями одного поколения, и довольно часто место отсутствующего брата доставалось двоюродному брату.

Если же поколение родных и двоюродных братьев переставало существовать, то доживший до тех пор правитель Суз мог стать управителем, а верховный прави-

⁸ Это объясняется кратковременностью их правления, а не существованием соответствующего престолонаследия.

тель мог назначить собственного сына правителем Суз. Однако часто, как выяснится, у него не было сыновей. Тогда ничего другого не оставалось, как назначить племянника.

Большая смертность среди представителей эламских правящих династий была, по всей видимости, следствием кровнородственных браков. А это явление происходило из двух отличительных черт в эламском праве наследования: из обычая левирата и женитьбы на сестре. После смерти верховного правителя брат-наследник, как правило, женился на его вдове⁹. Она же, в свою очередь, нередко приходилась, по обычаю эламской царской династии, сестрой обоим братьев¹⁰.

О существовании в Эламе браков между сестрами и братьями ученые догадывались уже давно. Косвенно это также подтвердилось найденными источниками. Однако прямое доказательство было обнаружено лишь тогда, когда был расшифрован термин «сестра» — *шуту*. Таким образом, стало понятным одно место в надписи правителя Ханни периода около 710 г. В ней он называет Ху-хш своей «любимой супругой-сестрой».

Последствия подобного кровосмешательства не могли не сказаться. Оно приводило к постоянному нарушению правил наследования, так что на деле сын нередко наследовал отцу просто по той причине, что после смерти правителя могло не оказаться в живых ни одного из его братьев или племянников, а, возможно, потому, что у него никогда не было брата.

Браки между братьями и сестрами, левират и разделение власти между тремя правителями определяли, таким образом, государственный строй Элама. Ничего аналогичного никогда и нигде на земле больше не встречалось.

Что касается истории третьей династии Элама, правившей с 2500 до 1500 г., то мы остановимся лишь на основных ее особенностях.

⁹ Засвидетельствован лишь один случай левирата в правящей семье. Так, Шилхак-Иншушинак был женат на вдове своего брата — предшественника на троне — Кутир-Наххунте II (*прим. ред.*).

¹⁰ Подобный брак для собственно эламских правителей не доказан, но допустим, если учесть единственный факт из VIII в., приводимый ниже автором (*прим. ред.*)

Об уже упомянутом нами основателе династии Эпарти источники сообщают очень немного. Он именовал себя «царем Аншана и Суз».

Путь к трону для Эпарти, начавшийся, вероятно, уже около 1850 г., был трудным и долгим. Похоже, что основатель династии через несколько лет после прихода к власти умер, предположительно около 1830 г. На всех табличках, сохранившихся от Эпарти, он подчеркнuto называет себя царем и никогда — «управителем» или «верховным правителем». Но еще более знаменательно то, что единственная дошедшая до нас табличка 1-го года его царствования содержит формулу датировки — «год, когда Эпарти стал царем» и перед его именем — знак божественности. Это первый и единственный случай, когда эламский правитель был обожествлен; явление, обычное у шумеров и не чуждое вавилонянам. Незаметный знак *дингир* (по-шумерски — «божество») на незрочной табличке, зафиксировавшей выдачу из царских овечьих загонов в Сузах жертвенных животных, позволяет нам спустя тысячелетия предположить, что захват власти Эпарти должен был быть необычайно впечатляющим событием. В пользу этого говорит и то, что даже в далеком Вавилоне в течение длительного периода сохранялось относимое к Эпарти предзнаменование. Тем временем эламские правители вскоре снова отказались от обожествления: они рассматривали себя как слуг и орудия воли богов, особой защитой которых они пользовались, однако они никогда не считали себя равными им.

Согласно традициям наследования, Эпарти назначил своего сына Шилхаху правителем Суз. С этого времени сохранилась цилиндрическая печать, пожертвованная писцом Шилхахи Кук-Танры верховному правителю страны Эпарти (рис. 30). Жертвователя (крайний слева) подводит к сидящему правителю богиня в грубошерстном платье с бахромой. Эпарти, по-видимому, должен был его утвердить в качестве тегира у своего сына Шилхахи. Эта сценка еще раз укрепляет наше предположение о чрезвычайном влиянии, которым Эпарти пользовался у своих современников — он изображен на печати в почти божественном ореоле. Несмотря на это, Шилхахе, которому, по всей вероятности, после смерти отца суждено было довольно долгое царствование, удалось



Рис. 30

затмить славу Эпарти, что он, Шилхаха, а не его отец вошел в историю как основатель династии.

Среди основателей династии выделяется еще и третья фигура: дочь Эпарти. Ее имя нам неизвестно, однако как «сестра Шилхахи» она получила звание родоначальницы династии. Из позднейших Эпартидов только тот считался вправе наследовать трон, кто мог доказать свое происхождение от сестры Шилхахи — «матери почитаемой» (*amma haštuk*). Очевидно, в древнем Эламе существовало включенное в право брата престолонаследие, пережиток древнейших матриархальных представлений.

Когда Шилхаха около 1830 г. вступил в права наследования своему отцу Эпарти, он называл себя верховным правителем, отцом-царем Аншана и Суз. Хотя это и звучит весьма помпезно, но здесь впервые в Эламе появляется титул «верховный правитель».

В то время в Вавилоне правил, вероятно, царь Апиль-Син (1830—1812). Шилхаха, очевидно, не смог сохранить независимость своей страны, которую отстаивал его отец Эпарти в борьбе с вавилонским царем Сабумом. После Шилхахи из официальных документов правителей Элама надолго исчезает гордый титул «царь Аншана и Суз». Лишь цари XIII—XII вв. снова присвоили себе этот титул; начиная с Унташ-Напириши, приблизительно с 1275 г., он снова становится царским титулом.

При восшествии на престол около 1830 г. Шилхаха утвердил в качестве правителя Суз сына своей сестры Аттахушу. Последний был, вероятно, старшим сыном

«матери почитаемой», прославленной сестры Шилхахи. То, что Аттахушу уже правил в Сузах при своем деде Эпарти, подтверждается тем фактом, что при Аттахушу сменилось три поколения тепиров. Одним из них был Ибни-Адад, жертвовавший своему господину различные предметы из бронзы, среди них два топора и бокал с ручкой, сохранившийся до сегодняшнего дня.

Аттахушу развернул в Сузах весьма активную деятельность. Как и его дед Эпарти и его дядя Шилхаха, он продолжал строительство храма в честь Иншушинака, «любимым слугой» которого он себя величал. При нем было завершено строительство храма бога Луны, начало которого заложили Эпарти совместно с Шилхахой. Аккадская надпись Аттахушу гласит, что он как «пастырь населения Суз» во имя собственного блага пожертвовал Великой богине Нинегаль (очевидно, Пинекир) храм. Но и эламская богиня победы Нарунди, как и ее аккадский прототип Анунитум, не были обойдены Аттахушу святилищами.

По ту сторону р. Улай, западнее Суз, Аттахушу воздвиг укрепленный дворец и соединил его со столицей мостом. Последним свидетельством его многосторонней государственной деятельности в качестве правителя Суз служит «Стела справедливости», которую Аттахушу велел соорудить на рыночной площади столицы, призванная, очевидно, обнародовать государственные тарифы на продукты питания. Надпись на стеле обращена к богу Солнца Наххунте с просьбой помочь каждому назначить справедливую цену. Аттахушу, очевидно, стали подражать и другие правители, ибо в более поздних документах в связи с торговлей хлебом встречаются ссылки на «большую таблицу»¹¹, на которую, вероятно, были занесены максимальные цены на зерно.

Однако, когда Шилхаха около 1800 г. до н. э. умер, его племянника Аттахушу, по-видимому, также не было уже в живых, ибо трон унаследовал следующий по

¹¹ В документе № 197 (MDP, 23) упоминается *le-e gabi* — «большая таблица», которая не имеет отношения к царю. Она приводится в связи со ссудой ячменя и серебра, которая была произведена согласно «большой таблице». По-видимому, «большая таблица» — сводная ведомость, в которой отмечались имена должников. На это предположение наводит то обстоятельство, что «большая таблица» упоминается в связи с выдачей в долг. Она могла принадлежать и самому кредитору (*прим. ред.*).

старшинству брат последнего Сиртух I¹². Он, в свою очередь, назначил управителем своего младшего брата Симутварташа. Оба называют себя, как и Аттахушу, «сыновьями сестры» Шилхахи.

Первое время после своего восшествия на престол Сиртух I правил без правителя Суз, откуда следует, что у него не было сына. Однако он в конце концов нашел удивительный, типично «эламский» выход из затруднительного положения: правительницей Суз была назначена «мать почитаемая», прославленная сестра Шилхахи, иными словами, его собственная мать! Это единственный случай, когда мы столкнулись с тем, что страной совершенно официально правила эламитка. Лишь после смерти родоначальницы Эпартидов Сиртух I назначил правителем Суз своего племянника Сивепалархухпака.

Правление этой тройки — Сиртух I (верховный правитель), его брат Симутварташ (управитель) и его племянник Сивепалархухпак (правитель Суз) — уже относится к периоду расцвета I Вавилонской династии во главе с царем Хаммурапи (1792—1750). Невзирая на скудость источники все же свидетельствуют о том, что Сиртух с самого начала пытался оказать вавилонскому господству решительное сопротивление. Табличка, датированная 1790 г. до н. э., обнаруженная лишь в 1957 г. в Шушарре (в Иранском Курдистане), свидетельствует о том, что Элам в тот период был еще независим, ибо Сиртух величался в ней царским титулом. Марийские документы свидетельствуют о том, что царь Элама и царь Эшнунны из Вавилонии (вблизи Багдада) заключили союз. Сиртух лично направился в Эшнунну во главе эламского войска. Союзнические войска осадили г. Рацама. Однако Хаммурапи вынудил их снять осаду. Возможно, Сиртух I здесь и погиб, ибо в табличке из Мари говорится, что в одном из сражений были добыты письма, из которых явствует, что «правитель Суз и Элама» был убит.

Наследником Сиртуха стал около 1770 г. его младший брат Симутварташ, бывший до этого управителем. Он сделал, в свою очередь, управителем своего племян-

¹² В надписях имя передается в форме «Ширукдух» и неизвестно, что он был братом Аттахушу или оба вместе — племянниками Шилхахи. Вообще родственные связи правителей этого периода в аспекте, приводимом автором, не выяснены (*прим. ред.*).

ника Сивепалархухпака, а правителем Суз стал другой его племянник — Кудузулуш I. Однако Симутварташ правил очень недолго. Верховным правителем стал (около 1768 г.), согласно государственному законодательству, бывший управитель, его племянник — Сивепалархухпак.

Тем временем равновесие сил, имевшее место среди дюжины государств Ближнего Востока, постепенно, но явно стало нарушаться симпатиями большинства этих государств к Вавилонии, находящейся под управлением Хаммурапи. Однако под давлением все растущего могущества этого государства царь Зимрилим из Мари перешел в лагерь вратов Хаммурапи. Так, против последнего была образована коалиция из довольно неравных между собой союзников, в создании которой Сивепалархухпак, по-видимому, играл не последнюю роль. Сторону Элама принял его старый союзник — царь Эшнунни.

К ним заново примкнули царица из Навара (она якобы выставила десятитысячное войско), затем царь Малгиума (у Тигра, южнее устья р. Диялы) и царь субареев из Ашшура.

Однако, предприняв несколько больших военных походов, Хаммурапи одержал победы над всеми своими противниками. Первый решающий удар по Эламу он нанес в 1764 г., еще до того, как Зимрилим из Мари стал его союзником. Хаммурапи сообщил с вполне оправданной гордостью, что он нанес поражение «войску Элама, напавшему с границы Варахсе, а также субареев, куттиям, Эшнунне и Малгиуму, которые также участвовали в походе своими войсками». После этого Элам перестал выступать на политической арене Двуречья.

Отражение этого разгрома мы находим в надписи Сивепалархухпака, кстати единственном эламском документе между 2250 и 1280 г. В нем верховный правитель величает себя просто «правителем Элама». Царский титул исчез, а титула «верховный правитель» он, очевидно, умышленно избегал¹³. Эламская глиняная табличка представляет собой интерес еще и по той причине, что

¹³ В данном случае автор не прав, ибо термин «правитель Элама» встречается только в эламоязычных надписях, тогда как «верховный правитель» — только в аккадских надписях из Элама. Надписи Сивепалархухпака на аккадском языке до нас не дошли (прим. ред.).

в ней встречаются языковые обороты, засвидетельствованные лишь 600 лет спустя и, что весьма характерно, не претерпев никаких изменений. Историка все вновь и вновь поражает постоянство характера эламитов. Некоторые исследователи готовы ставить под сомнение достоверность надписи Сивепалархухпака, однако я не могу присоединиться к их мнению¹⁴. В связи с большой историко-культурной ценностью этого документа я решил воспроизвести его постольку, поскольку пробелы и языковые трудности позволили сделать перевод. Он гласит: «О, бог Иншушинак, владыка верховного города (Суз)! Я, Сивепалархухпак, умножитель царства, правитель Элама, сын сестры Сиртуха. Во имя моей жизни, во имя жизни моей матери почитаемой, моих младших родственников и их детей я [.]. В пробеле предположительно значилось «я посвятил этот храм». Далее мы читаем: «О, бог Иншушинак, великий властелин! Я, Сивепалархухпак, принося жертвы, взываю к тебе — услышь мою мольбу! В течение дня и ночи, чтобы заслужить твою милость, я поистине принес тебе в жертву народ Аншана и Суз!» После еще одного невидимого и частично разрушенного места документ заключает: «Пусть врагов пожирает огонь, да будут повешены на столбах их союзники! Сожженные, истерзанные, закованные в кандалы, пусть будут брошены к моим ногам!»

Если эта надпись, как можно предположить, составлена лишь после поражения 1764 г., то титул «умножителя царства», присвоенный Сивепалархухпаком, мог вызвать удивление. Однако вполне вероятно, что верховный правитель сделал попытку отомстить за поражение, нанесенное ему Двуречьем, походом на Иранское нагорье. В пользу этого свидетельствует сообщение XII в. до н. э., в котором говорится, что Сивепалархухпак числился у потомков Элама среди великих правителей царства.

Сивепалархухпаку наследовал предположительно около 1745 г. его брат Кудузулуш I. Спустя некоторое

¹⁴ Подлинность надписи Сивепалархухпака подтверждается полиграфией знаков. К тому же нет никаких оснований считать, что в этот период эламский язык был вытеснен из употребления (*прим. ред.*).

время после единоличного правления он назначил правителем Суз своего племянника Кутир-Наххунте.

Именно этот Кутир-Наххунте I стал около 1730 г. верховным правителем. Он незамедлительно назначил своего брата Лилаирташа управителем, а своего старшего сына Темптиагуна I правителем Суз.

Кутир-Наххунте I запечатлелся в памяти не только эламских, но и позднейших ассирийских царей. Дело в том, что при наследнике Хаммурапи Самсуилуне (1750—1712) господство Вавилонии настолько ослабло, что Кутир-Наххунте наконец отважился отомстить за поражение, нанесенное его дяде Сивепалархухпаку Хаммурапи. Возможно, Кутир-Наххунте воспользовался моментом, когда вавилонский трон в 1711 г. наследовал после своего отца Самсуилуна Абишу.

О страшном нападении эламитов на Двуречье упоминает более тысячи лет спустя Ашшурбанапал следующими словами: «Эламит Кутир-Наххунте, не страшась нарушить клятву, данную великим богам, и слепо полагаясь на собственную силу, наложил руку на святилища Аккада и превратил Аккад в прах». Кутир-Наххунте увез тогда в Сузы скульптуру месопотамской богини плодородия и победы Нанайи. «Нанайа, которая сердилась в течение тысячи шестисот тридцати пяти лет» (здесь писцы Ашшурбанапала явно ошиблись: в 646 г. до н. э., со времени нападения Кутир-Наххунте, самое большее миновало около тысячи семидесяти пяти лет), Нанайа, «которая вынуждена была покинуть родные края и поселиться в недостойном для нее месте — в Эламе, доверилась мне и просила вернуть ее домой». Таким образом, Ашшурбанапал вернул статую богини в Двуречье.

Напротив, царю Шилхак-Иншушинаку (около 1150—1120) победа Элама над Вавилонией представилась в лучезарном свете. На одной из стел этот самый блестящий из эламских царей заявляет, что он хочет «Кутир-Наххунте и его [сыну — правителю Суз] Темптиагуну оказать почести», так как они покорили 30 городов в Месопотамии. Кутир-Наххунте овладел страной Аккад как «собственник и повелитель», а местных правителей предал забвению. Тем самым он снова внушил вавилонянам «уважение и страх перед населением Элама». В честь великой победы, одержанной Кутир-Наххунте I,

царь Шутрук-Наххунте (около 1185—1155), вероятно, решил дать своему старшему сыну имя прославленного предка. И наследный царевич Кутир-Наххунте не обманул возложенную на него надежду: он покорил касситов и завоевал Вавилон.

Царь Шилхак-Иншушинак — ревностный историк и почитаемый правитель — также сохранил потомству почитательную надпись Кутир-Наххунте I. Он обнаружил ее при восстановлении Суз и, обновив ее, поместил на прежнее место. Надпись, сделанная на аккадском языке, гласит: «Кутир-Наххунте I и его сын правитель Суз Темптиагун проявили особую заботу к статуе бога Иншушинака, посвятив ей во имя спасения своих жизней храм, включая замощенную дорогу для религиозных процессий. (Эта дорога, очевидно, была проложена наискось к храмовым воротам, т. е. была проложена «по-эламски».)

От правителя Суз Темптиагуна I в Сузах была найдена табличка на аккадском языке, свидетельствующая о пожертвовании им храма богине Ишмекараб. Этот памятник является еще одним убедительным доказательством сильно развитых родственных чувств эламских правителей, ибо Темптиагун воздвиг этот храм для блага следующих лиц: своего отца — верховного правителя Кутир-Наххунте; своего дяди — управителя Лилаирташа; во имя своего собственного блага; блага своего младшего брата Темптихишаханеша и, наконец, во имя блага своей «матери почитаемой» Велкиши. Примечательно все же, что в этом перечислении властвующих лиц брату жертвователя отдается предпочтение перед матерью обоих. Ибо, если бы Темптиагуну I случилось самому стать верховным правителем (это произошло около 1698 г.), право наследования приобретал бы его младший брат (чего не произошло, так как Темптихишаханеш умер раньше своего брата), а не их мать Велкиша. Хотя женщины царствующей династии по закону пользовались правом наследования, они вынуждены были уступить исполнительную власть мужским представителям семьи — за исключением одного-единственного раза в случае с сестрой Шилхахи.

О следующих затем верховных правителях — в общей сложности мы можем проследить в этой династии свыше 12 поколений — нам известны, пока не появятся

новые источники, в основном одни имена. То, что нам удалось узнать об Эпартидах, их родственных связях и приблизительных годах правления, приводится в хронологической таблице в Приложении.

С самого начала исторического развития двух враждебных соседних территорий — Месопотамии и Элама — удача все время сопутствовала попеременно то одной, то другой стороне. В течение первой половины II тысячелетия превосходство в основном сохранялось за Двуречьем. Подтверждением этого является также аккадизация Сузианы, проявившаяся в почти исключительном употреблении вавилонского языка в документах того времени.

Однако постепенно на арену ближневосточной истории выдвинулась новая сила — касситы. Когда после ухода хеттов царь касситов Агум II около 1593 г. покорил Вавилон, было покончено с I Вавилонской династией и тем самым также положен конец господству Вавилонии над Эламом. Остается невыясненным, пришло ли ему на смену господство касситов.

Некоторые, к сожалению не датированные, таблички позволяют судить о присутствии в Эламе касситов. Так, имена Аникиланди в Хухнури или Рушупиаш, Биргальзу и др. в Сузах — касситские. Далее, в северном Лурестане название р. Кашган напоминает еще и по сей день о кашшу (касситах). Правда, ни в одном документе не говорится о том, будто касситы положили конец господству Эпартидов в Эламе. Дело в том, что около 1500 г. исчезают все источники.

Мы снова узнаем об Эламе лишь после завоевания Суз царем касситов Куригальзу II, правившим Вавилонией в 1345—1324 гг. Что же все-таки происходило в Эламе в течение предшествовавших полутора столетий? Этого мы не знаем. О гибели Эпартидов мы так же мало знаем, как о конце предшествовавших им династий Авана и Симашки. Однако трудно отделаться от впечатления, что над Эламом спустилась «беспросветная ночь господства касситов». Новая династия, первым представителем которой был Пахиришпан (около 1330 г.), открыла великую классическую эпоху в истории Элама. О ней речь пойдет в гл. VI нашей книги.

ЭЛАМСКОЕ ПРАВО

Мы начинаем главу об эламском праве непосредственно после истории Эпартидов, так как почти все источники по этому вопросу относятся именно к этой эпохе. Кроме почти 500 правовых табличек периода верховных правителей до настоящего времени дополнительно обнаружены лишь семь документов, а именно из позднего периода истории Элама. Вряд ли в этом повинен только случайный характер находок. Скорее, документы эпохи господства династии Эпартидов свидетельствуют о том, что в то время в ходе аккадизации Сузианы в Эламе вообще впервые начали письменно фиксировать юридические материалы, ибо эламский правопорядок осуществлялся испокон веков исключительно устно. Древнейшая устная правовая практика отстаивала себя наряду с письменной, ввезенной из Вавилонии. Взаимопроникновение и взаимовлияние этих двух форм и составляют особенность эламского правопорядка.

Правда, мы узнаем из наших аккадских табличек практически лишь об имущественных процессах. Что же касается эламского уголовного права, то до нас дошли лишь отрывки, в основном о карах, которыми угрожали нарушителям договоров.

Один судебный документ эпохи последних Эпартидов подводит нас своей наглядностью вплотную к эламскому гражданскому праву.

Два брата требуют от некоего Бели передачу им земельного участка. Они обращаются к писцу и судье. Однако Бели оправдывается: «Отец этих истцов — Дамкия принял моего отца как брата. В данном случае поступили в соответствии с правовой нормой, учрежденной богом Иншушинаком и богиней Ишмекараб, в которой

говорится, что принятие брата приводит к равному с остальными братьями положению, а усыновление в качестве сына — к равным с остальными сыновьями правам, так что я унаследовал участок земли, который мой отец [когда-то от Дамкии] получил».

Этот процесс — он имел место около 1570 г., — по-видимому, произвел сильное впечатление на жителей Суз, ибо на судебном заседании присутствовали кроме тегира, правителя Суз и судьи еще управляющий городом, начальник охраны и многочисленные жители Суз¹. Была сделана опись имущества, унаследованного Дамкией и его родным братом у своего отца, и того, которое эти братья под присягой верховному правителю Тата и правителю Суз Темптиагуну II поделили между собой. «Таблички об этом разделе наследства были доставлены писцу и судье, и те совместно с многочисленными жителями Суз ознакомились с ними и вынесли приговор в ходе судебного процесса, возбужденного двумя истцами». По этому приговору Бели мог оставить за собой земельный участок, полученный его отцом от Дамкии, по праву приемного брата. Так что требование двух истцов было отклонено. За приговором следовал список свидетелей в количестве 23 человек. Список этот возглавляет городской управляющий Аткалшу и начальник охраны Иншушинаккашид, завершает его бог Иншушинак, богиня Ишмекараб и судебный писец. Документ заканчивается обращением к двум истцам, чтобы они спокойно возвратились в свой родительский дом.

На глиняной табличке имеется крупный оттиск печати, на котором изображен бог в короне, стоящий на тронной скамеечке с возведенными к небесам руками. Аккадская приписка гласит, что владелец печати, очевидно тегир правителя Суз, покинул свое служебное место в центре Суз, чтобы лично засвидетельствовать поставленную на эту табличку печать. Кто опротестует приговор, будь то истец или обвиняемый, пусть подверг-

¹ Рассмотрение тяжбы в присутствии перечисленных административных лиц не было из ряда вон выходящим явлением. В Эламе, в частности в Сузах, важные судебные дела рассматривались на народном собрании общины. Подобный случай зарегистрирован также в документе № 320 (MDP, 23). В толковании содержания документов №№ 321—322 (MDP, 23) допущены неточности. К тому же время тяжбы — 1570 г. является условным (*прим. ред.*).

нется каре богов Хумпана и Иншушинака. «Кто уничтожит документ, пусть подвергнется по велению богов Иншушинака и Наххунте тяжелой каре богини Ишмекараб!» А теперь перейдем к подробному рассмотрению этого судебного разбирательства.

В памятнике речь идет о так называемых правовых нормах бога Иншушинака и богини Ишмекараб. В других табличках творцом таких правовых норм называют одного лишь Иншушинака. Другие божества не выступают как законодатели. Население под правовыми нормами божества всегда понимало законодательство, разработанное жречеством. Это подтверждается неоднократно встречающимся оборотом о «правовых нормах, разработанных храмом Иншушинака».

Однако в древнем Эламе наряду с «божественным» правом храмов существовало и «светское» право. Его создателями в документах выступают правящие в тот или иной период цари. Было бы, однако, неправильно провести четкое разграничение между божественным и светским правом Элама. Хотя некоторые правовые нормы считались у эламитов творениями богов, особенно бога Иншушинака (по меньшей мере в Сузах), а иногда совместно с богиней Ишмекараб, однако речь в них шла не только о сакральном праве: правовые нормы божеств рассматривали и чисто светские дела, как, например, дела усыновления, наследства, покупки земельных участков, снятия урожая, договоров о ссудах, уплаты штрафа в случае нарушения договора и многие другие.

Разумеется, эламские правители не только поддерживали уже действующие правовые нормы, но и добавляли к существующему своду законов новые законодательные акты. Это засвидетельствовано как у правителя Суз Аттахушу (около 1810 г.), так и у верховного правителя Палаишшана и правителя Суз при нем (около 1560 г.). Было ли эламское право когда-либо целиком записано, нам неизвестно, однако это все же маловероятно². Но похоже, что отдельные части правового законодательства

² Есть основание полагать, что в Эламе издаваемые правителями законы записывались, хотя и по отдельным правовым вопросам. Об этом свидетельствует документ № 395 (MDP, 24), а также № 348 (там же) (*прим. ред.*).

были кодифицированы. Так, текст на найденном в Сузах обломке таблички может быть отнесен к эламскому земельному праву³.

Можно предположить, что правовые нормы якобы божественного происхождения и относятся к древнейшему эламскому праву. К нему было присоединено обычное право и издаваемые время от времени законы. Однако никогда не имело места противоречие между божественным и светским правом. Скорее всего, для эламита право в целом, в том числе и светское, было тесно связано с божественным правом. Как законодатель правитель выступает в тесном союзе с божеством. Об этом свидетельствует позднеэламская надпись, в которой говорится: «Право, которое дали бог Иншушинак и царь Шутрук-Наххунте II...»⁴. Таким образом, божественное и светское право составляли в Эламе всегда единое целое.

Во времена господства Двуречья над Эламом чужеземное право, вероятно, также получило силу закона, по крайней мере в Сузиане. В нескольких табличках периода между 1670 и 1650 г. говорится о правопорядке в царстве Вавилона. По всей вероятности, в Эламе имели силу и знаменитые законы Хаммурапи, возможно как дополнение к собственному обычному праву. Эламская базальтовая стела, на которой изображен неизвестный верховный правитель перед сидящим на троне богом Солнца Наххунте (фото 22), производит впечатление подражания стеле Хаммурапи.

Существенной составной частью эламского правопорядка было его переплетение с божественным началом. Эламское выражение для этого начала (китен) мы уже уточнили ранее (в гл. III). В то время как китен бога Хумпана в первую очередь гарантировал божественную защиту царю, китен бога Иншушинака особенно прояв-

³ Автор имеет в виду документ № 395. О характере и назначении этого документа, в котором была зафиксирована часть эламского закона, существовали разные мнения, пока Г. Драйвер и Дж. Майлз не определили его как сузский земельный закон. Однако разбор документа показывает, что в нем записана та часть закона, которая относилась к наследованию (*прим. ред.*).

⁴ Однако данный отрывок следовало бы перевести так: «Защиту, которую право (храма) бога Иншушинака и эдикт Шутрук-Наххунте учредили». В этом отрывке речь идет об установлении покровительства царя над храмовым имуществом (*прим. ред.*).

лялся в юрисдикции, преимущественно в Сузах. В Хухнури же эти прерогативы принадлежали местному богу Рухуратиру. В сузской табличке нарушителю договора грозили, что он будет лишен защиты — китен Иншушинака. Тем самым провинившийся объявляется вне закона. Нередко к тексту делается лаконичное добавление: «он умрет».

Часто угроза лишения юридической защиты принимает следующее выражение: «Из сферы власти божественной и царской он будет изгнан». Во всех подробностях об этом говорится в документе времен Хаммурапи (1792—1750). «[Нарушитель договора] действительно изгоняется из владений Шилхахи, Сиртуха, Сивепалархупака (тогдашнего верховного правителя), Кудузулуша (тогдашнего правителя Суз). Бог Иншушинак, царь Суз [погубит его]». Примечательно, что этот памятник включает двух уже умерших к тому времени Эпартидов — Шилхаху и Сиртуха. Значит, считалось, что умершие правители тоже могли проклинать; это служит лишним доказательством того, что эламиты верили в загробную жизнь. Как карающие божества наряду с Иншушинаком время от времени выступают еще Хумпан и Наххунте — это явствует из оттисков печати вышеизложенного «судебного процесса». Во всех этих угрозах обнаруживается неразрывное единство божественных и светских правовых представлений.

Однако эламский термин «китен», как уже было сказано, не только означал абстрактную «магическую защитную силу божества», но и имел конкретное назначение: он служил знаком табу. Так, утверждение: «он потерял право на защитную силу бога Иншушинака», переводится дословно: «он прикоснулся к китен Иншушинака». Это, вероятно, можно понять таким образом, что если нарушитель договора, прикоснувшись к знаку табу бога, не умирал от перенесенного потрясения, то подвергался публичной казни. В непосредственной связи с этим, по-видимому, находится и угроза: «Пусть пройдет мимо Каменного изваяния бога!», которую можно, вероятно, дополнить словами: «а этого он не переживет!» Скорее всего, знак табу Иншушинака представлял собой орла с распростертыми крыльями.

Исходя из конкретного значения знака табу можно было под понятием «китен» подразумевать и храмовое

помещение, где находился этот знак. Так, в одном договоре говорится, что спорящие стороны пришли к обоюдному согласию «в Сузах, в китене бога Иншушинака». Это наводит нас на вопрос: где же происходили эламские судебные процессы?

Источники в основном молчат по этому поводу, но все же позволяют заключить, что гражданские процессы Элама преимущественно происходили в храмовых рощах бога Солнца Наххунте. В отличие от Иншушинака — бога законодателя Наххунте считался эламским богом, именем которого приводили в исполнение приговор. Под покровительством храма бога Солнца находилась торговля: он устанавливал процентную норму, унифицировал веса и участвовал в коммерческих операциях. Храмовая роща Наххунте размещалась в священном «верхнем городе», на искусственно сооруженном холме в северо-западной части Суз. Так, в одной из табличек упоминается, что истец заставил свою ответчицу для разбирательства судебного дела «подняться наверх»; после того как ее оправдали, она снова смогла оттуда спуститься вниз. Так как очень часто речь идет о том, что якобы слушания судебных дел происходили в «китен Иншушинака», можно предположить, что эмблема, или знак табу, Иншушинака ко времени судебного разбирательства доставлялся в храмовую рощу Наххунте или что то или другое находилось там постоянно.

В нашем судебном отчете председательствовал, как вы, наверное, помните, не судья, а тепир, по всей вероятности, правителя Суз Темптиагуна II, носившего это почетное звание при своем отце Тате (приблизительно с 1600 до 1580 г.) и сохранившего его при его брате Аттамерхалки (приблизительно с 1580 по 1570 г.), однако так и не ставшего верховным правителем. В памятнике из Хухнури в качестве председателя суда также упоминается тепир. Здесь речь могла идти только о писце тогдашнего правителя Хухнури. Таким образом, в Эламе в гражданских процессах второй инстанции председательствовали писцы правителей отдельных областей царства. Каждому из них помогал судья.

В процессах первой инстанции судьи сами выносили

приговор. Следовательно, теписы принимали участие лишь во время слушания дела в апелляционной инстанции (по-эламски — *хашлут*). Наряду с этим существовала, однако, возможность — как и во все времена на Востоке — обратиться непосредственно к самому правителю. Это мог быть вопрос престижа (и подкупа). Так, в одном документе говорится: «[Тот и тот] из-за одеяния, оставленного мне в качестве залога, обратились к Темптирапташу, и тот подослал ко мне начальника охраны, запершего меня здесь в моем жилище». Имелся в виду, очевидно, правитель Суз Темптирапташ при верховном правителе Кутир-Шилхахе I (около 1630 г.).

Знаменательно, что в Эламе гражданское судопроизводство было всецело доверено светским судьям. Жрецы выступали в суде в крайнем случае как свидетели. То, что в описанном нами процессе во время судебного заседания в храмовой роще бога Солнца принимали участие кроме писца и судьи еще управляющий городом и начальник охраны, было исключением. Столь же необычно и то, что именно управляющий городом и начальник охраны возглавили список свидетелей.

Согласно древнеэламскому правопорядку, свидетели всегда ссылались на богов Наххунте и Иншушинака, и именно в такой последовательности; в крайне редких случаях — в обратной. Оба божества как властелины мира земного и царства теней рассматривались эламитами и как реально существующие свидетели и поэтому в документах при перечислении свидетелей всегда завершали список. В Хухнури вместо бога-свидетеля Иншушинака соответственно фигурировал местный бог Рухуратир.

Эламское право в ходе судебного разбирательства огромное значение придавало свидетелям. Одним из подтверждений этого может служить их количество — иногда оно доходило до 42 человек. Лишь одна-единственная табличка ограничивается двумя свидетелями-богами — Наххунте и Иншушинаком, не упоминая людей. Обычно же кроме обоих богов следовали по меньшей мере два свидетеля-человека. Большинство памятников приводит от 5 до 20 свидетелей.

Памятники из Суз и Хужнури приводят, как правило, статьи права в различной редакции и позволяют, таким образом, взглянуть со стороны на эламское судопроизводство.

Специфически эламскими, т. е. не вавилонскими, являются: а) угроза нанесения тяжелых увечий и б) особые проклятия, призванные испослать на правонарушителя несчастья. За лжесвидетельство «отрубали руку и отрезали язык». К этому часто добавлялась уплата большого штрафа: от полфунта серебра и сверх этого около 8 ц зерна до 60 фунтов серебра. Но и этим наказание не ограничивалось. Лжесвидетель лишался также китен бога Иншушинака, даже тогда, когда он приносил клятву лишь царю. Это означало, что он становился беззащитным и, следовательно, должен был умереть. Таким образом, нарушение клятвы, данной земному правителю, приводило не только к светскому наказанию, но вызывало также и сакральные воздействия. «Единство светского и божественного правопорядка вряд ли может быть сформулировано более отчетливо», — заявляет по этому поводу П. Кошакер.

В случаях лжесвидетельства по вопросам усыновления, раздела наследства и дарения кроме проклятий со стороны богов и земных властелинов часто грозили утоплением. О таком нарушителе один частноправовой документ гласит: «Он должен идти в воду, пусть [речной] бог Шази разможит ему череп в бурном водовороте! Да падет на его голову карающий меч бога и царя! Да будет он изгнан из владений бога и царя!».

Интерес представляет памятник из Хужнури, содержащий решение суда, требующее доказать виновность клятвой и ордалией водой. Десять свидетельниц подтверждают, что истце был обещан дар, который даритель отрицает. Суд призывает истцу броситься в воду. В случае, если она утонет в Каруне, обвиняемый выиграет дело; если же она останется в живых, то ответчик должен исполнить свое обещание. Значит, даже в этом случае он не должен нести наказания за отрицание обещания дара. К сожалению, мы не знаем, согласилась ли Айинлунгу на это и, если согласилась, утонула ли она в реке или нет... Примечательно, что даже десять свидетельниц были не в состоянии придать иску достаточ-

ную доказательность. Когда дело касалось денег, то обычно для эламита уважение к женщине, очевидно, отступало на задний план.

В заключение следует еще рассмотреть правовое положение женщины в Эламе.

По свидетельству источников, эламская женщина в Старовавилонский период достигла высокой степени равноправия в противоположность древнейшим отношениям III или даже IV тысячелетия, когда братья пользовались особыми привилегиями, а сестры были обделены. Чем успешнее пробивали себе дорогу патриархальные отношения, в результате чего права наследования перешли исключительно к детям, тем больше улучшалось также положение эламской женщины.

Отныне сыновья и дочери стали равноправными в наследовании. В договорах о разделе имущества наряду с мужчинами появились и женщины, имели место даже разделы, в которых фигурировали одни женщины. Женщины могли теперь выступать в суде как свидетельницы. Как с истицами или ответчицами мы с ними уже встречались. При заключении договоров они ставили на глиняную табличку оттиски своих ногтей рядом с такими же оттисками своих мужских контрагентов.

Для правового положения эламской женщины характерен следующий случай. После смерти своего отца его замужняя дочь наследовала как единственное его дитя все его имущество. Муж ее опротестовал это завещание, так как наследство не входило в приданое жены, а это означало, что он не имел права распоряжаться им. Жена, однако, пошла ему навстречу. Она заверила документально и с клятвой: «Ты мой муж, ты мой сын, ты мой наследник, и наша дочь будет любить тебя и лелеять!» Этими заверениями супруг удовлетворился. Он благоразумно отказался от своего иска. Заявление его жены, сделанное под присягой, давало ему право распоряжаться этим имуществом. Суд же вряд ли бы признал за ним это право.

В этой же связи можно упомянуть еще табличку, в которой говорится, что отец подарил своей дочери пашню. Последняя завещала земельный участок своей дочери, а та, в свою очередь, своей, которая его затем про-

дала. Выходит, что в вопросах личной собственности существовало право наследования по женской линии. Здесь можно провести параллель с наследственными правами на престол в эламских правящих династиях.

Однако и эламский мужчина проявлял, как позволяют судить таблички, весьма заботливое отношение к женщине — он нередко отдавал в вопросах наследства предпочтение своим родственницам, а не мужским наследникам.

В подобной табличке умирающий отец поровну поделил свое имущество между двумя своими детьми, однако он на первое место ставит дочь, а сына — на второе. В другом документе муж дарит своей жене сад и добавляет при этом недвусмысленно, что сад будет принадлежать ей даже в том случае, если он когда-либо с ней разведется. Так же заботливо распорядился эламит, завещавший на смертном одре своей жене в пожизненное пользование свое имущество. После ее смерти в право наследства могли вступить лишь те из сыновей, которые проявляли к ней при жизни уважение и любовь.

О предпочтении, которое отец иногда оказывал дочери, свидетельствует другое завещание, по которому умирающий оставляет все свое имущество именно этой дочери, хотя у него были две жены (значит, существовала полигамия) и несколько сыновей. «Пока я буду жить, она (дочь) должна будет обо мне заботиться, а если я умру, пусть она совершит все полагающиеся мертвому жертвоприношения». Кто из родственников воспротивится этому последнему распоряжению, того пусть уничтожит бог рек Шази, пусть лишится руки и языка, заплатит 4 фунта серебра и потеряет право на китен бога Иншушинака. Среди 16 свидетелей, подписавших завещание, 4 женщины.

Особенно примечателен последний приводимый здесь документ периода верховного правителя Аттамерхалки (царствовавшего, видимо, с 1580 до 1570 г.). В нем муж завещает все свое имущество своей жене. Он приводит для этого следующий довод: «Потому, что она окружала его заботой и работала на него». Он также отмечает, что сыновья могут вступить в будущем в права наследования имуществом лишь при условии, что

они останутся жить с матерью и проявят заботу о ней.

Все эти документы, хотя и изложенные сухим, юридическим языком, красноречиво свидетельствуют о высоком социальном и экономическом положении эламской женщины. В эту необычную картину вполне вписывается тот факт, что однажды эламская женщина стала правительницей Сузианы. Это была прославленная сестра Шилхахи, родоначальница верховных правителей.

СРЕДНЕЭЛАМСКИЙ ПЕРИОД (приблизительно с 1300 до 1100 г. до н. э.)

Последнее событие «касситской ночи», спустившейся над Эламом, и заодно наступление наибольшего спада в стране было связано с завоеванием Суз Куригальзой II, царствовавшим в Вавилоне с 1345 по 1324 г. Вавилонская хроника сообщает, что тогдашний «царь Элама» по имени Хурпатила (о котором нам более ничего не известно) вызвал царя касситов на бой, однако был побежден. Куригальзу II подчинил себе после молниеносного военного похода всю Сузиану. Свою победу кассит отпраздновал в эламской столице, где он посвятил храму-крепости свое изображение со следующей надписью: «Куригальзу, царь народов, покровитель Суз и Элама, разрушитель Варахсе».

Наступление началось таким образом, как и неоднократно в прошлом, из Вавилона, а затем войска Куригальзу через северо-западную горную страну у Кабир-Куха вышли в долину Сузианы, и, как и испокон веку, первый удар был обрушен на союзника Элама — Варахсе. Около 1330 г. Куригальзу II с богатой добычей вернулся в Двуречье.

Однако вскоре после этих событий положение изменилось. В Эламе стала править новая династия. Ее основателем позднейшие документы считают некоего Игехалки. Вероятно, как и в начале царствования Эпартидов, династия Игехалкидов утвердилась лишь при (очевидно, старшем) сыне — основателе династии. Это был Пахиришшан I, царствовавший, по-видимому, с 1330 по 1310 г.

Единственным источником, проливающим свет на личность царя Пахиришшана, является надпись на стене, которую царь Шутрук-Наххунте велел торжественно

поставить через 150 лет в Сузы и здесь же надписать. К сожалению, надпись сильно повреждена и, кроме того, малопонятна. Она называет Пахиришшана, если это место мною правильно истолковано, правителем, «который восстановил свободу Элама». Пахиришшан, как и прежде верховные правители Сивепалархухпак и Палаишшан, завоевал (для нас еще не установленную) добычу. Пахиришшан запрятал эту добычу в Аяхитеке, т. е. там, где Шутрук-Наххунте нашел стелу. Судя по этому, Аяхитек был, по-видимому, родовым именем новой династии Игехалкидов. Я предполагаю, что оно примыкало к граничащей на востоке Сузианы горной стране Аншан, точнее, было расположено в районе Исфагана.

Наследником Пахиришшана стал в соответствии с законом наследования его младший брат Аттаркиттах, правивший примерно с 1310 до 1300 г. И ему досталась богатая добыча, однако, как утверждает надпись, он хранил ее уже не в Аяхитеке, а в Сузах, в храме бога Иншушинака. И действительно, французские археологи нашли в этом храме два боевых топора, пожертвованные Аттаркиттахом. На одном из них он называет себя «царем Аншана и Суз». Со времен Эпарти и Шилхахи, т. е. лишь через полтысячелетие после них, впервые снова появляется этот первоначальный эламский царский титул. С этого времени он фигурирует в актах почти всех правителей Среднеэламского периода Элама.

За Аттаркиттахом следовал (примерно около 1300 г. до н. э.) его сын Хумпануммена. Он слыл среди потомков великим представителем династии Игехалкидов, ведь недаром его прародителем был прославленный Шилхаха. Примечательно, что единственный эламский памятник, сохранившийся о Хумпануммене, происходит не из Суз, а из Лияна, т. е. из сегодняшнего Бушира у Персидского залива. Значит, центр власти Игехалкидов находился уже не на севере Сузианы, как при прежних династиях, а на востоке и юго-востоке.

В Лияне Хумпануммена воздвиг храм «великой богине». В своей надписи он обращается как к богу Хумпану и богине Киририше, так и к «благодетельным богам Лияна». Затем царь продолжает: «Я, Хумпануммена, сын Аттаркиттаха, раздвинувший границы царства, властелин Элама, обладатель трона Элама, правитель Элама, царь Аншана и Суз». Следующее предложение

заставляет насторожиться: «Ради матери моей любил меня бог Хумпан, ради нее он услышал меня». Что это, снова параллель тому, что можно было наблюдать у уранних Эпартидов? Тогда «матери почитаемой», т. е. прославленной сестре Шилхахи, в нашем случае соответствовала бы сестра царей Пахиришшана I и Аттаркиттаха. Во всяком случае, Хумпануммена утверждал, что его мать была в особенной милости у бога Хумпана.

«Я был награжден благополучной жизнью,— продолжаем мы читать.— Бог Иншушинак даровал мне царскую власть». Затем автор надписи переходит на возведение им храма в Лияне; здесь он также упоминает имена двух женщин. Первая, Мишимрух, была, возможно, его «матерью почитаемой», вторая, очевидно, его супругой. «Во имя моей собственной жизни,— пишет Хумпануммена,— во имя жизни Мишимрух и во имя жизни Ришап-Ла я велел на месте старого, обрушившегося, храма воздвигнуть из кирпича новый и посвятить его богу Хумпану, богине Киририше и благодетельным богам». Хумпануммена связывает с этим поступком надежду: «Пусть Хумпан, Киририша и благодетельные боги даруют мне долгую жизнь! Я просил их о даровании мне царской власти — пусть они даруют мне доброе здравие для осуществления этой миссии!»

По-видимому, Хумпануммена за время своего продолжительного и безмятежного царствования заложил основу благополучия, связанного с мирным развитием Элама. Ничто не свидетельствует о боях с касситами в Вавилонии. Страна процветала, в сокровищницы царя текли богатства. Они позволили его сыну и наследнику Унташ-Напирише развернуть в стране беспрецедентное по своему размаху строительство.

Унташ-Напириша наследовал трон своего отца Хумпануммены примерно в 1275 г. Его имя означает: «Мне (*ун*) помогал (*таш*) великий бог (*Напи-риша*)». Подразумевается бог Хумпан. Поэтому имя царя раньше чаще всего читали как Унташ-Хумпан. Однако имя бога Хумпана было, очевидно уже в начале II тысячелетия, табуировано и фигурирует с тех пор в эламских надписях, как правило, в шумерском словесном знаке *дин-гир.гал* (по-эламски — напи-риша) со значением «вели-

кий бог». В связи с этим подвергли даже сомнению, подразумевается ли вообще под «великим богом» Хумпан, но, наверно, несправедливо. В дальнейшем табу было снова ослаблено, и, таким образом, в VII в. встречается не только полное написание имени Хумпан-Унташа («бог Хумпан помог мне»), но из того периода до нас дошли несколько личных имен, в которых Хумпан чередуется с *дингир.гал* (по-эламски — напириша). Хумпан был, вне всякого сомнения, «великим богом» эламитов.

Скрытое написание имени Унташ-Напириши позволяет говорить о благоговении эламитов именно перед Хумпаном как своим высшим божеством. Недаром китен Хумпана, как мы имели возможность убедиться, считался особым божественным началом царей. Кроме того, сам Унташ-Напириша, несомненно, был глубоко религиозен. Не случайно ему приписывается создание самого великолепного сооружения сакрального искусства Элама — шеоднократно уже упомянутая (особенно в гл. III) ступенчатая башня в сегодняшнем Чога-Замбиле.

Унташ-Напириша был, по всей вероятности, современником ассирийского царя Салманасара I (1274—1245). При нем Элам Игехалкидов достиг настоящего расцвета. Его правление производит впечатление большой силы в сочетании с доброжелательной разумностью. Правда, сто лет спустя Шилхак-Иншушинак олицетворяет самый прославленный, по-видимому, период в истории Элама, но, спрашивается, не превосходил ли его Унташ-Напириша как государственный деятель? Вне всякого сомнения, при Унташ-Напирише эламитами жилось лучше, чем в любую другую эпоху, ибо он в течение всего своего долгого царствования использовал свою власть преимущественно для строительства сооружений внутригосударственного и религиозного характера. По вопросам внешней политики он, похоже, лишь один-единственный раз прибег к решительным мерам.

За период его царствования во враждебной соседней Месопотамии сменились четыре касситских царя. Унташ-Напириша хладнокровно наблюдал за быстро наступающим упадком Вавилонии. И, когда ему показалось, что настал подходящий час, он предпринял внезапное вторжение.

Об этом свидетельствует найденный в Сузах обломок статуи вавилонского бога сил природы — Иммерии.

Унташ-Напириша привез ее как трофей и сделал на ней аккадскую надпись. В начале третьей строки имеется пробел для одного знака; затем следует: [...] (-li-ia-aš; ли-я-аш). С давних пор вместо пробела предполагали вставить [Kasti]liaš; [Кашти] [лиаш]. А это означало бы, что статуя принадлежала касситскому царю Каштилиашу IV (1242—1234). Однако Эрика Райнер предложила гораздо более убедительное чтение: [Tur]liaš; [Тур]лиаш. Оно точно вписывается в пробел (tur; тур воспроизводится одним знаком). Турлиаш — касситское название Эшнунны (севернее сегодняшнего Багдада). Если, что вполне вероятно, Унташ-Напириша добыл статую именно здесь, то он прошел через дружественный ему Варахсе и в районе Дера проник в Двуречье, затем предал огню территорию Эшнунны, чьим богом-покровителем и был воплощенный в статуе Иммерия. Хотя мы вынуждены определить прежнее чтение [Кашти]лиаш как неправильное, все же не исключено, что Унташ-Напириша выступил в поход именно против этого касситского царя, ибо в период царствования Каштилиаша IV Вавилония переживала наибольший упадок.

При Унташ-Напирише Элам полностью освободился от вавилонского господства, что, однако, не помешало проникновению в Элам культуры Двуречья. Об этом свидетельствует не только упомянутая надпись на статуе и целый ряд других аккадских надписей, сделанных Унташ-Напиришей, но и то, что среди тогдашних эламских богов было несколько вавилонских божеств, занимавших наряду с первыми равноправное место в пантеоне. Этим чужеземным богам царь посвящал в равной мере храмы и святилища, как и истинным эламским божествам.

При Унташ-Напирише нашло свое высшее выражение и эламское искусство, особенно это касается архитектуры и ваяния, однако на этом мы остановимся более подробно в гл. VIII. Здесь же мы упомянем только те сооружения Унташ-Напириши, которые дадут нам представление о нем как о личности.

Колоссальное строение ступенчатой башни в Чога-Замбиле было расположено не только в обширном священном округе Сиянкуке, но и во вновь заложенном Унташ-Напиришей городе. Он получил название Дур-Унташ (от аккадского *алу* — «город» или *дуру* — «кре-

пость»). Все было задумано и запроектировано с большим размахом. Пятиступенчатый зиккурат был обнесен внутренней стеной. Между нею и другой стеной были предусмотрены храмы для 22 божеств, однако было возведено лишь 13. Задуманный Унташ-Напиришей дар не был, таким образом, завершен при его жизни. Как это ни странно, но его потомки не стали продолжать работу над этим сооружением.

Царские дворцы и сам город были размещены на территории между вторым (средним) и третьим наружным валом. Наружная стена имела в длину свыше 4 тыс. м. Делая надписи на многочисленных строительных кирпичах на эламском (а иногда и на аккадском) языке, Унташ-Напириша хотел придать своему произведению магическую силу: «Кто осмелится обстрелять вал священного округа (?), пробьет в нем брешь, похитит надписанные кирпичи, сожжет бревенчатое сооружение и откроет приближающемуся врагу ворота, того пусть порази кара Хумпана, Иншушинака и Киририши! Да не сохранил он под солнцем потомков!»

Царь обобщает в нескольких предложениях самое существенное в постройке, а также посвящение его боже-ству: «После того как мне удалось доставить строительный материал, я построил здесь „Унташ-город“ и создал священный округ. Я их окружил внутренним и внешним валами. Я воздвиг такой высокий храм, какой не удалось воздвигнуть ни одному из прежних царей, и я посвятил его богам Хумпану и Иншушинаку, покровителям священного округа. Мое строение и творение воистину принесено им в дар! Да царят здесь милость и законность Хумпана и Иншушинака!»

Значительные трудности должно было доставить Унташ-Напирише снабжение нового города водой. Правда, р. Диз протекала всего на расстоянии 1,5 км от города, но ее речное русло было расположено приблизительно на 60 м ниже города. Колодцы могли снабжать, как пессимистически заявили французские археологи, лишь солоноватой водой, и то ее приходилось поднимать с 14-метровой глубины. На вопрос, как же царь разрешил эту проблему, Р. Гиршман нашел поразительный ответ. Унташ-Напириша соорудил более чем 50-километровый канал, по которому он направлял пресную воду из р. Керхе! Далеко на севере от Суз канал ответвлялся

от р. Керхе на расстояние примерно 25 км южнее до района сегодняшнего Хафт-тепе, после чего он сворачивал на восток, прямо к Чога-Замбилю. Вблизи Хафт-тепе сохранился значительный отрезок канала под ошибочным названием «Канал Дария». Он мог быть без особых затруднений использован для обводнений вновь заложённых полей под сахарный тростник. Ширина канала Унташ-Напириши равнялась у основания приблизительно 1,5 м, а сверху — около 7 м. Трудно представить, каких усилий стоило сооружение подобного канала для людей, живших в XIII в. до н. э. Канал, разумеется, служил не только для снабжения водой «Унташ-города», но одновременно и для обводнения больших угодий вдоль его пролегания.

Однако при подводе воды перед строителями канала возникла другая проблема, связанная с тем, что город все еще был расположен на несколько метров выше уровня воды в канале. Поэтому они создали большое (еще сегодня находящееся в отличном состоянии) водохранилище. Стыки в кирпичной кладке были тщательно загерметизированы асфальтом. Посредством девяти отверстий, проделанных у основания водоема, водонапорное сооружение соединялось с другим, меньшего размера водохранилищем внутри городской стены. Для его наполнения эламские мастера применяли закон сообщающихся сосудов.

Окончание работ над этим грандиозным сооружением было увековечено Унташ-Напиришей в одной вавилонской надписи, правильным толкованием которой мы обязаны Мэгги Рюттен: «Я, Унташ-Напириша, сын Хумпануммены, царь Суз и Аншана, во имя моей жизни и моего благополучия воспользовался правом царской власти и по велению сердца моего соорудил на многие дни и долгие годы канал „слава моего имени“ и действительно посвятил его богам Хумпану и Иншушинаку, покровителям священного округа».

Правда, «Унташ-город», по-видимому, всегда был только священным городом, в котором царь и его придворные жили лишь временно. Столицей же эламского царства, бесспорно, оставались Сузы. И здесь Унташ-Напириша проявил себя как щедрый зодчий. Он в Сузах, видимо, также воздвиг большой зиккурат — ступенчатую башню с верхним храмом. Этой святыне он

принес в дар свою статую из известняка. Эламская надпись на ней исходя из сегодняшнего уровня наших знаний частично не поддается расшифровке. Понятно лишь начало: «Боги Хумпан и Иншушинак любили меня». Затем следует предложение, в котором, по-видимому, речь идет о жителях Суз. «В верхнем храме,— читаем мы дальше,— куда они меня привели и сопровождали, я принял Вас и занял место наверху». Толкование может быть следующим: статуя царя была жителями Суз во время торжественной процессии доставлена в самое высшее храмовое помещение зиккурата, где и была установлена. Здесь во время богослужений царь принимал — иногда собственной персоной, но чаще эту функцию выполняла изображавшая его статуя — приходивших в храм или, как предполагали, постоянно присутствующих в нем главных божеств — Хумпана и Иншушинака.

К сожалению, Унташ-Напириша не привел в своих надписях никаких подробных сведений о членах своей семьи. Его супруга нам известна лишь по изображающей ее бронзовой статуе (фото 24). Прискорбно, что на статуе отсутствует голова. Царица стоит в величественно-спокойной позе, скрестив руки в молитве. Роскошно вышитое одеяние вплотную облегает плечи и грудь; узкая, подчеркивающая бедра юбка спускается до самой земли. Эламская надпись сообщает имя царицы: «Я, Напирасу, супруга Унташ-Напириши». Напирасу означает, возможно, «луноподобная». Непосредственно за именем царицы следует проклятие тому, кто осмелится похитить статую или переплавить ее, кто изменит надпись царицы или уничтожит имя ее. «Да падет на него кара Хумпана, Киририши и Иншушинака. Да не найдет-ся ему места под солнцем и да не сохранится у него потомства! Я молилась, пусть все это ниспошлет над ними моя госпожа, великое божество!» Кто подразумевается под госпожей, мы не знаем, возможно Пиненкир или Нарунди. В заключение в надписи перечисляются ежедневные жертвоприношения Напирасу.

Статуя царицы была найдена в Сузах. Однако следы ее земной жизни сохранились и в «Унташ-городе» (Чога-Замбиле). Здесь, между средним и наружным валом, были высвобождены остатки дворцов. На рис. 31 П. Ау-берсоном воспроизведены их чертежи. Дворец слева, на-

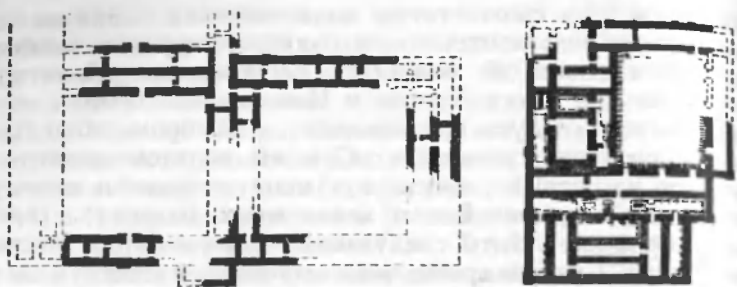


Рис. 31

считывающий 116 м в длину и 58 м в ширину, являлся, по прозорливому предположению Р. Гишмана, гаремом Унташ-Напириши. Мы можем, таким образом, представить себе хозяйкой этого обширного строения царицу Напирасу. Строение справа было, по-видимому, дворцом, где жил царь. В одной из комнат во время раскопок было обнаружено несколько прекрасных произведений искусства из слоновой кости. Под комнатами на западной стороне двора тщательно скрытые лестничные марши вели на глубине 6 м в подземные склепы. В одном из них на кирпичном ложе был обнаружен скелет, а также останки двух сожженных трупов. В соседнем помещении на полу были найдены кучки пепла, сгруппированные по две, четыре и пять кучек. Это пока единственные свидетельства о сожжении трупов в Эламе. Можно предположить, что в этих подземных помещениях были захоронены бранные останки царя Унташ-Напириши, царицы Напирасу и других членов семьи. По-видимому, такой способ захоронений оставался исключительным правом царского дома.

Около 1240 г. Унташ-Напирише, у которого не было сына, наследовал его племянник Унпатар-Напириша. Отец последнего Пахиришшан II — брат Унташ-Напириши был, вероятно, управителем. Об Унпатар-Напирише до нас ничего не дошло, кроме его имени. Он правил недолго. Очевидно, уже около 1235 г. трон наследовал его младший брат Китен-Хутран. Его полное имя было

Китен-Хутран-у-таш, что означает «Магические чары бога Хутрана помогли мне».

Китен-Хутран, вероятно, принадлежал к тем правителям, которые больше любили бряцать оружием, чем возводить религиозные строения и делать посвященные надписи. Другими словами, Китен-Хутран тоже не оставил после себя никаких письменных свидетельств. Лишь в двух позднейших царских списках он значится царем Элама. С его воинскими «подвигами» нас знакомят два источника из Двуречья. Здесь он, по-видимому, оставил по себе недобрую память.

К своему несчастью, агрессивный Китен-Хутран натолкнулся на достойного противника, а именно на ассирийского царя Тукульти-Нинурту I. Этот сын Салманасара I царствовал в течение 37 лет (1242—1206) и сумел распространить свое влияние также на юг, на Вавилонию. Здесь на поле сражения Китен-Хутран и встретился с ним дважды.

В основном эламит претендовал на владение эламо-вавилонскими пограничными областями Дер и Улайаш, т. е. областями сегодняшней Бадры и Мандалы в Ираке. После смерти кассита Каштилиаша IV (1231) ассириец возвел на трон в Вавилонии послушного ему во всем наследника — кассита Элтильнадиншуми. Около 1226 г. до н. э. Китен-Хутран, воспользовавшись обстановкой, внезапно двинул свое войско на Месопотамию. Эламское войско переправилось через Тигр и захватило Ниппур в средней Вавилонии; население было почти полностью истреблено. Затем Китен-Хутран двинулся на север, снова переправился через Тигр и опустошил Дер. Жители были угнаны в плен, а знаменитый в том месте храм разрушен. Касситский царь Вавилонии вынужден был бежать.

Однако Тукульти-Нинурта I вскоре снова подчинил Вавилонию господству Ассирии. Сначала он назначил правителем Вавилона кассита Кадашман-Харбе (1226). Через полтора года он заменил его Ададшумиддином. В течение пятилетнего правления этого кассита (1224—1219) Китен-Хутран не предпринимал военных походов. Лишь когда царем Вавилонии стал Ададшумнасир (1218—1189), он отважился на новое выступление. Он снова переправился через Тигр, захватил Исин и двинулся оттуда по направлению к северу до самого

Марада (западнее Нипшур). Ему удалось беспрепятственно с добычей вернуться в Элам.

Однако ответный удар ассирийского царя не заставил себя долго ждать. Тукульти-Нинурта во главе своего войска победоносно продвинулся до «Нижнего моря», т. е. до Персидского залива, и захватил его эламское побережье, угрожая Сузиане с юга. Что произошло в Эламе вслед за этим, нам неизвестно. Установлено только, что Китен-Хутран внезапно исчез с исторической арены, а вместе с ним — династия Игехалкидов. Возможно, что в Эламе начались внутренние неурядицы. Во всяком случае, вскоре после этого в Эламе стала господствовать новая династия.

Основателя новой династии звали Халлутуш-Иншушинаком, что, видимо, означает «К этой стране бог Иншушинак относился по-дружески». Происхождение его остается для нас тайной; мы также не знаем, был ли он в родстве с Игехалкидами. По всей вероятности, новая династия была связана тесными узами родства с юго-восточным Аншаном, районом сегодняшнего Фахлиана и восточнее — до Персеполя (современный Шираз). О деяниях Халлутуш-Иншушинака нам ничего не известно. Дата его правления определена нами примерно между 1205 и 1185 г.

Лишь его сын Шутрук-Наххунте («Ведомый богом Солнца по праведному пути») оставил след в истории. Его именем мы назвали династию Шутрукидами. Шутрук-Наххунте — он царствовал примерно с 1185 по 1155 г. — принадлежит наряду с Унташ-Напиришей и со своим сыном — Шилхак-Иншушинаком к трем величайшим правителям Элама.

Исследователь истории испытывает благодарность к Шутрук-Наххунте за то, что он в отличие от Китен-Хутрана оставил нам целый ряд надписей. Кроме того, не подлежит сомнению, что многие другие надписи Шутрук-Наххунте еще хранятся в эламской земле, и прежде всего в Дех-е ноу — древнем Хупшене (фото 3). Один из этих документов найден в Лиане, что свидетельствует о том, что Шутрук-Наххунте распространил свою власть на весь Элам. Только этим можно объяснить его успешные военные действия против Двуречья. В упо-

мянутом документе сообщается, что построенный Хумпанумменой в Лияне храм, посвященный богине Киририше, снова пришел в запустение. Шутрук-Наххунте позаботился о том, чтобы его восстановили.

Другая надпись Шутрук-Наххунте была уже упомянута нами выше, а именно на добытой им в Аяхитеке (Исфагане?) стеле. Вследствие ее повреждения и весьма сложной эламской лексики многое в ней, к сожалению, еще не удалось расшифровать, хотя именно эта надпись могла бы представить для нас особый интерес.

Царь прежде всего сообщает в ней, что он приказал перевести из Аяхитека стелу в Сузы. Затем он продолжает: «Я, Шутрук-Наххунте, сын Халлутуш-Иншушинака, царь Аншана и Суз, умноживший богатства моего царства. Из прежних царей ни один не знал местонахождение (стелы) своих лесных воинов». Действительно, подобных «лесных воинов» мы встречаем также на бронзовом рельефе из Суз более позднего периода (фото 26). «Я, Шутрук-Наххунте, воззвал к своему богу Иншушинаку, так как он покровительствует мне; он внял моей мольбе и указал моим лесным воинам их пристанище».

Далее царь сообщает (по моему толкованию надписи), что позвал к себе в Тахирмане человека из Шалы — знатока местности и направился затем с войском в Тейду, которую бог Иншушинак для него завоевал. Затем бог двинулся в Хашмар и завоевал Шахнам. Хотя и существует гора (и вершина) по названию Хашмар, где р. Дияла, минуя Джебель-Хамрин, пробивается в иракскую долину, однако это не может быть наш Хашмар. Ни один из прежних царей, повторяет Шутрук-Наххунте, не знал место происхождения стелы. Ни один человек, будь то из Шалы, Мимураша или Луплуна (все места нам неизвестные), не мог указать ему дорогу. Когда он решил расспросить своего отца об этой местности, тот ничего ему не смог сообщить.

Это последнее высказывание царя, если я правильно толкую текст, звучит в высшей степени странно, так как отца Шутрук-Наххунте Халлутуш-Иншушинака совершенно определенно уже не было в то время в живых. Однако не исключено, что и в древнем Эламе был известен «опрос мертвых».

Надпись далее гласит: «Я был принят своим богом Иншушинаком и после того, как он указал через меня моим лесным воинам местонахождение (стелы), я взял ее на свое попечение и включил завоеванную землю в свое царство». То, что жители этой земли когда-то похитили, он, Шутрук-Наххунте, снова вернул.

Новый отрывок гласит: «О Иншушинак, мой бог! Так как ты мне покровительствовал, я, Шутрук-Наххунте, вооруженный рогами, взял эту землю под свою защиту». Похоже, что царь взял из завоеванной области воду, землю и огонь, чтобы привести эти символы завоевания в Сузы. Конец надписи разрушен и особенно труден для расшифровки. Однако все же можно разобрать, что среди трофеев, захваченных эламскими воинами, числилось 30 грузов меди и „2455 грузов зерна (?) для хранилищ военного лагеря“. Я послал в Хухнури — страну стелы — в общей сложности 3415 лесных воинов» — этим предложением заканчивается надпись. Если под Хухнури, на самом деле, подразумевается область сегодняшнего Изеха (Маламир), Шутрук-Наххунте вполне мог отсюда пересечь Карун и отважиться на то, чтобы атаковать плоскогорье в районе сегодняшнего Исфагана. Возможно, что именно здесь, как уже было упомянуто, и следует искать Аяхитек.

Надпись Шутрук-Наххунте позволяет прийти к выводу о характерном для этого эламского царя «лейт-мотиве», с которым мы встречаемся все снова и снова в его памятниках: у него была истинная страсть к коллекционированию памятников... Историком эта его страсть очень кстати, потому что царь, как правило, надписывал стелы и тем самым сделал их источниками интересных сообщений. Вряд ли другой эламский правитель переправил в Сузы такое множество памятников в дар храму Иншушинака, как это сделал Шутрук-Наххунте.

Однажды он откопал подобную стелу где-то в восточной горной стране Аншан. «Царя, установившего ее, я не знаю», — замечает в своей надписи на ней Шутрук-Наххунте. «Так как бог Иншушинак мне покровительствовал, я себе ее присвоил и переправил в Сузы через Куткин и Нахутирму. Так как я люблю „Унташ-город“ (Чога-Замбиль) на Хитхите (-Диз), я оставил памятник там в течение пяти месяцев (?), в то время как сам я продолжил свое путешествие». Эламскую над-

пись можно охарактеризовать здесь как угодно, но только не как понятную, и поэтому я не могу ручаться за правильность моего перевода. Возможно, стела после истечения этого срока была переправлена в Тикни, вероятно на лодке, которая была послана вверх по прорытому Унташ-Напиришей каналу. По словам Шутрук-Наххунте, он и Тикни любил, а из этого следовало, что стелу могли здесь снова оставить на некоторое время, чтобы принести этому месту благословение. Тикни, по убедительному предположению Р. Гиршмана, это сегодняшней Хафт-тепе, на эламском строительном грунте которого в настоящее время возводятся служебные помещения для плантации сахарного тростника. В конце концов стела прибыла в Сузы. «Во имя блага своего я поставил памятник перед моим богом Иншушинаком, и в его честь я написал на нем его имя».

Во время одного из своих посещений Дур-Унташа царю в священном округе (Сиянкуке) бросилась в глаза стела, также принесенная в дар Унташ-Напиришей. Она заставила его призадуматься. В результате этих размышлений стела также отправилась в путь в Сузы... Обоснование собирателя стел было обезоруживающим: «Этот памятник был поставлен Унташ-Напиришей в священном округе. По велению бога Иншушинака, я, Шутрук-Наххунте, присвоил себе стелу и поставил ее в Сузах перед моим богом Иншушинаком». Интересно узнать, как это веление дошло до ушей царя.

Священный двор при храме Иншушинака в Сузах, в котором было размещено множество стел и статуй, превратился в каменный лес, когда Шутрук-Наххунте добавил к этой коллекции также добычу, завоеванную им в предпринятом в 1160 г. до н. э. военном походе против Вавилонии.

Государство касситов было к тому времени уже настолько ослаблено, что ассирийский царь Ашшурдан I (1179—1133) мог безнаказанно присоединить к своему царству несколько вавилонских городов пограничной области у Нижнего Заба. Это послужило для эламитов сигналом для собственных завоеваний.

Совместно со своим старшим сыном Кутир-Наххунте Шутрук-Наххунте выступил в 1160 г. в поход из Суз,

переправился через Керхе и напал, очевидно, из Дера на Двуречье. Позднейшие вавилонские записи зафиксировали полные ужасов воспоминания об эламитах, спустившихся «на боевых колесницах, запряженных конями, с гор». Вавилонские правители были умерщвлены; «враждебный эламит подверг ограблению все храмы, присвоил себе их имущество, увез все в Элам». От военных сообщений самого Шутрук-Наххунте, к сожалению, до нас дошло очень немного, однако по отдельным сохранившимся фрагментам можно заключить, что эламскими войсками были захвачены несколько сот вавилонских поселений. В самом Вавилоне эламский царь прогнал с трона предпоследнего касситского царя (Забабашум-иддина) и провозгласил своего собственного сына Кутир-Наххунте правителем Вавилонии.

Из столицы — Вавилона — Шутрук-Наххунте победоносно продолжал свое наступление. «Бог Иншушинак покровительствовал мне. Я разбил Аккад, я присвоил статую Маништусу и переправил ее в Элам». Об этом сообщает надпись Шутрук-Наххунте на статуе. Переправив ее в Сузы, он решил таким образом отомстить более чем через тысячелетие одному из исконных врагов своей страны — младшему сыну великого Саргона Аккадского.

Из Аккада он двинулся в соседний Сиппар: «Бог Иншушинак покровительствовал мне, и я победил Сиппар, я захватил стелу, изображающую Нарам-Сина, присвоил ее и переправил ее в Элам, а затем установил ее перед моим богом Иншушинаком». На этот раз возмездие Шутрук-Наххунте было нацелено на внука великого Саргона, на того Нарам-Сина, с которым мы уже встречались как с верховным правителем Элама во времена царя Хита из Авана около 2250 г. Знаменитая стела Нарам-Сина была посвящена его победе над горными племенами, обитавшими в Загросе. Теперь же она переправлялась в коллекцию стел Шутрук-Наххунте в Сузы.

Шутрук-Наххунте обложил побежденных огромной данью. Города Вавилонии — надпись на обломке упоминает Дур-Куригальзу, Упи, Дур-Шаррукии, Сиппар — должны были наряду с прочей данью раздобыть 120 талантов (около 3600 кг) золота и 480 талантов (14 400 кг) серебра — для тогдашних условий чудовищ-

ные суммы. В Сиппаре эламиты попали в руки и обелиск со знаменитым кодексом Хаммурапи. Сам того не желая и не подозревая, Шутрук-Наххунте тем, что увез этот памятник, оказал науке о древнем мире неоценимую услугу, ибо Законы Хаммурапи пережили века в неувредимости в Сузах, как завоевание ассирийцев в 646 г. до н. э., так и все дальнейшие исторические штормы, пронесшиеся над Сузианой. Правда, Шутрук-Наххунте приказал 7 из 51 столбца аккадского кодекса стереть, однако сам он не нанес затем никакой надписи на обелиск. Стела является ныне одним из самых замечательных экспонатов Лувра.

После того как Шутрук-Наххунте — очевидно, все в том же, 1160 г. — вернулся домой, в Сузы, чтобы вволю наслаждаться своими стелами в храме Иншушинака, его наследник Кутир-Наххунте ввел в Вавилонии жестокий эламский режим власти. Так как положение не было еще устойчивым, он предусмотрительно посадил на трон в Вавилоне кассита — Эллилиадианахи, который должен был в качестве вассала Элама позаботиться о соблюдении порядка. Как развивались события в Месопотамии в дальнейшем, мы узнаем лишь из записей вавилонского царя, выдающегося Навуходоносора I, правившего некоторое время спустя.

Навуходоносор сообщает, что Шутрук-Наххунте передал господство над Вавилонией «своему сыну-первенцу Кутир-Наххунте». «Однако преступления его шамного превосходили злодеяния его предков. Он был враждебно настроен к стране Аккад и посадил (в Вавилоне) на трон одного из моих предшественников — Эллилиадианахи». Этот последний касситский царь, однако, вскоре восстал против своего эламского повелителя. В течение трех лет Кутир-Наххунте вынужден был вести борьбу против мятежных вавилонян. Затем в 1157 г. ему удалось одержать решающую победу. Последний кассит вынужден был, как и 850 лет назад последний царь III династии Ура, отправиться в эламскую ссылку.

Подробности мы узнаем лишь от Навуходоносора. «Кутир-Наххунте разгневался (на касситов) и, подобно всемирному потопу, смел все население из Аккада. Вавилон и другие прославленные очаги культа он превра-

тил в груды развалин. Великого бога Мардука (главное вавилонское божество) он вынудил сойти с трона своего величия. Народ Шумера и Аккада он угнал в плен в Элам. Эллильнадинаххи он также уволок, уничтожил его царство, покончил с его господством. Он назначил наместника, но не вавилонского происхождения, а врага Мардука».

Хотя в 1157 г. и наступил конец касситскому господству, однако Элам невзирая на это не смог удержать неограниченную власть над Вавилонией. Скорбь и ожесточение населения по поводу эламских зверств, в особенности из-за насильственного увоза статуи Мардука из Вавилона, послужили благоприятной почвой для возникновения сопротивления, воспользовавшись которым вавилонянин Мардуккабитаххишу мог основать новую династию в Исине. За время его 18-летнего правления (1156—1138) он, правда, без конца подвергался внезапным набегам и нападениям со стороны эламитов, однако Эламу все же не удалось свергнуть II династию Исина.

Царь Шутрук-Наххунте через несколько лет после падения касситского господства, по-видимому, умер около 1155 г. Так как, очевидно, у него не было в живых ни одного брата, трон наследовал, согласно эламским традициям, его старший сын.

Еще будучи правителем Суз, Кутир-Наххунте приступил в столице царства к перестройке храма Иншушинака. В надписи того времени, в которой он величал себя лишь «любимым слугой» бога без упоминания какого-либо светского титула, он сообщает, что стены святыни были разрушены. Поэтому он распорядился полностью их снести и заменить кирпичными стенами. Эти новые стены Кутир-Наххунте велел украсить самобытными рельефами. Однако перестройка так и не была завершена при его жизни.

Кутир-Наххунте умер, вероятно, около 1150 г. О его смерти позднейшие вавилонские записи сообщают нечто ужасное: собственный его сын Хутелутуш-Иншушинак будто бы заколол своего отца железным кинжалом. Но это предание кажется маловероятным, ибо так называемого отцеубийцу дядя (брат умершего) в течение

всего длительного периода своего царствования держал возле себя в качестве правителя Суз. Именно этот дядя, царь Шилхак-Иншушинак, женился после смерти Кутир-Наххунте на его вдове — Наххунте-Уту, т. е. на матери так называемого отцеубийцы¹. Когда впоследствии Хутелутуш-Иншушинак сам наследовал трон, он с гордостью называл себя сыном Кутир-Наххунте и Шилхак-Иншушинака... Можно, конечно, принять высказывания в надписях за верх ханжеского бесстыдства, однако все же более вероятно, что Кутир-Наххунте умер естественной смертью, после чего ближайшие родственники, как было принято у эламитов, еще больше сблизились.

Шилхак-Иншушинак был последним великим царем Элама. Его имя означает «Тот, кому бог Иншушинак придал силу». Он наследовал около 1150 г. до н. э. трон у своего старшего брата Кутир-Наххунте, как того требовал закон престолонаследия в эламской царской династии. В соответствии с теми же древними традиционными законами единственный сын Кутир-Наххунте Хутелутуш-Иншушинак стал правителем Суз.

Из всех эламских царей Шилхак-Иншушинак оставил нам наибольшее количество надписей: около 30, и среди них весьма обширные. Хотя мы многого, даже очень многого, в этих памятниках еще не понимаем, все же в связи с обилием материала кое о чем можно догадаться из контекста.

Шилхак-Иншушинак продолжил вавилонскую политику своих предшественников и, осуществляя многочисленные набеги на Двуречье, причинил немало беспокойства первым трем царям II династии Исина. Однако, проводя эту политику войны, он явно подорвал силы Элама. Ибо, когда в лице Навуходоносора I в Вавилонии появился сильный правитель, положение изменилось и Элам быстро пришел в упадок. Правда произошло это уже после смерти Шилхак-Иншушинака.

Последний великий царь Элама, правивший около

¹ Вероятно, Кутир-Наххунте II пал жертвой заговора, к которому Хутелутуш-Иншушинак вовсе не был причастен. Скорее это была рука Шилхак-Иншушинака, который, видимо, навел подозрение на своего племянника и стал царем. Чтобы укрепить свою власть, он женился на вдове убитого брата (*прим. ред.*).

30 лет, и, очевидно, еще доживший до начала правления Навуходоносора в Вавилонии (с 1124 г.), нас больше привлекает как благочестивый отец семейства, чем победоносный полководец. Надписи Шилхак-Иншушинака свидетельствуют об его совершенно особенном почитании своего рода, своих предков и вообще предшествующих царей. Строительная деятельность последних в священном округе в Сузах вызывала с его стороны самые теплые симпатии. Похоже, что ему доставляло истинное удовольствие полностью обновить святилище Иншушинака и сохранить тем самым для потомства еще не полностью разрушенные надписи своих предков.

Подобную заботу, кстати, уже проявил его отец Шутрук-Наххунте, когда он намеревался восстановить в Сузах храм Манзат (супруги Симута) и натолкнулся при этом на кирпичи с надписями предшествующих царей. «Эти кирпичи я взял под свою защиту, — сообщает Шутрук-Наххунте, — и сохранил имена и титулы (тех правителей), а написанное ими оставил при храме. Затем я велел вписать и свое имя и здесь же замуровать».

Историко-архивным наклонностям его сына Шилхак-Иншушинака мы обязаны, кстати, и царскими списками Среднеэламского периода. Они состоят из многочисленных кирпичей, надписанных именами прежних царей-строителей, к которым Шилхак-Иншушинак распорядился присоединить кирпич со своим именем и снова вдевать в храм Иншушинака. Подобные кирпичи сохранились от 14 правителей начиная с Хутрантемпти — предполагаемого победителя над шумерской III династией Ура (2006), Эпарти и целого ряда других верховных правителей и кончая Хумпанумменой из династии Иге-халкидов. Кроме того, до нас дошел составленный самим Шилхак-Иншушинаком царский список на одной из его больших стел.

Этот список мы расцениваем как плод собственных исследований Шилхак-Иншушинака. Царствующий архивариус и историк, очевидно, ощутил потребность в том, чтобы вписать свое собственное бытие и свои творения в историю Элама в наиболее выгодном для себя свете. Его список включает 16 царей, принимавших участие в строительстве храма Иншушинака до него. Он охватывает царей начиная с Идattu-Иншушинака — сына сестры Хутрантемпти — и кончая его собственным

старшим братом Кутир-Наххунте. «Эти прежние цари,— говорит Шилхак-Иншушинак,— творили здесь, в святыне Иншушинака. Их надписи не были мною ни уничтожены, ни изменены, а просто обновлены и замурованы в храме Иншушинака».

Подобное почитание своих предков и предшественников отражается и в проявлении исключительной заботливости по отношению к своим ближайшим родственникам. Ни вавилонянин, ни ассириец или перс никогда не мог бы сделать такие надписи, какие оставил нам этот эламит. Хотя найденный южнее Изеха — в Кале-йе Толле — рельеф (фото 12) вряд ли принадлежит Шилхак-Иншушинаку, однако изображение на нем является как бы иллюстрацией вышеизложенного: царь и царица почтительно приветствуют друг друга, в то время как два сына стоят от них слева, а две дочери — справа. На всем древнем Ближнем Востоке нельзя найти подобную «семейную идиллию».

Познакомимся поближе с некоторыми письменными свидетельствами этих эламских родственных чувств.

На некоторых из них Шилхак-Иншушинак перечисляет поименно всех членов своей семьи. Список его детей то более длинный, то более короткий, что одновременно позволяет установить хронологический порядок, так как самые длинные списки являются в то же время самыми поздними. В одной из этих надписей царь сообщает, что он велел восстановить храм Иншушинака из обожженного кирпича — и не только ради собственного блага, но и ради блага тех людей, которых он поименно перечисляет в этом списке.

Список возглавляет, как и можно было ожидать, царица Наххунте-Уту — вдова его брата Кутир-Наххунте, на которой он женился после смерти последнего, как того требовала традиция эламского царского дома. Шилхак-Иншушинак называет Наххунте-Уту, чье имя, возможно, означает «Лоно солнца», своей «любимой супругой». Возможно, что она была его (и Кутир-Наххунте) родной сестрой.

Затем следуют по возрасту царевичи и царевны. Их перечисление начинается с Хутелутуш-Иншушинака, несмотря на то что он был не сыном Шилхак-Иншушинака, а сыном его старшего брата Кутир-Наххунте. Но, поскольку Хутелутуш-Иншушинак был старшим сыном

царицы, он имел преимущественное право первенства в наследовании трона по сравнению с родными сыновьями Шилхак-Иншушинака.

В результате супружества Шилхак-Иншушинака с Наххунте-Уту родились восемь детей, сперва две дочери (Ишникарабдури и Урутук-Элхалаху), затем два сына. Первому из них — Шилханахамру-Лагамару как старшему принадлежало право наследования престола после его старшего сводного брата Хутелутуш-Иншушинака. И действительно, он впоследствии воспользовался им. О втором сыне — Кутир-Напирише нам ничего не известно.

Пятым ребенком была снова дочь — Уту-е-хиххи-Пиненкир («Ее лоно я посвятил Пиненкир»), шестым — сын Темптитуркаташ, седьмым — сын Лилайрташ и восьмым — дочь Пар-Ули. Из девяти царевичей и царевен, фигурирующих в надписи, лишь Пар-Ули была удостояна приписки. Отец, Шилхак-Иншушинак, называет ее ласково «моя любимая дочь, мое счастье». Но не только этими названиями любимица Пар-Ули вошла в историю Элама. В Британском музее в Лондоне хранится халцедон размером 4×3×2,8 см, на котором изображен царь, сидящий на троне и держащий в левой руке этот полудрагоценный камень, который он собирается подарить стоящей перед ним маленькой дочке. Пар-Ули протягивает умоляюще обе ручки к своему отцу. Одиннадцатистрочная эламская надпись гласит: «Я, Шилхак-Иншушинак, умноживший богатства страны, присвоил себе этот халцедон в Пуралзише. Я велел нанести на него свое изображение и затем подарил его своей любимой дочери Пар-Ули».

Трогательная любовь Шилхак-Иншушинака к своим родным коренилась в его подлинно эламском религиозном чувстве. Этот царь больше чем любой другой правитель проявил заботу по возведению и сохранению храмов. В одной надписи он не без удовлетворения сообщает, что восстановил в общей сложности 20 «храмов в рощах» — для Хумпана, Пиненкир, Лагамар, но главным образом для Иншушинака.

Шилхак-Иншушинак особенно почитал Иншушинака. Обращаясь к нему, он говорит с ним не только как царь, но и как человек, который надеется на защиту и утешение своего бога. Поэтому большинство надписей

Шилхак-Иншушинака посвящено именно этому боже-
ству, «милостивому господину, давшему мне свое имя».
Вместе со своей «любимой супругой» Наххунте-Уту он
обращается к Иншушинаку с многочисленными молитва-
ми, многократно повторяющимися в надписях, однако
все же не застывшими в выражения-штампы. «О Иншу-
шинак, господин моего верхнего города, будь милостив
ко мне! Мы, Шилхак-Иншушинак и Наххунте-Уту, при-
нося тебе неоднократно жертвы, взывали к тебе. Ты по-
стоянно откликался на наш зов, так что услышь нас и
теперь!» Или, обращаясь только от своего имени: «Ус-
лышь мою мольбу, исполни же мою просьбу!»

Между тем царь обращается не только к Иншуши-
наку. Более того, он уверен, что и другие божества на-
строены к нему столь же милостиво: «Нашему счастью—
моему и Наххунте-Уту — пусть способствуют боги Эла-
ма, боги Аншана, боги Суз! Пусть зло не коснется жи-
телей Суз!» В своих молитвах, увековеченных на камне,
царь надеется на победу над врагами. В обращениях он
употребляет — и это соответствует постоянству в харак-
тере эламитов — обороты, весьма схожие с теми, которые
уже полтысячелетие назад употреблялись верховным
правителем Сивепалархупаком: «Уничтожь вражеское
войско, бог Иншушинак! Растопчи ногами их имена, их
род! Сожги их, сдери с них шкуру, изжарь их заживо!
Пусть огонь сожжет наших врагов, пусть их союзники
будут повешены на столбах! Сожженных, с содранной
шкурой, закованных в кандалы пусть их бросят к моим
ногам!»

Эти проклятия Шилхак-Иншушинака побуждают нас
вернуться к уже упомянутому в начале повествования
военным походам. Они были направлены, очевидно, ис-
ключительно против Вавилонии, против царей II дина-
стии Исина, и одновременно доказывают, что завоева-
ния его предшественников — Шутрук-Наххунте и Кутир-
Наххунте не были здесь долговечны. Для этого у Эла-
ма не было достаточно сил. Лишь отдельные области
вблизи предгорий Загроса на время отошли к Эламу.

Хотя в Сузах и были найдены обломки целого ряда
стел, учрежденных в честь побед, одержанных Шилхак-
Иншушинаком, однако они, к сожалению, не смогли со-

здать связную картину его военных походов. Один из таких памятников хотя и содержал регулярную военную сводку, однако был сильно поврежден и недоступен для понимания. Так как мы не в состоянии проследить за отдельными военными походами царя, мы вынуждены ограничиться здесь общим обзором.

По-видимому, Шилхак-Иншушинак напал на Двуречье в большинстве случаев через удобные для вторжения ворота у Дера, а затем продолжал свой марш по направлению к северу. Первой жертвой при этом стала область р. Диялы, расположенная перед «воротами Азии», на военной дороге из Вавилонии к Иранскому нагорью. Продвигаясь по этой дороге, эламское войско захватило Ялман (ныне — Хольван). Как и его отец Шутрук-Наххунте, Шилхак-Иншушинак захватил г. Каринташ (ныне — Каринд). От стелы, увековечившей эту победу, к сожалению, остались лишь несколько строк, однако и они позволяют сделать предположение о бесчинствах эламских «лесных воинов» в стране врага. «Все потомки царя Каринташа, его жены, наложницы и родственники были согнаны в одно место и отправлены в ссылку и [...]». Здесь надпись обрывается и о дальнейшем можно догадаться в зависимости от силы нашей фантазии. Можно предположить, что Шилхак-Иншушинак вернулся в Сузиану через Лурестан, после того как он снова включил в эламские владения военную дорогу, так часто становившуюся объектом борьбы.

Другие военные подразделения, достигнув области Диялы, направлялись дальше на север. Эламиты заняли нагорье Эбех (Джебель-Хамрин), завоевали Магду (сегодняшний Тус-Хурматли). Шилхак-Иншушинак проник уже во владения Ассирии. Завоевав Угар-Салли вблизи р. Нижний Заб, он снова отобрал у ассирийского царя Ашшурдана те земли, которые тот в 1160 г. отнял у предпоследнего касситского царя Вавилоний. Еще более тяжелый удар постиг Ассирию, когда эламиты заняли также ассирийские города Аррапху (около современного Киркука) и Титурру (современный Алтынкепрю). Дж. Камерон считает, что это поражение привело к низложению, а затем и к смерти царя Ашшурдана I, который после 46-летнего царствования стал стар и слаб. Если предположение Камерона верно, то этот поход Шилхак-Иншушинака имел место в 1133 г.

В это время в Южной Вавилонии правил Итти-Мардукбалату — второй царь из II династии Исина. В отчаянной попытке к самосохранению этот царь из Исина, вероятно, рискнул напасть на эламитов с фланга. Но Шилхак-Иншушинак не медлил. Непосредственно из Суз он снова предпринял поход, дошел до Тигра, разбил вавилонян, которые отступили на запад, продолжал их преследовать до Евфрата и снова одержал над ними победу. По-видимому, это означало конец правления Итти-Мардукбалату.

В 1130 г. до н. э. Нинуртанадиншуми стал его преемником. За ним последовал в 1124 г. (как четвертый правитель II династии Исина) Навуходоносор I. Похоже, что вскоре после этого умер в Сузах царь Шилхак-Иншушинак. При Навуходоносоре Вавилония приступила к решающей битве против Элама.

Когда Шилхак-Иншушинак около 1120 г. умер, его младшего брата Шимутникаташа уже не было в живых. Поэтому правление перешло к старшему сыну царицы Наххунте-Уту — Хутелутуш-Иншушинаку («К его делам бог Иншушинак относится благосклонно»).

От Хутелутуш-Иншушинака в Сузах не сохранилось ни многочисленных, ни обширных надписей, но тем не менее их можно отнести к самым содержательным царским документам, так как в них особенно ярко выступает самобытность эламского характера.

По непонятным причинам Хутелутуш-Иншушинак отказался от прежнего почетного царского титула, принятого его предками: он не называет себя больше «царем Аншана и Суз», а «умножителем государства, наследником Элама и Суз». Возможно, что за этим скрывается государственно-правовая реорганизация. Во всяком случае, при чтении документов нового царя создается впечатление, что ему пришлось кое-чем поступиться в управлении царством по сравнению с безраздельным господством своих предков.

Хутелутуш-Иншушинак пожертвовал храму божественной четы — Симуту и Манзат — в Сузах новую каменную дверную петлю. Дар был предназначен преимущественно богине. Царь вообще предпочитал обращаться к богиням, особенно к Ишмекараб и Упуркулак.

Популярность бога Иншушинака заметно падает, а другие мужские божества, что касается доступных нам до сих пор свидетельств, полностью обходятся. Надпись на упомянутой дверной петле гласит: «О богиня Манзат, великая госпожа! Я, Хутелутуш-Иншушинак, сын Кутир-Наххунте и Шилхак-Иншушинака, умножитель царства. Я молил о своей жизни, о жизни Наххунте-Уту — моей матери почитаемой, о жизни моих братьев и сестер, и поэтому я велел изготовить эту дверную петлю из камня и установить в храме богини Манзат и эламского бога Симута».

Нам, современным людям, кажется в диковинку, что Хутелутуш-Иншушинак называет себя сыном двух отцов — сыном не только своего родного отца Кутир-Наххунте, но и сыном брата своего отца Шилхак-Иншушинака. То, что эти два царя были женаты на своей (предполагаемой) сестре Наххунте-Уту, послужило Хутелутуш-Иншушинаку, вероятно, не только достаточным оправданием того, что он сын двух отцов, но и сделало его обладателем почетного титула. Однако и это еще не все; в другой надписи Хутелутуш-Иншушинак называет себя даже «сыном» Шутрук-Наххунте, Кутир-Наххунте и Шилхак-Иншушинака... В действительности эти трое были его дедом, отцом и дядей!²

Решение загадки заключается в упущенном до сих пор следующем обстоятельстве: что у эламитов для обозначения слова «сын» имелись два выражения, отличающиеся как по значению, так и по эмоциональной окраске. В этом попутно проявлялось совершенно необычное чувство родства у эламитов, сущность которого мы не в состоянии постигнуть, а именно различие мужской и женской наследственности, какого у нас не знает даже биология.

Из вышеупомянутой надписи Хутелутуш-Иншушинака на дверной петле вытекает, что его мать Наххунте-Уту ко времени составления надписи была еще жива. В более поздних надписях она отсутствует, а это означает, что она ненадолго пережила двух своих супругов

² Хутелутуш-Иншушинак был родным сыном Шутрук-Наххунте и называл себя сыном Шилхак-Иншушинака по обычаю левирата. Видимо, термины для родства в Эламе еще не были усовершенствованы, ибо то же самое слово «шак» для обозначения «сын» применялось в значении «внук» (*прим. ред.*).

(=братьев). Кроме того, надпись доказывает, что Хутелутуш-Иншушинак умер бездетным, ибо непосредственно после своей матери он перечисляет своих братьев и сестер. В действительности они приходились ему лишь сводными братьями и сестрами, т. е. были детьми его матери Наххунте-Уту по второму браку с его дядей Шилхак-Иншушинаком. По эламским понятиям, в этом не было никакой разницы. Главным было то, что восемь сестер и братьев происходили от «матери почитаемой», которая олицетворяла наследственные права династии на престол.

О внешней политике Элама при Хутелутуш-Иншушинаке мы узнаем лишь из записей Навуходносора I. Этот четвертый царь II династии Исина предпринял отчаянные усилия, чтобы сломить эламское господство на юге Двуречья. Скрепя сердце, он решился около 1115 г. на поход против Элама.

Записи Навуходносора обнаруживают, на какой риск он при этом шел: «Я сам себе говорил в страхе, тревоге и отчаянии: „Я не хочу разделить участь моего предшественника, который пребывает в Эламе (?); лучше мне умереть“». Упомянув об этом предшественнике, томившемся в эламском плену, Навуходносор, вероятно, имел в виду царя Нинуртанадиншуми из Исина, правившего с 1130 по 1125 г., ибо после насильственного угона Кутир-Наххунте последнего кассита в 1157 г. прошло слишком много времени, чтобы пленник мог еще быть в живых. Следовательно, мы можем из этого заключить, что Шилхак-Иншушинак во время своего победоносного продвижения до Евфрата взял в плен также и третьего царя II династии Исина и также увел его затем в Элам. Во всяком случае, Навуходносор I всеми силами противился подобной участи.

«Я не хочу уклониться от битвы с эламитом,— продолжает он,— я не хочу поворачивать вспять. Поэтому я поджидал его с еще оставшимся войском у верховья реки Укну (современная Керхе). Однако Нергал—сильнейший из богов—наказал моих воинов [болезнью]». Здесь в глиняной табличке пропуск. Затем Навуходносор продолжает: «Я побоялся смерти и не отважился на битву, я повернул обратно... В городе Кар-Дур-Апиль-Сия я сидел как оглушенный. Эламит (Хутелутуш-Иншушинак) пришел, и я бежал из города. Я лежал

на ложе стенаний и вздохов и, плача, молился богам».

Конец этой записи отсутствует, однако содержание его не подлежит сомнению: Навуходоносор был побежден эламитами и должен был как за себя, так и за свое царство Исин опасаться самого худшего.

Однако вавилонянин получил неожиданную помощь. Похоже, что эламский царь правил слишком круто в подвластных ему владениях. Во всяком случае, из Сузианы от него сбежали к Навуходоносору не только два весьма влиятельных жреца, захватив статую бога Риа, но и правитель Лакти-Шиху из Бит-Карзиябку, расположенной в эламской пограничной области Дера, перешел из эламского подчинения в вавилонское.

Навуходоносор, воодушевившись, немедленно поставил Лакти-Шиху командовать своими боевыми колесницами и отважился, по-видимому, около 1110 г. на новое нападение на Элам из Дера. Подробности мы узнаем из охранной грамоты на камне, которую царь посвятил своему союзнику Лакти-Шиху после его победоносного возвращения домой. В ней Лакти-Шиху предоставляется ряд привилегий в Бит-Карзиябку. В этой грамоте говорится: «Навуходоносор, внемля советам царя богов Мардуку, взялся за оружие, чтобы отомстить за Аккад. Он вышел со своим войском из Дера и совершил марш дважды по 30 часов. В месяце таммуз (приблизительно июль) он предпринял этот поход. [Камни] на дорогах жгли, как огонь, кончилась вода, устали лошади, ноги воинов подкашивались. Однако благородный царь не оттанавливался, его не страшила недоступная земля, он продолжал подгонять коней в упряжке. Лакти-Шиху, правитель Бит-Кирзиябку, военачальник его боевых колесниц, чье место было справа от царя, не покинул своего повелителя в беде и также погнал свою боевую колесницу вперед. Могущественный царь достиг бережья реки Улай; и оба царя (Навуходоносор и Хутелутуш-Иншушинак) начали сражение. Рядом с ними то и дело вспыхивал огонь, пыль затмевала солнечный свет, война свирепствовала подобно урагану».

На этот раз военное счастье улыбнулось вавилонянину: «Хутелутуш-Иншушинак, царь Элама, скрылся в своей горе». Загадочный оборот речи означает, что Хутелутуш-Иншушинак нашел тогда свою смерть. «Царь

Навуходоносор победил, он завоевал страну Элам и разграбил его богатства».

Хотя Элам ненадолго подпал под владычество вавилонского царя, все же битва на р. Улай, вблизи Суз, определила дальнейшую судьбу государства. Даже столетия спустя вспоминали эту решающую победу: в исторических записях вавилонских звездочетов она связывалась с появлением метеора, предзнаменовавшего «разгром Навуходоносором Элама». Zenit славы Элама остался позади.

Согласно наследственному праву, трон перешел к Шилханахамру-Лагамару — старшему сыну царя Шилхак-Иншушинака и старшему (сводному) брату победленного Хутелутуш-Иншушинака, однако о его правлении нам ничего не известно.

Сузы, казалось, были тогда, около 1110 г., настолько опустошены, что они надолго потеряли свое значение как столица царства. Во всяком случае, за последующие четыре столетия полностью отсутствуют какие-либо записи об этом городе. Конец Шутрукидов поэтому покрыт таким же мраком неизвестности, как и гибель царств Авана, Симашки и Эпартидов. Так внезапно обрывается Среднеэламский период. Дальнейшая история его погружается в полное безмолвие.

НОВОЭЛАМСКОЕ ЦАРСТВО (приблизительно 750—640 гг. до н. э.)

Только почти через три столетия после победы Навуходоносора I у р. Улай в исторических источниках появляются данные о Эламе. Это произошло в 821 г., когда ассирийский царь Шамши-Адад V победил войско эламитов, халдеев и арамеев. О самом Эламе упоминается лишь в 742 г. В то время, сообщает Вавилонская хроника, «на трон в Эламе вступил царь Хумпанникаш». Позднейшие эламские источники называют его отцом царя Хумпантахраха. Он, вероятно, около середины VIII в. до н. э. и создал Новоэламское царство.

Однако это Новоэламское царство просуществовало даже меньше одного столетия. Его история была определена, во-первых, борьбой Элама против Ассирии — новой господствующей силы в Двуречье, которая заставила Вавилонию и Элам, вечно враждовавших между собой, вступить в союзнические отношения; во-вторых, появлением мидян и персов в иранских горных районах.

Начало арийской иммиграции в Иран восходит к 1000 г. Мидяне и персы заселяли в первую очередь земли древнего Кутиума, т. е. сегодняшнего Иранского Курдистана, южнее оз. Резайе вплоть до военной дороги Вавилон — Рага (Тегеран). Там они в 835 г. впервые встретились с ассирийским царем Салманасаром III. В начале VII в. до н. э. персы отделились от родственных им племен мидян и направились вдоль Загросских гор на юго-восток. Здесь они заняли область, названную ими Парсой (по-гречески — Персис), центром которой ныне является Шираз. Отсюда персы под предводительством своих царей Теиспа и Кира I из династии Ахеменидов не спеша продвигались на запад вдоль во-

енной дороги Персеполь — Сузы, овладевая все больше и больше эламскими подвластными территориями в Аншане¹.

Постоянные войны с ассирийцами, с одной стороны, и постепенное проникновение в его восточные владения персов — с другой, настолько ослабили Новоэламское государство, что оно в конце концов стало около 640 г. добычей Ашшурбанапала.

В результате ослабления Эламское государство представляло собой уже непрочный союз отдельных областей. Члены новоэламской царствующей династии враждовали друг с другом в такой степени, что о существовании царя Суз временами забывали и вавилонские соседи вместо него рассматривали в качестве царя Элама наместника, правившего в западном Эламе. Ассирийцы по мере сил пользовались враждой между эламскими родственниками. История Новоэламского царства нам неизвестна, можно говорить лишь об очень немногих правящих царях. К ним относился действительный основатель этого государства царь Хумпанникаш, царствовавший в Эламе в течение полных 25 лет (до 717 г.).

Правда, собственно эламские источники о нем еще не обнаружены, но Вавилонская хроника упоминает его с похвалой. Хумпанникаш, согласно хронике, одержал в 720 г. победу над прославленным ассирийским царем Саргоном II в районе Дер: «Он нанес Ассирии тяжелое поражение». Вавилонский царь Мардукапалиддин поспешил с войском на помощь своему эламскому союзнику, однако опоздал к началу решающей битвы и поэтому повернул обратно.

Уже эта первая весть о Новоэламском периоде определяет те рамки, в которых вынуждено было развиваться Эламское государство до самой своей гибели. Элам в союзе с Вавилонией пытался, напрягая все свои силы, воспротивиться ассирийскому гнету, но должен был признать себя побежденным.

¹ Автор следует за традиционным предположением, объясняющим движение иранских племен с северо-запада вдоль Загросских гор на юго-восток в Персиду. Однако точные хронологические контуры этого движения нам неизвестны. Судя по титулатуре ряда персидских царей, они претендовали на власть в Аншане. Вероятно, начиная со второй половины VII в. до н. э. персидское влияние в Аншане усиливается (*прим. ред.*).

В 717 г., через три года после победы царя Хумпанникаша, его трон наследовал «сын его сестры» Шутур-Наххунте. Шутур-Наххунте был одним из самых примечательных правителей Новоэламского царства. Он оставил ряд надписей, которые позволяют хотя бы в общих чертах говорить о нем как о личности.

Шутур-Наххунте был сыном малоизвестного Индады. Об этом мы узнаем, правда, не от него самого, а из надписи его вассала Ханни в горном крае Аяпир (= Изех/Маламир). Сам Шутур-Наххунте называет себя «шаком» (сыном) царя Хумпаннимены. Но к этому мы еще вернемся. В своей самой ранней надписи Шутур-Наххунте снова присваивает себе титул «царь Аншана и Суз»; он также называет себя царем, раздвинувшим границы своего государства.

Стремление Шутур-Наххунте к достижению славы и величия проявляется неожиданно в том, что царь во всех позднейших надписях вдруг начинает именовать себя... Шутрук-Наххунте. Волей-неволей и историк вынужден называть его Шутрук-Наххунте II.

Современники относились к этой перемене имени с некоторой осторожностью или вообще игнорировали ее. Вассал Ханни в Аяпире, во всяком случае, называл царя по-прежнему — Шутур-Наххунте. Точно так же, невзирая на союзнические отношения, поступали вавилоняне. Ассирийцы тем более не собирались оказывать услугу своему эламскому противнику, признав его новое имя. Ибо в новом имени заключался глубокий смысл. Это означало, что Шутрук-Наххунте II преисполнен желания идти по стопам великого Шутрук-Наххунте I из XII в. до н. э., а также вызов ассирийскому господству в Месопотамии. Однако ассирийский царь Саргон II, занятый в это время другими делами, спокойно выжидал.

В одной из своих надписей Шутрук-Наххунте II уже не называет себя «царем Аншана и Суз», а «умножителем моего государства, владеющим тронном Элама, наследником царства в Эламе, любимым слугой богов Хумпана и Иншушинака». К этому добавляется в высшей степени интересное примечание: три в прошлом могущественных царя будто бы объединились во имя его блага и поэтому ему досталась царская власть.

Это высказывание, во-первых, знаменательно для истории страны. По-видимому, в Эламе считали, что души

усопших способны объединиться с целью вмешательства в земные дела. Кроме того, это высказывание имеет историческое значение, ибо из трех «могущественных царей», на поддержку которых ссылается Шутрук-Наххунте II, известны до сих пор лишь два первых, а именно Хутелутуш-Иншушинак и Шилхинахамру-Лагамар, т. э. последние два царя из династии Шутрукидов. Третьим в этом союзе подразумевается царь Хумпаннимена, чьим шаком «сыном» Шутрук-Наххунте II и называет себя почти во всех своих надписях. Совершенно очевидно, что шак здесь не может означать «сын», а только «мужской отпрыск», «мужской потомок». По всей вероятности, этот царь Хумпаннимена был неизвестным до сих пор самым последним Шутрукидом, возможно внуком Шилхак-Иншушинака.

Мы не будем углубляться в то, действительно ли происходил Шутрук-Наххунте от царя Хумпаннимены. Более значительным является тот факт, что сами новоэламские правители считали себя потомками Шутрукидов. Несмотря на полное отсутствие источников за три с половиной столетия — между 1100 и 750 г. — мы можем предположить, что в Эламе были живы старые традиции. В такой же мере как Шутрук-Наххунте II считал себя «отпрыском» Шутрукидов, когда-то Шутрукид Хутелутуш-Иншушинак, а до него Игехалкид Хумпаннимена рассматривали себя как потомков Эпартидов — Шилхахи и его «прославленной сестры». Эпартиды, в свою очередь, ощущали себя наследниками царей Симашки, а те полагали, вероятно, что являются продолжателями династии Авана.

К сожалению, вторая половина надписи Шутрук-Наххунте II, в которой он намекает на «трех могущественных царей», в большей своей части остается для нас непонятной. Все же из нее вытекает, что царь при поддержке бога Иншушинака завоевал г. Каринташ. Таким образом, Шутрук-Наххунте II, как и его великий тезка, продвинулся до сегодняшнего Каринда, расположенного на военной дороге Вавилон — Рата. Можно предположить, что он во время этого похода пересек со своим войском весь Лурестан и, завоевав Хорремабад (предполагаемый древний Симашки), Нехавенд и Херсин, дошел до Керманшаха. Вполне вероятно, что именно об этом «расширении государства» идет речь в

(основном еще не поддающейся переводу) более чем 80-строчной надписи на стеле в честь одержанной Шутрук-Наххунте II победы.

В этой надписи царь сообщает, что он в общей сложности завоевал 32 области. От многочисленных названий местностей географическому определению поддается до сих пор лишь одна: страна Арман, завоевание которой Шутрук-Наххунте II приписывает себе, — это область сегодняшнего Хольвана. Эламское войско двинулось из Каринташа вниз по долине, а затем через горный перевал Пойтак — в предполье Месопотамской низменности.

Шутрук-Наххунте II отправил своего верховного жреца Шутруру во все завоеванные города, приказав ему взимать в качестве дани быков для жертвоприношений и воздвигнуть везде статуи эламского царя. В благодарность за поддержку богов, обеспечивших ему победу, Шутрук-Наххунте II посвятил вышеописанную стелу храму Иншушинака в Сузах и в день ее установления, 25-го числа месяца ланлубе (приблизительно середина октября — год, к сожалению, отсутствует), распорядился о ежедневном пожертвовании верховному жрецу — двух баранов, жрецу храма — одного барана и, кроме того, четверик муки — свидетелям. Богини Лагамар и Пиненкир также не были обойдены царем. Осквернителям стелы или связанных с ней жертвоприношений Шутрук-Наххунте II грозит проклятием бога Солнца Наххунте, который погубит его самого и весь его род.

Находясь в стороне от завоевательной политики Шутрук-Наххунте II, его вассал Ханни, сын Таххихи, создал самостоятельное маленькое царство в восточной горной провинции Аяпир (в районе Изех/Маламир). Его придворные по мере сил пытаются подражать Сузам. Правитель Ханни тем заслужил признание потомков, что он (или его очень энергичный сановник) пришел к мысли высечь в гротах и скалах по обе стороны низины Изех ряд памятников, включающих не только многочисленные рельефы, но и три обстоятельных эламских надписи, из которых две сохранились почти неповрежденными.

Один из надписанных рельефов, находящийся в ущелье Куль-е Фарах (фото 10), изображает правителя

Ханни, шагающего вправо в молитвенной позе. Хотя голова и повреждена, однако можно еще различить головной убор округлой формы, из-под которого выбиваются волосы, заплетенные в длинную косу. Нижнюю часть лица украшает длинная курчавая борода. Его широкая, с поперечными полосами юбка, перехваченная широким поясом, спускается до самых пяток. Поверх этого на Ханни надета длинная, отделанная бахромой и вышитая розетками накидка. Эта часть одежды, вероятно, характерна только для эламитов.

Из двух фигур меньшего размера позади Ханни первая изображает его сановника Шутруру (его не следует путать с верховным жрецом царя Шутрук-Наххунте II, носившим то же имя), а вторая — его виночерпия. На сановнике, вероятно одновременно выполнявшем функции военачальника у Ханни, надето платье до колен, за спиной у него колчан, в левой руке он держит лук. Перед этими тремя фигурами разыгрывается уже упомянутый ранее (в гл. II) культовый обряд. Под музыкальный аккомпанемент один из жрецов выливает на алтарь кровь трех баранов, в то время как подручные привлекают зебу и горного козла для совершения дальнейших жертвоприношений.

В 24-строчной надписи правитель Ханни обращается к богам Тирутиру, Напиру и Симуту. Свое изображение он вверил магической защите (китен) бога Хумпана. Боги Напир и Тирутир якобы способствовали его продвижению, и, таким образом, он благодаря их милости покорил процветающую область и приобрел богатую добычу. Тем не менее он все же оставался преданным вассалом царя Шутрук-Наххунте, которого он, правда, все еще называет Шутур-Наххунте. Он успешно подавил два восстания — одно у Шилхите, второе — у р. Пиррин (вероятно, р. Карун). «Тот, кто повредит мое творение, припишет себе славу его создания, разобьет его, присвоит его себе, тот, — так заканчивает Ханни свою надпись, — будет лишен блага богини Ниарсины здесь, на земле, лишен ее милости, будет отвержен ею, загублен! Погибший для земной жизни, пусть он более не бродит под Солнцем!»

На противоположной стороне долины Изех Ханни установил два рельефа размером в натуральную величину (Шекаф-е Салман). Левый (фото 13) изображает его

с супругой Амматеной и ее сыном. Инициатором создания этого рельефа, как он недвусмысленно заявляет, был его сановник Шутруру. В благодарность за это Ханни распорядился на той же скале справа увековечить сановника со всей семьей, состоящей из двух мужчин, одной женщины и двух детей. К сожалению, эламская надпись на рельефе почти полностью разрушена.

Зато другая надпись из 36 строк осталась почти невредимой внутри грота, из которого бьет источник. В ней Ханни сообщает, что он перед лицом богини Парти придал магическую силу своему собственному изображению, а также изображению Хухин — своей «любимой супруги-сестры» и своему ребенку. Это высказывание не совсем сходится с надписью на юбке женской фигуры слева наверху скалы, где указывается, что изображена жена его Амматена. Если речь идет об одной и той же женщине, то имя Амматена, возможно, может быть истолковано как титул в значении «мать почитаемая». Однако и в случае, если речь идет о двух различных женах Ханни, знаменательным остается обозначение Хухин как жены и сестры. Следовательно, и правители провинций придерживались «семейных обычаев» эламских царей, женись на своих сестрах.

Грот с источником был, по всей вероятности, для аншанской богини Парти священным. В надписи недвусмысленно говорится также о посвященном ей храме. «Если владеющий письменностью прочитает, молясь, то, что написано на моем памятнике, — заключает правитель Ханни свою надпись, — и похвалит это сооружение, он может выпросить себе пожелание!» Осквернителя же памятника пусть поразит кара бога Хумпана, богини Киририши (она, таким образом, представлена наряду с богиней Парти) и бога Тирутира, «создавшего воду и землю», где бы он ни находился. «Он будет лишен здесь, на земле, благословения Парти! Он будет лишен под Солнцем и Луной члена своего тела. Да не останется у него потомков!»

Однако вернемся от вассала Ханни снова к его верховному повелителю в Сузах царю Шутрук-Наххунте II. Здесь мы сталкиваемся с памятным эпизодом во всемирной истории.

В 710 г. ассирийский царь Саргон II пошел войной на Вавилонию. Царь Мардукапалиддин вынужден был

очертя голову ночью бежать. «Двенадцать лет властвовал Мардукапалиддин над Вавилоном. Отныне этот трон занял Саргон. Мардукапалиддин бежал во главе своих придворных в Элам». Так сообщает Вавилонская хроника, по своему обыкновению кратко и сжато. Противная сторона более многословна. Ассириец Саргон злобно утверждает, что Мардукапалиддин «отослал свои регалии, свое царское ложе, свое тронное кресло, скамеечку для ног, свой царский кувшин для воды, даже свое ожерелье эламиту Шутур-Наххунте (Саргон II, разумеется, не называет его Шутрук-Наххунте с тем, чтобы тот за него отомстил. Злой эламит, хотя и принял подарки, однако испугался силы моего оружия и преградил ему путь, приказав ему далее не продвигаться». В ответ Мардукапалиддин разразился отчаянными жалобами. На самом деле, Шутрук-Наххунте II предоставил своему спасшемуся бегством союзнику убежище в Эламе в надежде на позднейшее совместное нападение на Месопотамию.

Когда Саргон II пять лет спустя умер и на ассирийский престол вступил в 705 г. его сын Синаххериб, союзники в Сузах решили, что близится их час. В 703 г. Мардукапалиддин во главе сильного эламского вспомогательного войска, состоящего из лучников и конников, в сопровождении двух высших военачальников и десяти низших военачальников Шутрук-Наххунте II напал на среднюю Вавилонию, которая встретила его с восторгом. К нему также перешли арамейские племена у р. Тигр. У Киша произошло сражение с ассирийскими войсками, в котором последние потерпели поражение от объединенных вавилоно-эламских войск.

Лишь когда царь Синаххериб в 702 г. сам двинулся на Киш, положение изменилось. Мардукапалиддин пал духом, он бежал в болотистые равнины на юге Месопотамии и бросил эламские вспомогательные войска на произвол судьбы. Синаххериб вошел в Вавилон победителем, однако бежавшего Мардукапалиддина он догнать уже не смог.

Объявление Эламом и Вавилонией войны Ассирии имело тем временем серьезные последствия и для района Средиземноморья. Сидон и Тир освободились от Синаххериба. Вслед за этим иудейский царь Езекия, рассчитывая на поддержку Египта, присоединился к союзу

против Синаххериба. Однако он также не смог одержать победу над ассирийским царем. Синаххериб осадил в 701 г. Иерусалим и отступил лишь тогда, когда Езекия уплатил ему дань в размере 30 талантов золота и 300 талантов серебра. После этого царь Езекия «смертельно заболел», как написано в гл. 38 пророка Исайи, однако затем все же выздоровел.

Весть о болезни и выздоровлении Езекии дошла и до Мардукапалиддина. Бежавший в Элам вавилонский царь обратил внимание на то, что Синаххериб не смог завоевать Иерусалим, а должен был удовлетвориться уплатой царем Езекией дани. В своем стремлении расширить эламо-вавилонский союз Мардукапалиддин послал в 700 г. своих придворных к иудейскому царю. Посланцы должны были поздравить Езекию с выздоровлением и попытаться склонить его к вступлению в союз против Ассирии. Об этом в Книге Царств (II, 20, 12—19) можно найти достойное внимания сообщение.

«И обрадовался посланным Езекия, и показал им дом сокровищ своих, серебро и золото, и ароматы, и драгоценные масти, весь оружейный свой дом, и все, что находилось в сокровищницах его; ничего не осталось, чего не показал бы им Езекия в доме своем и во всем владении своем.

И пришел пророк Исайя к царю Езекии, и сказал ему: „Что говорили эти люди? и откуда они приходили к тебе?“. Езекия сказал: „Из далекой земли приходили они ко мне, из Вавилона“.

И сказал Исайя: „Что видели они в доме твоём?“. Езекия сказал: „Видели все, что есть в доме моем; ничего не осталось в сокровищницах моих, чего я не показал бы им“.

И сказал Исайя Езекии: „Выслушай слово бога“.

„Вот придут дни, и все, что есть в доме твоём и что собрали отцы твои до сего дня, будет унесено в Вавилон; ничего не останется, говорит Яхве. И возьмут из сыновей твоих, которые произойдут от тебя, которых ты родишь,— и они будут евреями во дворце царя вавилонского“.

Царь Езекия спокойно воспринял пророчество Исайи. Оно исполнилось сто лет спустя, когда Навуходоносор II (597) увел в плен в Вавилон иудейского царя Иоакима и похитил все сокровища Иерусалима.

О возвращении посланцев Мардукапалиддина к своему повелителю в эламскую землю у Персидского залива источники умалчивают. Через год после этих событий — в 699 г. — Синаххериб провозгласил вавилонским царем собственного сына. В то же время в Эламе произошел дворцовый переворот: Шутрук-Наххунте II был заключен в крепость своим младшим братом Халлутуш-Иншушинаком, который стал царствовать в Сузах вместо него.

Халлутуш-Иншушинак называет себя в единственной сохранившейся о нем надписи шаком царя Хумпантахраха. В данном случае эламское слово также означает не «сын», а лишь «мужской потомок», ибо Хумпантахрах приходился Халлутуш-Иншушинаку двоюродным дедом. В упомянутой надписи новый царь, кроме того, называет себя безбоязненно «умножителем царства». Бога Иншушинака, которому он посвящает святилище из глазурованного кирпича, он умолял: «Не рассматривай мою победу как печаль!»

Пять лет все шло хорошо. Мардукапалиддин поселился в эламском приморском городе Натиту на побережье Персидского залива. Но ассирийский царь Синаххериб предпринял в 694 г. новый поход. Он обязал финикийских судостроителей построить ему на Евфрате и Тигре флотилию. Так как низовье Тигра все еще принадлежало Эламу, лодки могли передвигаться только до середины Персидского залива. Затем их вытаскивали на сушу и на катках переправляли к каналу Арахту, откуда они продолжали плыть к Евфрату. Здесь ассирийские войска садились в лодки. В то время как флотилия плыла вниз к Персидскому заливу, царь Синаххериб избрал более надежную сухопутную дорогу. После пятидневной задержки, вызванной встречными ветрами и волнением на море, флотилия пересекла Персидский залив и объединилась на эламском побережье с сухопутными войсками Синаххериба. Невзирая на упорное сопротивление эламские приморские города один за другим вынуждены были сдаться ассирийцам. Пленных эламитов и вавилонян-беженцев Синаххериб раздавал своим воинам «как овец». Царя Мардукапалиддина тогда, по-видимому, уже не было в живых.

Эламский царь ответил на ассирийское проникновение в его «приморье» стратегически смелым контрударом. Еще в октябре 694 г. Халлутуш-Иншушинак завоевал северовавилонский Сиппар, отрезав тем самым ассирийцам связь с тылом. Сын Синаххериба был взят в плен в Вавилоне и насильно увезен в Элам. Вместо него Халлутуш-Иншушинак провозгласил царем вавилонянина Нергалушезиба.

Ему, однако, не суждено было долго господствовать. Синаххериб снова доказал свое превосходство. В конце сентября 693 г. он одержал победу над объединенными силами эламитов и вавилонян у Ниппура в средней Вавилонии. Нергалушезиб был взят в плен и доставлен в Ассирию. Халлутуш-Иншушинак вернулся в Сузы побежденный и убитый горем. Когда он в середине октября 693 г. подошел к своей столице, «сузианцы заперли перед ним ворота, — сообщает Вавилонская хроника, — и убили его».

Вместо него на престол Элама взошел его старший сын Кутир-Наххунте.

Переход трона в Сузах из-за борьбы за власть от одного правителя к другому Синаххериб с полным основанием расценил как признак внутренней слабости Элама. Еще зимой 693 г. он предпринял военный поход против Кутир-Наххунте, который бежал от ассирийцев до Хидали, «в далекие горы», расположенный, вероятно, в районе сегодняшнего Бехбехана, на пути из Сузианы в Персеполь. Однако морозы, сильные снегопады и повышение уровня воды в Керхе вынудили Синаххериба еще в январе 692 г. повернуть обратно. Несмотря на это, Кутир-Наххунте все же не мог удержаться у власти: в конце июля того же года, как с обычной лаконичностью сообщает Вавилонская хроника, «Кутир — царь Элама — был во время восстания взят в плен и убит».

Три насильственных свержения при трех следующих друг за другом царях одной династии — такого никогда прежде не случалось в Эламе. Более явно упадок государства не мог быть продемонстрирован. В права наследства убитого вступил его младший брат Хумпанимена.

О событиях следующего, 691 г. Синаххериб ассирий-

ский оставил подробное сообщение. «Во время моего восьмого похода я приказал двинуться на Вавилон. Когда вавилоняне узнали об этом, их охватил великий страх. Они открыли сокровищницу Эсагила (в храме Мардука в Вавилоне), достали оттуда золото, серебро, драгоценности в большом количестве и послали Хумпаннимене, царю Элама, с посланием: „Приходи к нам в Вавилон на помощь! Защити нас!“. Он же, царь Элама, глупец, лишенный разума и понимания, принял подарки». Остальной текст частично разрушен, однако все же можно разобрать, что Хумпаннимена собрал войско.

Среди эламских войск были также воины «из Парсуаша». Впервые мы встречаемся здесь в рамках истории Элама с многозначительным названием Parsuās = «страна персов» и уже не в районе южнее оз. Урмия, а как часть Аншана². По-видимому, персы незадолго до этого времени (691 г.) переселились сюда. Имя их царя было, что весьма вероятно, Ахемен (Naschamanis — Хахаманиш). Он был родоначальником династии Ахеменидов, из которых впоследствии вышли такие известные цари, как Кир и Дарий. После родоначальника династии Ахемена престол занял около 675 г. его сын Теисп. Из-за персидской иммиграции Эламу впервые начала грозить опасность с восточного фланга. Хотя эламским царям и их вассалам в Аншане и удавалось первоначально держать новоприбывших в повиновении, персидская опасность все же неудержимо нарастала. За участие персидских войск в военном походе царя Хумпаннимены на Месопотамию, возможно, уже пришлось заплатить вавилонским золотом.

Эламский царь включил в свое войско кроме вавилонян и персов еще других союзников, и среди них эллипы в северном Лурестане, а также арамейские племена по Тигру. «Все они приближались совместно с царем Вавилонии сплоченным строем и ринулись на меня», — сообщает Синаххериб. Битва развернулась на Тигре в равнине Халуле вблизи современной Самарры. Ассирийский царь похваляется, что одержал блестящую победу.

² Парсуа, расположенный южнее оз. Урмия, отличается от области Персуаш юго-восточнее Элама. При этом Парсуаш не является частью Аншана. Это видно из надписи Синаххериба, в которой Парсуаш и Аншан упоминаются одновременно, следовательно, в качестве отдельных стран (*прим. ред.*).

«Хумпанунташа — военачальника царя Элама, очень дельного человека, командовавшего его войском и главную его опору, а также его знать, носившую золотые кинжалы и вокруг запястий тяжелые браслеты из сверкающего золота,— всех их я сразу убил и, таким образом, одержал победу над ними». Затем Синаххериб грубо описывает, как он с ними расправился. «Однако Хумпаннимена, царь Элама, как и царь Вавилонии — Мушезиб-Мардук, покинули свои палатки и бежали по трупам своих воинов, чтобы спасти свои жизни». Он приказал преследовать обоих царей на боевых колесницах, а также конницей. Свое многословное и сильно преувеличенное описание Синаххериб венчает утверждением: «Когда же я увидел, что оба со страху... я приостановил преследование и решил пощадить их жизни».

Изложение противоположной стороны звучит совершенно иначе: согласно Вавилонской хронике, наоборот, царь Элама Хумпаннимена одержал победу над ассирийцами. В действительности битва при Халуле, вероятно, не принесла победы ни одной из сторон. Во всяком случае, Синаххерибу не удалось в 691 г. разрушить эламо-вавилонский союз, и Мушезиб-Мардук остался царем в Вавилоне.

И все же Синаххерибу везло. В начале апреля 689 г. эламского царя Хумпаннимену постиг апоплексический удар. «Его рот стал неподвижен, так что он не мог больше говорить», — сообщается в Вавилонской хронике. Ассирийский царь не преминул этим воспользоваться: он внезапно вторгся в Вавилонию в декабре 689 г. и завоевал столицу Вавилон, а царя Мушезиб-Мардука увел в плен в Ниневию. Два месяца спустя, в конце февраля 688 г., царь Хумпаннимена умер в Сузах.

Ему наследовал Хумпанхалташ I, по-видимому двоюродный брат умершего. Эламские свидетельства о нем не сохранились. Очевидно, он мирно правил до самой своей смерти в 681 г. О его кончине Вавилонская хроника сообщает: «23 тешрит (приблизительно середина октября 681 г.) на Хумпанхалташа, царя Элама, в ранний послеобеденный час внезапно напал недуг. Он умер еще в тот же вечер при заходе Солнца».

По-видимому, в столице Эламского царства жил тогда еще другой двоюродный брат трех предыдущих правителей по имени Шилхак-Иншушинак II — сын Ум-

мануну, который, вероятно, и был возведен на престол, ибо в Сузах была найдена принадлежащая ему бронзовая оправа, посвященная им храму богини Ниарсины. Источники Двуречья между тем вообще не упоминают Шилхак-Иншушинака II. Согласно им, царем Элама стал в 681 г. Хумпанхалташ II — один из двоюродных братьев Шилхак-Иншушинака II, отцом которого, возможно, был Кутир-Наххунте.

Хумпанхалташ II старался поначалу установить с Ассирией добрососедские отношения. В 681 г. Асархаддон убил своего отца Синаххериба и занял престол. Шесть лет спустя (в 675 г.) Хумпанхалташ II совершил кровавый разбойничий набег на вавилонский Сиппар. Однако в конце сентября того же 675 г. он «умер в своем дворце, не обнаружив признаков болезни».

Хумпанхалташу II наследовал его брат Уртаки. Так как о нем ни разу не упоминается в обнаруженных до сих пор эламских источниках, нам не удалось точно определить его имя. Возможно, его звали Ур-так-Иншушинаком. Он, так же как и его брат, стремился к установлению с Ассирией миролюбивых отношений. Но, когда в 668 г. Асархаддон умер и вместо него на престол в Ниневии взшел его сын Ашшурбанапал, Уртаки, по видимому, изменил свои намерения. Вероятно, это было связано с тем, что в тот период на смену лишь мнимо правившему в Сузах Шилхак-Иншушинаку II пришел его сын Темпти-Хумпан-Иншушинак.

С появлением Темпти-Хумпан-Иншушинака обстановка внутри Элама снова оживилась. Он, вероятно, сумел постепенно обойти своего двоюродного брата Уртаки и завладеть верховной властью в стране. В Сузах о нем сохранилось пять надписей. К сожалению, они частично разрушены, а частично, как всегда, малопонятны. Больше всего мы узнаем об этом эламском царе из надписей преисполненного к нему ненавистью его противника — Ашшурбанапала. Для него «Те-Умман (так ассирийцы писали имя Темпти-Хумпан-[Иншушинак]) был сущим исчадием ада».

Союз с Темпти-Хумпан-Иншушинаком побудил, по видимому, Уртаки около 665 г. к нападению на Двуречье. Был выбран момент, когда Ашшурбанапал пред-

принимал военные походы против Египта и Эфиопии. Ассирийский царь бросает Уртаки горькие упреки по этому поводу: он якобы забыл благодарения, оказанные ему его отцом Асархаддоном, он также поступил неблагодарно и по отношению к нему самому. «Когда для Элама настали тяжелые времена и в стране свирепствовал голод, я послал (Уртаки) зерно, чтобы спасти его народ от гибели. Я поддержал его в тяжелый час. Эламитов, бежавших во время голода из Элама и нашедших убежище в Ассирии, пока снова не выпали дожди и созрел урожай, этих людей, которым удалось в моей стране сохранить себе жизнь, я отослал обратно к нему. Я никогда не мог допустить в сердце своем, что эламит осмелится напасть на меня, никогда не подозревал о его враждебности».

Весть о нашествии Уртаки дошла до Ашшурбанапала в его столице Ниневии. «Я был в нерешительности, ибо его знать, желавшая мира, постоянно обращалась ко мне с посланиями. Чтобы узнать подробности о царе Элама, я срочно отрядил лазутчика, тот отправился в путь и вернулся с достоверным сообщением: „Эламиты набросились на весь Аккад подобно саранче и двигаются на Вавилонию!“».

Тогда и Ашшурбанапал двинул свое войско в поход. По его сообщению, Уртаки, узнав об этом, повернул обратно в Элам: «Я преследовал его до самых границ его государства». И снова смерть его противника избавила ассирийского царя от лишнего беспокойства.

После этого события Темпти-Хумпан-Иншушинак решил, что, наконец, наступил его час для решительных действий. Видимо, сын Шилхак-Иншушинака II уже давно мечтал о единовластии. Сейчас, после смерти двух своих двоюродных братьев, он решил идти на все. Невзирая на родственные узы, т. е. наперекор эламским традициям, он пытался заключить под стражу родственников и потомков своих двух предшественников — Хумпанхалташа II и Уртаки. Спасаясь от его преследований, два сына первого и три сына второго бежали к Ашшурбанапалу. В общей сложности в Ниневию в сопровождении многочисленных лучников прибыли 60 членов царствующего дома. «Они бежали ко мне от кровавости Те-Уммана, их дяди, и бросились к моим царским ногам», — пишет ассирийский царь. В ответ на

это Темпти-Хумпан-Иншушинак отправил к Ашшурбанапалу в качестве посланцев Хумпантахраха и евнуха Набудамика с требованием выдать всех его родственников. Однако царь Ассирии отказал в этой «бессовестной просьбе» и предоставил эламским царским родственникам убежище.

Так как в последующие годы Ашшурбанапал был занят в Сирии, Малой Азии и Северо-Западном Иране, Темпти-Хумпан-Иншушинаку предоставлялась возможность беспрепятственно укреплять свою власть. В своих надписях он похваляется одержанными победами над «страной злодеев» и племенем лалларип. Не исключено, что под «злодеями» подразумевались персы в Аншане. Лалларипы, возможно, жили в северном Лурестане. От этих двух небольших племен он потребовал огромную дань. В благодарность Темпти-Хумпан-Иншушинак посвятил богине Пиненкир в Сузах храм из обожженного кирпича. Он также превозносит поддержку, которую оказали ему боги Хумпан и Иншушинак во время этих военных походов.

Если в целом обозреть надписи Темпти-Хумпан-Иншушинака, то создается впечатление, будто бы Элам при этом правителе стал вполне благополучным государством. На самом же деле, Элам стоял на краю гибели.

К сожалению, все сведения о дальнейшей судьбе Темпти-Хумпан-Иншушинака исходят от его непримиримого врага Ашшурбанапала, для которого «Те-Умман» был лишь «исчадием ада». Хотя сообщения ассирийского царя и должны быть расценены как преувеличение, а иногда и искажающие действительность, они все же компенсируют этот недостаток своей наглядностью. Ашшурбанапал, кроме того, велел для своего дворца в Ниневии изготовить каменные рельефы, где образно увековечил свои столкновения с Эламом, а на глиняных табличках прокомментировал их. Все это, вместе взятое, представляет собой первоисточник необыкновенной выразительности.

«Те-Умман замышлял недоброе,— сообщает Ашшурбанапал,— однако бог Луны задумал покарать его бедой». Об этом предвещало затмение луны 13 июля 653 г. К тому времени со дня смерти Уртаки миновало десять лет, в течение которых Темпти-Хумпан-Иншушинак успешно управлял Эламом. Ашшурбанапал с боль-

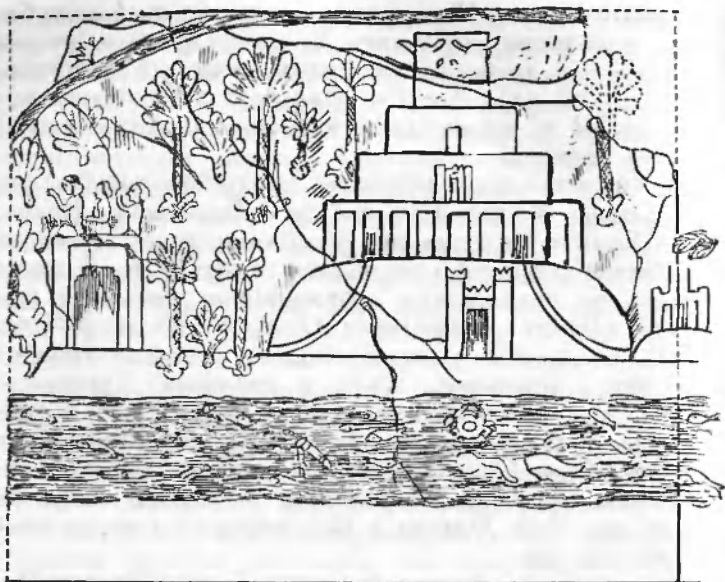


Рис. 32

шим чувством удовлетворения описывает, как недоброе предзнаменование, ниспосланное богом Луны, отразилось на его противнике: «К этому времени на Те-Умма на напал недуг: губы его онемели, глаза закатились».

Однако Ашшурбанапал должен был признать, что, несмотря на этот, по-видимому эпилептический, припадок, Темпти-Хумпан-Иншушинак не отказался от мысли привести свое войско в боевую готовность. «В месяце аб (август 653 г.), когда я находился в Арбеле (современный Эрбиль), мне принесли весть о наступлении эламитов». Ассирийский царь, казалось, был тогда немало этим озабочен. Лишь благоприятный вещий сон его ясновидца успокоил его. В сентябре 653 г. он приказал собрать ассирийское войско. Оно проникло через уже хорошо известные ворота нашествия — Дер на эламскую территорию. Сам Ашшурбанапал остался дома.

При приближении привыкших одерживать победы ассирийских войск Темпти-Хумпан-Иншушинак переселился из своей горной крепости в Пошт-е Кух в Сузы.

«Чтобы спасти свою жизнь, он раздал людям своей страны серебро и золото,—пишет Ашшурбанапал.— Он окопался напротив меня у реки Улай». Битва закончилась решающей победой ассирийцев. От этого удара Новоэламское государство уже никогда не смогло оправиться. Хотя сами Сузы и не пали, однако эламские потери были значительными. Составленный из отдельных фрагментов рельеф из Ниневии (рис. 32) изображает столицу Сузы вместе со ступенчатой башней (зиккурат), омываемую двумя рукавами р. Улай. По реке плывут мертвый эламит и колчан. Слева на бойницах городских ворот правители Суз со страхом наблюдают за битвой.

Когда Темпти-Хумпан-Иншушинак увидел, что битва проиграна, он в отчаянии начал рвать на себе волосы и обратился в бегство. Вместе со своим старшим сыном Тамриту он искал убежища в ближайшей пальмовой роще. Но сломалась поперечная оглобля в царской боевой колеснице и упала на царя. В сильном волнении он приказал сыну: «Стреляй из лука!» Тамриту с горя разорвал свои одежды и крикнул своему отцу: «Держи, не отпускай!» Сын помог отцу подняться, однако было уже поздно — преследователи их настигли. Удар — и Тамриту упал замертво; стрела ранила Темпти-Хумпан-Иншушинака. Ассирийский воин обезглавил царя и в победном угаре куда-то уволок голову за волосы.

«Голову Те-Уммана, царя Элама, войны моей битвы спешно притащили и перед воротами Ашшура в Ниневии бросили под мои колеса,— далее сообщает Ашшурбанапал.— Кинжалами я изрезал все его лицо, а затем плюнул на него». В ассирийском плену все еще находились оба эламских посланца, через которых Темпти-Хумпан-Иншушинак требовал от Ашшурбанапала выдачи его бежавших племянников. «Набудамик и Хумпантахрах, важные сановники, которые были посланы ко мне Те-Умманом с дерзким посланием и задержанные мной из-за гнева на их господина, увидели сейчас передо мной голову Те-Уммана, их господина, который был мне доставлен. Отчаяние охватило их, Хумпантахрах стал рвать на себе волосы, Набудамик пронзил свое тело железным кинжалом. Я же, Ашшурбанапал, царь Ассирии, радостно вошел в Ниневию с отрубленной головой Те-Уммана и выставил ее напротив ворот в центре города на всеобщее обозрение».

В Эламе ассирийские военачальники по указанию Ашшурбанапала объявили царем Хумпанникаша — старшего из трех сыновей Уртаки, попросивших в 663 г. убежища в Ниневии. Третьего из братьев — Таммари-ту I — Ашшурбанапал назначил правителем Хидали (современный Бехбехан). Однако в Сузах на престол возшел Аттахамити-Иншушинак, сын Хутрантемпти и, по-видимому, двоюродный брат так бесславно погибшего Темпти-Хумпан-Иншушинака.

В течение последующих пяти лет (653—648) правления Аттахамити-Иншушинака в истории Элама не произошло никаких ярких событий. Он спокойно наблюдал за неурядицами, происходившими тогда в Месопотамии, надеясь, что они в конечном счете пойдут на пользу Эламу. Однако этому ожиданию не суждено было сбыться. Аттахамити-Иншушинак был предпоследним законным царем Элама и одновременно последним, о котором сохранились собственно эламские сведения. В ассирийских источниках его имя, употребляемое как Аттамета, встречается лишь однажды.

На одной из стел Аттахамити-Иншушинак утверждает, что он любил Сузы и его жителей и поэтому соорудил упомянутую стелу. Она изображает голову правителя в профиль (фото 27). От пространный надписи сохранились, к сожалению, лишь отдельные фрагменты, не позволяющие воспроизвести связное целое. Однако исходя из того, что удалось прочесть, все же можно заключить, что Аттахамити-Иншушинак прежде всего опирался на горные районы вокруг Изеха, ибо он называет местного бога Рухуратира своим богом. Но в надписи также упоминаются Хумпан и Иншушинак.

Когда в 648 г. в Сузах умер Аттахамити-Иншушинак, царем Элама стал его сын Хумпанхалташ III. Правлением этого царя заканчивается история независимого государства Элам. Ни один эламский документ ни разу больше не упоминает этого царя: очевидно, для возведения храмов и священных надписей он не располагал ни властью, ни досугом.

Ассирийцы завоевали Элам в результате двух военных походов, очевидно, в 647 и 646 гг. Но не будем здесь вдаваться в подробности. Во время второго вторжения Хумпанхалташ III отвел свои войска в Дур-Унташ и занял оборонительные позиции на противополож-

ном (левом) берегу р. Диз. Ассирийцам удалось переправиться через реку лишь с большим трудом. Хумпанхалташ бежал в горы. Так в руки врага попала не только вся Сузиана — на этот раз ассирийцы проникли далеко в глубь Аншана, в Хидали и Башим, т. е., вероятно, до сегодняшнего Бехбехана и далее на восток, в области, расположенные по военной дороге Сузы — Персеполь.

Такое стремительное наступление имело важное последствие: тогдашний персидский царь Кир (Куруш) I, который, очевидно, незадолго до этого, наследовал своему отцу Теиспу, т. е. дедушке Кира Великого, явился перед ассирийским военачальником, подчеркнул свою приверженность к Ашшурбанапалу и в подтверждение этого послал своего старшего сына Аряку в качестве заложника ко двору в Ниневию. Персы, таким образом, не выказали никакого желания задержать падение Элама, которое было им только на руку.

Разрушения, причиненные ассирийцами, были страшными. Поздней осенью 646 г. пала ни разу до тех пор непобежденная столица Элама. Сообщение Ашшурбанапала о завоевании Суз уже неоднократно приводилось в гл. III, в которой описывается эламская религия. Сообщение, которое делается от первого лица, еще не свидетельствует о том, что царь лично принимал участие в военных походах против Элама. Невзирая на это он пишет: «На обратном марше (от Аншана) я завоевал Сузы — великий священный город, местопребывание богов моих врагов. Я вошел в их дворцы и пребывал там в полном удовольствии». Это, правда, звучит так, будто Ашшурбанапал появился в Сузах лишь после победы над ними. «Я раскрыл их сокровищницы, в которых было нагромождено серебро и золото, богатства и драгоценности, собранные прежними царями Элама, включая последнего, к которым до меня не удалось дотронуться ни одному завоевателю».

Победитель подробно перечисляет все завоеванные сокровища, а также огромную добычу, доставшуюся ему: одежду, украшения, знаки царского отличия, оружие, «вдобавок всю обстановку дворцов, предметы, на которых сидел и лежал царь; посуду, из которой он ел, умывался и натирался мазями; роскошные колесницы для выезда и боевые колесницы, украшенные золотом и

электроном, лошадей и мулов с золотыми и серебряными уздечками — все это я увез в Ассирию».

В заключение Ашшурбанапал описывает, как он велел разрушить в Сузах храмы и священные рощи и осквернить могилы эламских царей. «Во время похода, длившегося 55 дней, я превратил страну в пустыню. Поля я посыпал солью и засеял чертополохом. Дочерей и жен царей Элама из старых и новых династий, правителей городов, главных военачальников и младших военачальников, включая обслуживающий персонал, всех жителей — безразлично, мужчин или женщин, взрослых или детей; коней, мулов, ослов, крупный и мелкий рогатый скот, превосходящий по количеству рой саранчи, — все это я увез в Ассирию в качестве добычи».

После ухода завоевателей над выжженной страной установилась мертвая тишина. Библия сообщает, что Ашшурбанапал переселил в принудительном порядке «сузианцев и эламитов» даже в Самарию в Палестине (Ездра 4, 9—10). Сузы запустели. «На городской площади раздавался лишь крик совы», — говорится в одной из хроник.

Царь Хумпанхалташ III пытался найти прибежище в горном крае на северо-западе от Сузианы, избрав своей столицей разрушенный Мадакту. Чтобы установить дружественные отношения с Ашшурбанапалом, он предложил выдать ему сына прежнего вавилонского царя Мардукапалиддина. Когда в 645 г. в Элам прибыли ассирийцы во главе с Белибни, чтобы увести жертву, впадший в отчаяние вавилонянин велел своим телохранителям убить себя. Ассирийский военачальник приказал уложить труп в соль и переправить своему повелителю в Ниневию.

Однако, несмотря на все свое раболепство, Хумпанхалташ III ничего не добился. Внутренние неурядицы вынудили его бежать на север Лурестана. Там он попал в плен к воинам племени эллипи, которые выдали его Ашшурбанапалу. Это произошло, вероятно, в 644 г. В Ниневии Хумпанхалташ III, впрягшись вместе со своим двоюродным братом Таммариту II и другими пленными правителями в роскошную колесницу ассирийского царя, должен был дотащить ее к храму богини Иштар, где Ашшурбанапал в торжественной обстановке приступил к освящению новогоднему празднику.

О дальнейшей судьбе последнего царя Элама нам ничего не известно.

Положение Элама лишь немногим изменилось к лучшему, когда после смерти Ашшурбанашалы в 629 г. ассирийское могущество пошло на убыль. Тем временем мидяне стали господствующей силой в районе современного Иранского Курдистана (в древнем Кутиуме). Отрадив нападение скифов, мидийский царь Киаксар (Хувахшатра) в союзе с вавилонским царем Набополасаром завоевал летом 612 г. ассирийскую столицу Ниневию. Ассирия была поделена между союзниками; Сузиана при этом отошла к Вавилонии.

Граничащие с востока горные районы Аншана, хотя и оставались во владении персов, отныне, однако, попадали в зависимость от Мидии. Лишь после того как персидский царь Кир II Великий в 550 г. сбросил мидийское господство, а в 539 г. завоевал Вавилонию, к нему отошла и Сузиана. Тогда Элам целиком вошел в Персидскую державу.

В формирующейся Ахеменидской империи Эламу как третьей сатрапии после Персии и Мидии отводилась все еще немаловажная роль. Позднее, когда великий Дарий в 522 г. захватил власть в созданном Киром государстве, Элам сделал робкую попытку восстать. Однако достаточно было посланного Дарием уполномоченного, чтобы подавить восстание. Вторая, самая последняя попытка поднять восстание в 519 г. также потерпела неудачу: некий Аттамета, т. е. другой Аттахамити-Иншушпак, провозгласил себя царем Элама. Он был побежден военачальником Дария в открытом бою, взят в плен, доставлен к персидскому царю и казнен.

После этого Элам окончательно стал составной частью Персидского царства. Его история с тех пор неразрывно связана с историей Ирана. Последние сведения мы имеем, когда, после Александра Македонского, при Селевкидах и парфянах, Элимай — своего рода малый Элам — снова занял независимое положение. Так как Ахемениды хранили свои царские сокровища в Сузах, то наместники Хузы были одновременно «казначейми» (по-эламски — *kabniškir*). После гибели царства Ахеменидов в 330 г. один из таких «казначеев» создал

новую династию, и эта династия Кабнишкиров из Элама правила с удивительным упорством в районе Сузы — Изех до конца II в. н. э. — вдали от событий мировой истории.

То, что затем арабские географы X в. н. э. рассказывают об этом районе, является лишь вариацией на тему о «зломом эламите».

ИСКУССТВО ЭЛАМА

Когда французские археологи, ведшие раскопки в Сузах, обнаружили неожиданно на рубеже XIX—XX вв. в самом нижнем слое (ныне названном Сузы А, а прежде — Сузы I) хорошо сохранившиеся раскрашенные керамические вазы, чаши и кубки, они пришли с полным основанием в неописуемый восторг, ибо керамические изделия из слоя Сузы А (фото 15 и 21) относятся к самым совершенным произведениям, созданным искусством Передней Азии в IV тысячелетии до н. э. Достаточно подержать в руке сохранившийся черепок этих изделий, осязая их прекрасно отмученную тонкостенную поверхность, созерцать теплые оттенки красок, которыми они разрисованы,—будь то красновато-коричневые, темно-фиолетовые или синевато-черные на бледно-желтом фоне,—чтобы разделить восхищение их открывателей.

Правда, впечатление, будто этот вид искусства появился сразу во всем совершенстве своих форм, так как сосуды были найдены в самом древнем слое заселения Суз, было обманчивым. Как было доказано американскими раскопками в Чога-Мише — восточнее Суз,—керамике из слоя Сузы А предшествовало многовековое постепенное развитие, что было вполне естественно и что следовало предположить с самого начала.

Особенностью, свойственной исключительно керамике из слоя Сузы А, являются не только материал и форма сосудов, а прежде всего образное украшение. Творцы этих ваз проявили при их разрисовке столь великое дарование, что оно способно более чем через 5000 лет находить понимание у современного человека, а именно: способность изобразить предмет одновременно и реалистично и абстрактно. На этих сосудах животные воспроизведены в высшей степени живо и реалистично и в то же время они полностью стилизованы. Эламиту удалось,

таким образом, неожиданно объединить необъединимое. Подобное умение искусствовед может наблюдать, правда в совершенно ином виде, у иранских мастеров, создавших в XVII в. н. э. великие мечети в Исфагане. Эти строения сочетают монументальность с изяществом орнамента, филигранно покрывающим изразцовый мозаикой огромные площади стен, с легкостью совмещающуюся с несоместимым. Создается впечатление, будто через тысячелетия до нас доносится отголосок древнеэламского искусства.

Ярким образцом керамики из слоя Сузы А является экспонирующийся в настоящее время в Лувре кубок, изображенный на рис. 33 и фото 21. Я приведу здесь превосходное описание Эдит Порады [16, стр. 21—22] об этом эламском шедевре IV тысячелетия до н. э.

Главная фигура — горный козел, туловище которого изображено двумя плотно соединенными треугольниками с вогнутыми боковыми линиями. Изгиб спины продолжается в великолепном размахе рогов, которые обрамляют непонятный круглый предмет, обнаруживающий в центре ряд линий, а с двух сторон от них крестообразно заштрихованные сегменты. Возможно, что этот элемент призван лишь заполнить пустое пространство, однако не исключено, что его следует истолковать как символическое изображение растения на пастбище. Козлы — по одному с двух сторон — вписаны в рамку, которая суживается книзу и подчеркивает таким образом форму сосуда. Над рамкой изображен ряд борзых, вытянутые туловища которых снова подчеркивают округлость кубка, так же как и темные полосы, сопровождающие все горизонтальные линии сверху и снизу. Верхний ободок разрисован птицами с длинными, тонкими шеями, образующими нежный легкий орнамент, в то время как толстая кайма черного цвета снизу придает всему кубку устойчивость. Однако наше описание может лишь перечислить элементы украшения сосуда, но ни в коей мере передать то необыкновенное чувство, вызываемое гармонией очертаний, выраженной в каждой отдельной детали.

Эламское художественное творчество III тысячелетия дошло до нас преимущественно в творениях резчиков печатей. Они совершенствовали наследие, завещанное им мастерами IV тысячелетия. О чрезвычайно яркой



Puc. 33



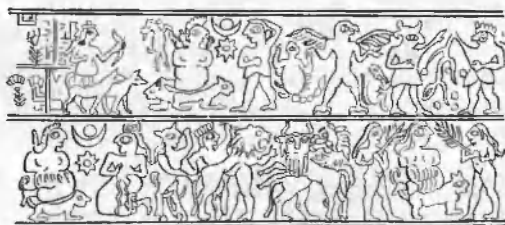
Puc. 34



Puc. 35



Puc. 36



Puc. 37

силе воображения древних эламитов мы уже упоминали выше, в конце гл. I. Эта ярко выраженная, типично «эламская» фантазия избрала предметом своих интересов неизведанные глубины человеческой души, неудержимо притягиваемая темными сторонами человеческой натуры. Она с особым пристрастием порождала мифические существа и странные чудовища.

Таким существом является грифон (рис. 34) — крылатый лев, с головой и передними лапами хищной птицы. Грифон — истинно эламское творение. Он проник, не будучи известен в Месопотамии, в качестве сюжета до самого Египта. В то время как эламит, с одной стороны, страшился этих чудовищ — плода своей фантазии, с другой, — хотя и несколько принужденно, потешался над ними. Неотъемлемая черта духовного облика древнего эламита — гротесковый юмор, который появился в «странах заходящего солнца» лишь со стилем маньеризма. Как доказательство эламской склонности к гротеску я приведу печать на рис. 35: хвостатые чудовища — наполовину обезьяны, наполовину львицы, — довольные, спускаются на барках через тростниковые заросли вниз по реке; весла стоят рядом с ними в лодках; их послушно сопровождают большие рыбы.

Наивно-натуралистические мотивы IV тысячелетия уступают в III тысячелетии мотивам, в которых эламиты проявляют свое отношение к силам, господствующим в человеческом обществе и в природе. Примером этого служит рис. 36: в бесконечной последовательности здесь чередуются два мотива. В первом — бык в вертикальном положении укрощает двух сидящих львов, во втором — стоящий лев укрощает двух заупрямившихся быков. Пьер Амье усматривает в этом рисунке символическое изображение гармоничного круговорота во вселенной. Можно, например, рассматривать этот рисунок как изображение лета и зимы, которые постоянно приходят на смену друг другу. Правда, все это — лишь предположения. Однако, бесспорно, остается впечатление драматического равновесия противоборствующих сил в природе, а также чувство, что эламиты были удивительными людьми...

Это ощущение более усиливается при рассмотрении шедевра эламского прикладного искусства (рис. 37). Можно без конца разглядывать причудливые образы,

будучи захваченным их таинственными действиями, недоуменно вопрошая о смысле изображаемого.

Из образов этого рисунка в Двуречье встречается лишь сюжет сидящих на животных божеств. Все остальное является чисто эламским плодом фантазии и образом мыслей: полумесяц со звездой, скорпион с человеческой головой, человекобык и, конечно, грифон. То, что в изображениях на печатях IV тысячелетия можно было принять как случайное порождение фантазии, обретает в III тысячелетии форму, осуществляется по всем правилам искусства и поднимается до масштабов космического. Разумеется, прелестная цилиндрическая печать могла бы нам помочь глубоко проникнуть в духовный мир древних эламитов — если бы у нас был ключ к их тайнописи. Однако эламиты не были бы эламитами, если бы они оставили нам этот ключ в своих письменных памятниках.

Другим самобытным достижением эламского художественного творчества III тысячелетия являются доведенные до совершенства маленькие сосуды из просвечивающего алебастра, найденные в одном из больших кладов в Сузах. Они часто представляют собой каких-нибудь животных, иногда с элементами юмора. Вот, например, фигура обезьяны, сидящей в забавной и вместе с тем естественной позе, или изображение стилизованного голубя, с молчаливым упреком уставившегося своими большими круглыми глазами на мир, — и это всего лишь маленький флакончик для духов...

Своего расцвета и непревзойденной зрелости эламское искусство достигло в XIII в. до н. э. при царе Унташ-Напирише.

Художественное мастерство той эпохи проявляется, с одной стороны, в совершенном владении бронзовым литьем, с другой — в замыслах и творениях зодчих, воплощенных, например, в пожертвованной Унташ-Напиришей ступенчатой башне в Чога-Замбиле.

Завоевавшие несколько десятилетий назад мировую славу так называемые лурестанские бронзовые изделия, датированные I тысячелетием до н. э., базировались, как мне кажется, на наследии высокоразвитого искусства отливки из бронзы II тысячелетия и особенно XIII в. до н. э. Так, например, бронзовый топор царя Унташ-Напириши, пожертвованный им зиккурату, мы, как и

Андре Годар, рассматриваем как предварительный этап и образец позднейших лурестанских изделий из бронзы. Бронзовое лезвие топора выступает из раскрытой пасти льва; на конце рукоятки сидит притаившийся, дикий кабан из золота (или электрона). Впоследствии это украшение топоров и тесел все более совершенствовалось, пока из них внезапно не получилось то, что слывет истинной художественной формой лурестанской бронзы. Поэтому естественно искать место изготовления всех эламских изделий из бронзы в Лурестане, по-видимому в его северных частях, у сегодняшнего Нехавенда и Херсина.

Непревзойденным шедевром эламского бронзового литья является уже упомянутая выше (в гл. VI) статуя супруги Унташ-Напириши царицы Напирасу, найденная в Сузах (фото 24). Зрителя до сих пор захватывает величие и благородное спокойствие, исходящее от этой поистине царственной фигуры. Так как на статуе отсутствует голова, взгляд с повышенным вниманием устремляется на сложенные в молитве руки с длинными изящными пальцами. Вылепленная первоначально из воска, статуя была затем отлита в два приема и тщательно отделана. Уже одно то, что статуя весит около 1800 кг, свидетельствует о выдающихся технических достижениях эламских бронзовых дел мастеров.

Самым великолепным свидетельством эламского строительного искусства является наполовину сохранившаяся до наших дней, уже неоднократно упоминавшаяся ступенчатая башня в Чога-Замбиле (древний Дур-Унташ). Ступенчатые башни Месопотамии, включая самую большую башню в Уре, в значительно большей степени подверглись разрушению и выветриванию, чем эламская «вавилонская башня». Вместе с тем обнаружилось, что эламиты при закладке и архитектурном решении своих зиккуратов шли своими, абсолютно независимыми от Двуречья путями.

Поскольку ступенчатая башня Унташ-Напириши позволила нам судить о религиозном мире эламитов, мы ее уже коснулись в гл. III. Здесь мы попытаемся отметить преимущественно архитектурное и техническое достоинства зиккурата в Чога-Замбиле.

При этом мы будем исходить из чертежа на рис. 38, представленного в 1962 г. Р. Гиршманом после окон-

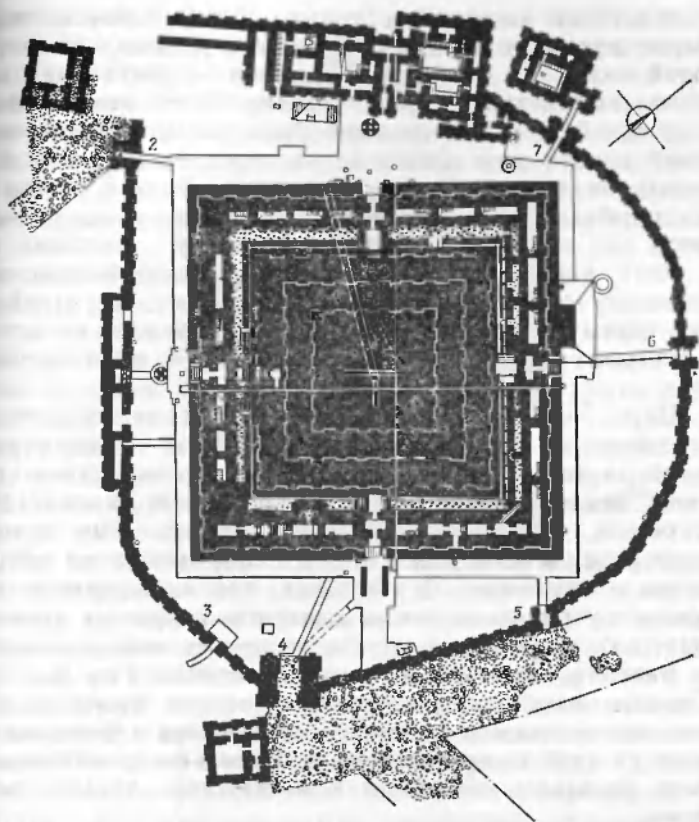


Рис. 38

чания раскопок французских археологов в Чога-Замбиле. Общее расположение уже с первого взгляда обнаруживает, что здесь мыслили и планировали широко. Проектировщиком был, вероятно, не кто иной, как сам царь Унташ-Напириша. Однако это предположение ни в какой степени не умаляет мастерство его зодчих и ремесленников.

Даже беглый просмотр фото 7—9 позволяет догадываться о той огромной затрате труда, которая была необходима для возведения этого гигантского сооружения. Можно не опасаться сравнения его с современными высотными зданиями.

Сначала необходимо было изготовить миллионы не-

обоженных кирпичей и сотни тысяч обоженных. Сырье для этого можно было найти, правда, тут же. а водой снабжала протекающая всего на расстоянии полтора километров р. Диз. Однако очень хлопотливой, трудоемкой и дорогостоящей была заготовка топлива, необходимого для производства прекрасных, больших клинкеров и строительного кирпича. Ведь Сузиана и сегодня бедна лесом (подобное положение, однако, изменится с сооружением водоподъемной плотины на р. Диз), в древности была не богаче. Естественно, что древесину поэтому приходилось привозить из отдаленных горных районов Лурестана, доставляя на ослах и буйволах к р. Диз, а затем сплавляя ее вниз по течению.

Царь Унташ-Напириша был вынужден собирать и содержать в течение десятилетий целую армию строителей, насчитывающую десятки тысяч формовщиков кирпичей, ремесленников по обжигу кирпичей, каменщиков, грузчиков, подручных, погонщиков ослов. Ему нужны были специалисты для сложных сооружений по обводнению и осушению Дур-Унташа, для изготовления наружного украшения стен из изразцов, покрытых цветной глазурью, и изготовления бесчисленных пожертвований из металла, мрамора, фритты или стекла. Ему был необходим целый штат усерднейших писцов, чтобы надписать многие тысячи кирпичей, ибо все они надписаны от руки, ни один не проштампован. Невольно проникаешься очень большим уважением к мастерству древних эламитов.

Теперь перейдем к деталям. Основание ступенчатой башни, если смотреть на рис. 38, составляет квадрат, каждая сторона которого равна 105 м. Следовательно, каждая сторона зиккурата была равна у основания 200 эламским локтям. Локоть, равняющийся 52,5 см, как единица измерения сохранился в Иране до введения в XX в. метрической системы, т. е. практически он просуществовал без изменения более 3000 лет.

Углы упомянутого квадрата расположены точно по четырем странам света. (На рис. 38 справа сверху расположен северный угол.) Ступенчатая башня окружена крепостной стеной. Она самая внутренняя из трех кре-

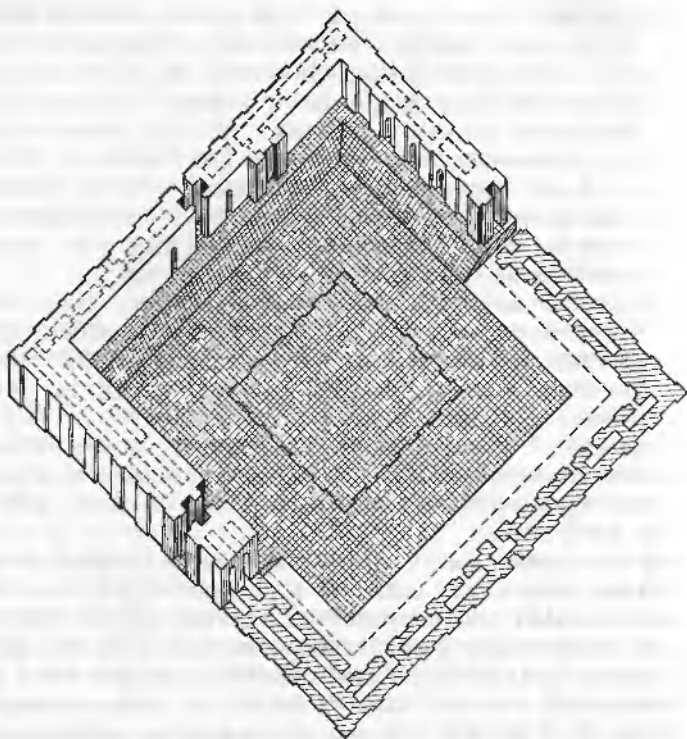
постных валов Дур-Унташа. В этой стене имеются семь ворот. Я их пронумеровал на рис. 38, чтобы упростить описание. Цифра семь имела, очевидно, и для эламитов особое значение. Она встречается также в маленьких, сооруженных из кирпичей столах для жертвоприношений перед юго-восточной лестницей зиккурата в Чога-Замбиле. Здесь два ряда по семь таких столов. По-видимому, во время культового обряда в жертву приносили дважды по семь животных; яма и слив для стока жертвенной крови сохранились до наших дней.

Вход перед воротами № 3 вблизи южного угла резко выделяется на общем фоне, поскольку он единственный вымощен тесаными камнями, стыки которых заделаны битумом. Камень, несомненно, хранит следы двух колес. Значит, ворота № 3 использовались для подъезда повозок. Так как они были довольно неприглядными, можно предположить, что через эти ворота в передний двор зиккурата доставлялись исключительно жертвенные животные.

Все остальные шесть ворот сооружены на мощенных кирпичами дорожках, ведущих к ступенчатой башне, но во всех случаях они проложены наискось, а не прямо. На эту особенность уже указывалось выше (в тл. III).

Самыми большими из семи являются ворота № 4 на юго-восточной стороне, справа от «ворот для повозок». Археолог Р. Гиршман назвал их «царскими воротами». Так как, однако, в среднем из трех крепостных валов — между священным округом Сиянкуком и городом Дур-Унташ — был обнажен портал, названный, согласно найденной надписи с наружной стороны, «большим порталом», а с внутренней стороны — «царским порталом», мы во избежание недоразумений назовем ворота № 4 «царскими воротами зиккурата».

Как показывает рис. 38, перед воротами №№ 2, 4 и 7 было построено по четырехугольному храму. Храм у ворот № 7 был, судя по надписям, посвящен богу Хумпану. Слева, рядом с ним, перед воротами № 1 располагались сразу два храма: крайний слева — храм богине Ишникараб, а между ними и храмом Хумпану — храм великой богини Киририши. У ворот № 6 также были найдены, хотя и скудные, остатки наружного храма. Перед воротами № 5 все следы давней застройки смыты. Все же можно согласиться с Р. Гиршманом, что перед всеми



С

Рис. 39

шестью воротами, через которые люди попадали в передний двор, было возведено по храму. Кто хотел попасть во внутреннюю святыню, должен был, таким образом, еще за стеной зиккурата оказывать богам свое глубокое почтение и, вероятно, совершать небольшие жертвоприношения.

Трудно сказать, что представляли собой три круглых строения, расположенных вблизи лестничных маршей со всех сторон зиккурата, за исключением юго-восточной, или «царской» стороны. Длина их в диаметре — 4 м, в каждом из них по четыре ниши, из которых каждая увенчана тройным сводом. Фриз с надписью окаймляет

каждую ротонду. Из надписей мы узнаем, что загадочные строения по-эламски назывались *šunšu igri* и были посвящены богам Хумпану и Иншушинаку. Таким образом, все было бы ясно, если бы мы расшифровали значение слов *šunšu igri*.. Но поскольку в юго-восточном переднем дворе, который, по всей видимости, предназначался царю, не было подобной ротонды, эти три строения можно было бы принять за пьедесталы, на которых возвышались статуи царя. Таким образом, когда царь не мог явиться лично, статуи заменяли его на трех сторонах зиккурата.

При описании фасада Чога-Замбия мы опираемся на более твердые данные.

Ступенчатая башня в Дур-Унташе, как проницательно предугадал Р. Гиришман, была сооружена не за один прием, а в две четко различимые друг от друга очереди. Последнее доказывает поисковый ров, прорытый с северо-западной стороны до середины зиккурата. Этот проложенный во время раскопок в 1960—1961 гг. ров внесен в чертеж на рис. 38. Выяснилось, что во время первой очереди строительства была сооружена только та часть строения, которая воспроизведена на рис. 39 по чертежу архитектора П. Оберсона.

Вокруг стометрового в квадрате внутреннего двора, тщательно вымощенного обожженным кирпичом, поднялась первая ступень зиккурата в виде четырехугольника высотой 8 м. Ширина трех его сторон составляет по 8 м, ширина же четвертой стороны на северо-востоке — 12 м. Мы можем ее обозначить как «фасад» зиккурата в отличие от «царской стороны» на юго-востоке. В четырехугольном строении первой ступени размещены 28 небольших помещений. Некоторые из этих помещений были доступны лишь при помощи лестниц, ведущих сверху вниз. Поскольку двери в них открывались наружу, все они вели во внутренний двор, за исключением двери комнаты № 19 (см. рис. 38).

На юго-востоке по обе стороны лестницы первой ступени были встроены по храму богу Иншушинаку. Обозначенный Р. Гиришманом как храм «А» (напротив ворот № 4), он, очевидно, до тех пор использовался для культовых целей, пока не была закончена первая сту-

пень башни. Когда затем приступили к возведению других ступеней, храм «А» был замурован.

Его заменил храм «Б» (напротив ворот № 5), с выходом из комнаты № 19 в юго-восточный передний двор. Р. Гиршман был, вероятно, прав, толкуя это строение как «нижний храм», который в отправлении культовых обрядов зависел от «верхнего храма», расположенного на самом верху зиккурата. Нечто подобное мы уже могли наблюдать около 2250 г. при храме Иншушинака в Сузах: царь Кутик-Иншушинак тогда ежедневно приносил в жертву животных как для нижнего, так и для верхнего храма. В то время, однако, как в Двуречье нижний храм всегда строился вне (хотя и вблизи) зиккурата, по эламским понятиям, очевидно, требовалось, чтобы нижний храм представлял собой встроенный компонент ступенчатой башни.

О храме «Б» Р. Гиршман, далее, высказывает следующее: «Нужно отметить еще одну особенность этой маленькой святыни: слева от его передней было обнаружено помещение с ложем из кирпичча-сырца напротив ниши в каменной стене». (Очевидно, подразумевается комната № 18 на рис. 38.) «Возможно, что это помещение предназначалось божееству, спустившемуся из своей „резиденции“ наверху ступенчатой башни, как место отдыха, а возможно, оно должно было служить совершенно иным целям, а именно для обряда „священного брака“, о чем свидетельствуют маленькие терракотовые статуэтки, изображающие чету, отдыхающую на ложе. Такие статуэтки нам часто доводилось находить в эламских слоях в Сузах» [2, стр. 13].

Когда приступили ко второй очереди строительства, то одновременно начали возводить вторую, третью и четвертую ступени зиккурата. Три следующих яруса были возведены с поверхности двора, так что они коробкообразно выдвигаются из I яруса. Мощение внутреннего двора сохранилось тем временем лишь под центральным, т. е. IV, ярусом.

Именно на этом IV ярусе как венец всей громадной постройки возвышался верхний храм Иншушинаку. От этого kikipit (иногда его также называют ulhi — дворцом) сохранились лишь размытые кирпичи. Однако

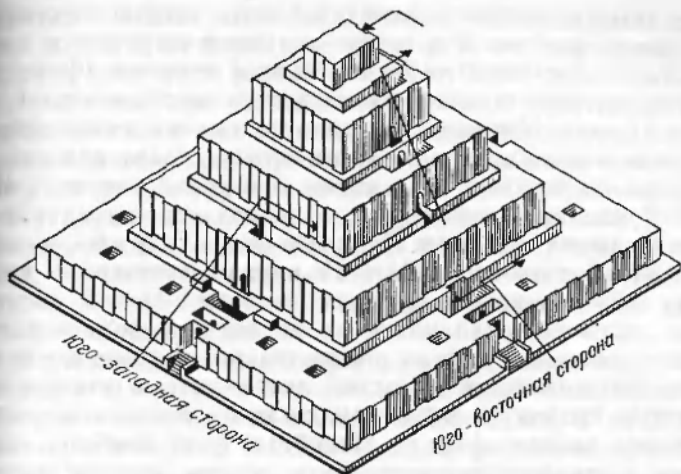


Рис. 40

его размеры поддаются довольно точному определению. Основанием IV яруса служил четырехугольник, каждая сторона которого равнялась 35 м. Исходя из этого можно предположить, что каждая сторона верхнего храма равнялась 20 м. Можно также определить его приблизительную высоту. Мы убедились, что I ярус зиккурата имел высоту 8 м. Высота II яруса составляла 11,55 м, и такую же высоту имели, по-видимому, III и IV ярусы. Высота сооружения до основания IV яруса достигала приблизительно 42,5 м. Многое, однако, указывает на то, что ширина зиккурата превышала его высоту в два раза. Следовательно, его высота должна была составить 100 эламских локтей, или 52,5 м. Поэтому высоту верхнего храма можно с достаточной степенью достоверности определить в 10 м. Так что ширина верхнего храма, как и ширина самого зиккурата, превышала в два раза его высоту, и в целом он, бесспорно, являл собой в высшей степени впечатляющее строение, откуда можно было любоваться даже зиккуратом в Сузах.

Особый интерес представляют собой лестницы ступенчатой башни, так как они были весьма разного назначения.

Как видно на рис. 38 и 40, в середине каждой из четырех сторон зиккурата было встроено по лестнице.

Все четыре лестницы вели на I ярус, однако лестницы на северо-восточной и северо-западной сторонах — только на I. Лестница на юго-западной стороне (фото 9), напротив, делала возможным доступ не только на I, но и на II ярус. Наконец, лестница на юго-восточной стороне, как и подобало «царской стороне», была для самых привилегированных участников церемоний (ср. рис. 40). Она брала начало напротив «царских ворот зиккурата», между двумя храмами Иншушинака, «А» и «Б», и вела по прямой линии к I, III и IV ярусам, миновав II ярус, куда вела только юго-западная лестница. Пятая, последняя, лестница, находилась на IV ярусе и вела к входу в верхний храм, однако показательно, что она не являлась продолжением «царской лестницы», а огибала восточную сторону и затем выходила на северо-восточную сторону, или на «фасад». Подобный факт особенно ощутимо заставляет почувствовать, каким неподобающим должно было показаться эламиту приближение к входу в святыню по прямому пути. Это можно было сделать лишь наискось или завернув за угол...

Попытаемся в заключение составить общую картину ступенчатой башни, а также представить себе исторические и религиозные события, связанные с ней.

Остановимся на большом празднике, упомянутом в эламском календаре, — новом годе, выпадавшем на I ланлубе на новолуние во время осеннего равноденствия. Царь Унташ-Напириша в сопровождении своей супруги Напирасу и наследника Унпатар-Напириши (своего племянника), а также других представителей царской семьи направляется в парадной колеснице от своего дворца к «царским воротам зиккурата» на юго-восточной стороне ступенчатой башни. После краткой молитвы в храме Хумпана царская семья идет к воротам № 4. Из огромного глиняного кувшина (были найдены его осколки) жрецы поливали воду на руки царя и царицы, чтобы они стали в культовом отношении чистыми. Затем царская чета становится спинами почти вплотную к внутреннему валу напротив юго-восточной лестницы... Здесь сохранились два выложенных кирпичом возвышения: одно, побольше, — для царя Унташ-Напириши, другое, рядом справа, поменьше, — для царицы Напирасу.

Еще задолго до начала церемонии все население Дур-Унташа стекалось к северо-восточному фасаду зик-

курата. По всем дорогам длинные процессии получивших право участвовать в культовом обряде стекались к храму по строго установленной субординации со скрещенными на поясе в молитве руками. Особенно бросались в глаза три процессии, звездообразно и размеренным шагом направлявшиеся с северо-восточного портала среднего вала к воротам №№ 5, 6 и 7. С внутренней стороны вала зиккурата привилегированные участники процессии занимали места на вымощенных «эстрадах», окаймляющих ступенчатую башню со всех четырех сторон. Большинство же теснилось в переднем дворе северо-восточного фасада.

Праздничное отправление культа начиналось с приношения в жертву животных на дважды семи жертвенных столах перед юго-восточной лестницей в присутствии царя и царицы и сопровождалось пением, игрой на арфах, лирах и флейтах. По всей вероятности, жертвоприношения совершались одновременно и на других трех сторонах зиккурата, где царь Унташ-Напириша присутствовал лишь в виде статуи на пьедестале.

После окончания церемониала с жертвоприношениями избранные участники поднимались вверх, на яруса зиккурата. Широким потоком низшие придворные и рядовые жрецы шли по лестницам северо-восточной и северо-западной сторон на I ярус. Тот, кто имел право, направлялся на широкую площадку северо-восточного «фасада» — ведь она была на 4 м шире трех других сторон зиккурата. Высшие должностные лица и сановники взбирались с юго-западной стороны на II ярус, затем шествовали направо и, обогнув два угла зиккурата, также выходили на северо-восточную сторону.

Вот, наконец, идет и царь Унташ-Напириша. Он проходит через два ряда алтарей к лестнице на юго-востоке, жертвует божеству напиток (приспособление для стока сохранилось) и торжественно поднимается, сопровождаемый высшим жречеством и придворными, на зиккурат. На третьем ярусе его покидают низшие чины из придворных, чтобы, обогнув угол, направиться направо и также прошествовать на северо-восточную сторону. Сам царь продолжает восходить в сопровождении очень небольшой свиты до IV яруса. Однако здесь и он поворачивает направо, огибает восточный угол и до-

ходит, таким образом, к основанию лестницы, ведущей в святая святых.

Свита сопровождает его до IV яруса на северо-восточной стороне. Здесь она останавливается. Сосредоточенно, с огромным волнением многотысячная толпа взирает на своего повелителя, который, сопровождаемый лишь верховным жрецом, продолжает подниматься по ступеням, ведущим к верхнему храму Иншушинака. Венчающее зиккурат святилище господствует в это мгновение над всей Сузианой. Стены, украшенные изразцами, покрытыми золотой, серебряной и желтой глазурью, а также выступающие из стен огромные выступы из бронзового литья ярко блестят и сверкают на осеннем солнце. Затаив дыхание, празднично разодетая толпа безмолвно следит за царем Унташ-Напиришей, который направляется к верхнему храму. Верховный жрец открывает ему бронзовые ворота, предварительно смазав их священной мазью. После этого царь предстает перед самим божеством...

На этом мы прерываем наше повествование. Что касается архитектурных творений в Эламе более позднего периода, то таких памятников, которые можно было бы сравнить с зиккуратом в Чога-Замбиле, не сохранилось. Об эламском искусстве после Среднеэламского периода некоторые разъяснения дают фото 6, 10, 12, 13, 26, 27. Однако находок и памятников пока слишком мало, чтобы можно было приступить к детальному изложению какого-либо из них. Будущие раскопки в Сузиане и Лурестане, а также в Западном Фарсе могут изменить это положение.

Когда в 538 г. Элам вошел в империю Ахеменидов, персы стали наследниками эламского искусства и культуры. Еще задолго до этого, приблизительно с 695 г., став восточными соседями и согражданами Элама, они прошли у них хорошую школу. Михаил Ростовцев зашел в своем «Очерке истории Древнего мира»¹ настолько далеко, что утверждал, что сам Кир Великий черпал свою культуру и способности к политической деятельно-

¹ Переведено на немецкий язык Генрихом Шедером, Лейпциг, 1941, I, 131/2.

сти из эламского источника. Во всяком случае, эламское культурное наследие пустило глубокие корни в истории культуры Ирана. Еще сегодня до нас доносится его далекий отголосок.

Но для того чтобы выявить это наследие, необходимо предпринять в будущем серьезные исследования. И тот, кто проявляет интерес к истории и культуре древнего мира, всегда будет пленен народом Элама. Что касается истории государства Элам, то здесь еще столько белых пятен, что и много лет спустя она представит большой интерес для тех, кто займется этой темой.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Цари Авана

Три неизвестных царя — приблизительно около 2600 г.

Пели — приблизительно около 2500 г.

Тата

Уккутахиш

Хишур

Шушунтарана

Напилхуш

Киккусиветемпти

Лухишшан — современники Саргона Аккадского (около 2371—2316)

Хишепратеп

Хелу (2320?—2290?) — вероятно, современник аккадских царей Римуша (2316—2307) и Маништусу (2307—2292).

Хита (2290?—2250?) — современник аккадского царя Нарам-Сина (2292—2255).

Кутик-Иншушинак (акк. Пузур-Иншушнак) (2250?—2220?) — современник аккадского царя Шаркалишарри (2255—2230)

Цари Симашки

Гирнамме — современник Шу-Сина из III династии Ура (2038—2030)

Энпилуххан — современник Ибби-Сина (2030—2006)

Хутрантемпти (2010?—1990?)

Киндату (1990?—1970?)

Идатту-Иншушнак (=Идатту I) (1970?—1945?)

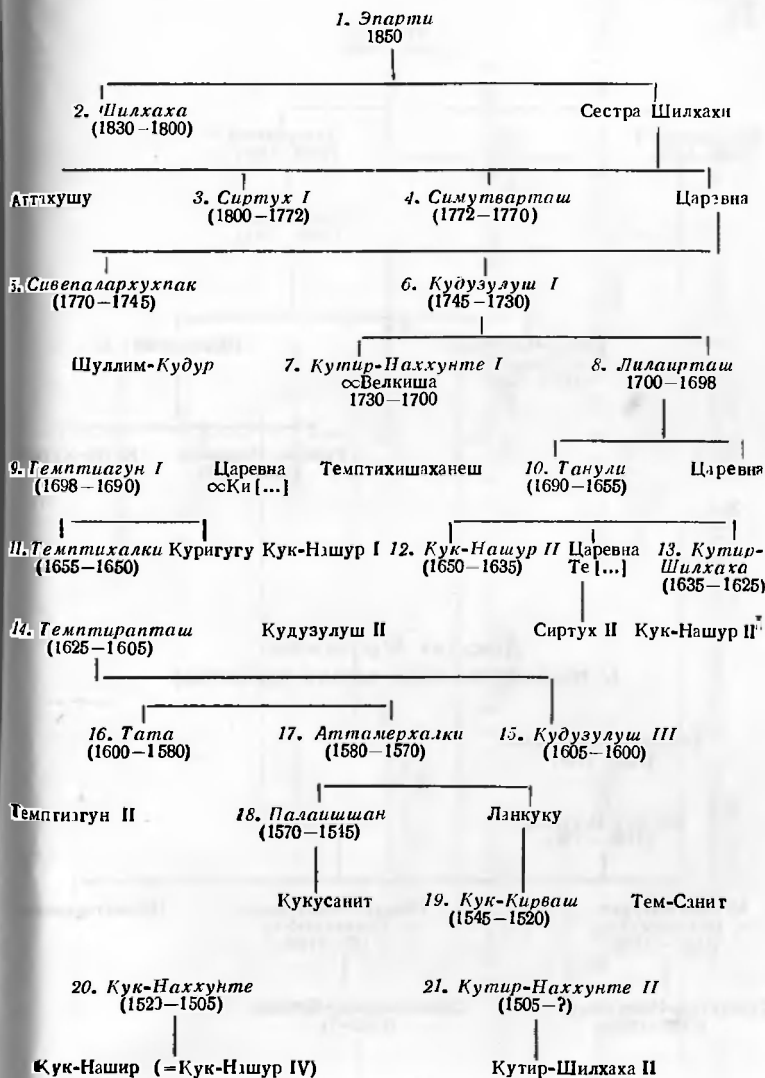
Тан-Рухуратир (1945?—1925?)

Идатту II (1925?—1900?)

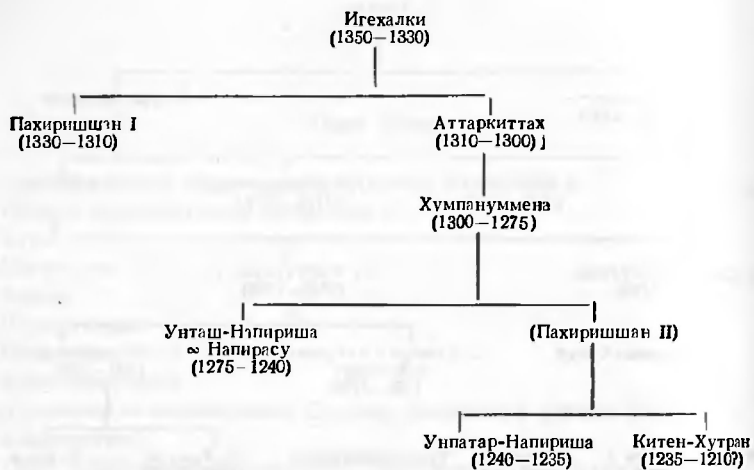
Идаттунапир (1900?—1875?)

Идаттутемпти (1875?—1850?)

Династия Эпартидов или верховных правителей
(с приблизительными датами правления)



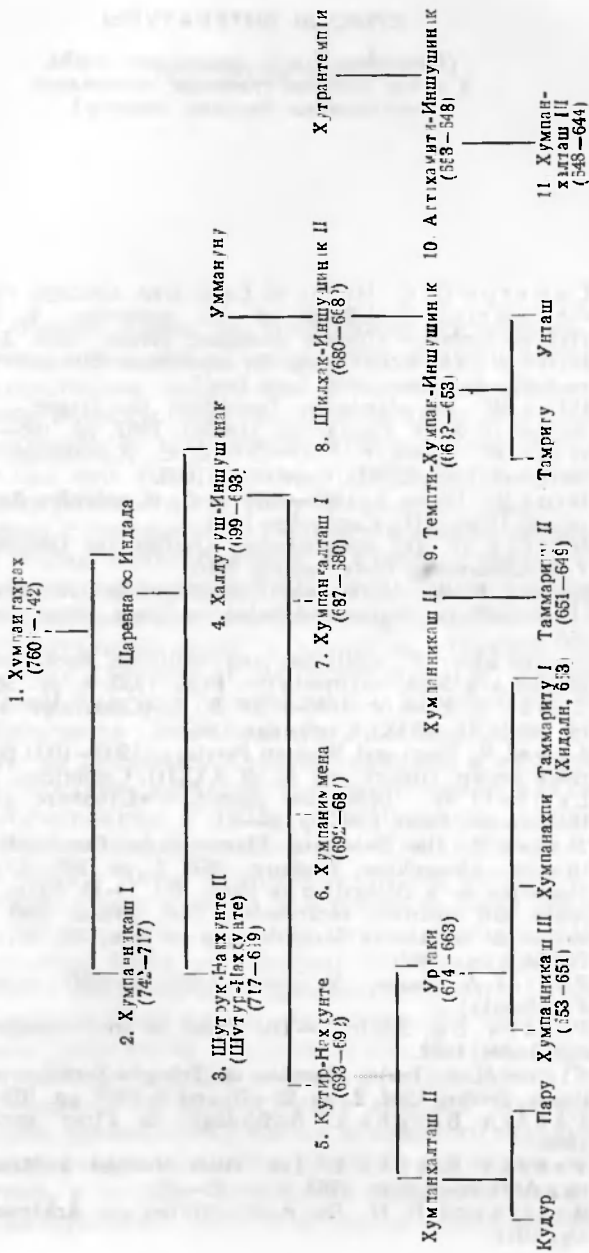
Династия Игехалкидов
(с приблизительными датами правления)



Династия Шутрукидов
(с приблизительными датами правления)



Ново-амжис царь



СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*(Приведены лишь важнейшие труды,
а в них указаны страницы, специально
посвященные данному вопросу)*

1. Cameron G. G. History of Early Iran, Chicago, 1936.
2. Ghirshman R. L'Elam et les recherches à Dur-Untashi (Tchoga-Zanbil),—«Iranica Antiqua», Leiden, 1963, 3, pp. 1—21.
3. Hinz W. Zur Entzifferung der elamischen Strichschrift,—«Iranica Antiqua», Leiden, 1962, 2, pp. 1—17.
4. Hinz W. Die elamischen Inschriften des Hanne,—«Volume in honour of S. H. Taqizadeh», London, 1962, pp. 105—116.
5. Hinz W. Persia, c. 2400—1800 B. C. (Cambridge Ancient History, vol. I, ch. XXIII), Cambridge, 1963.
6. Hinz W. Persia, c. 1800—1550 B. C. (Cambridge Ancient History, vol. II, ch. VII), Cambridge, 1964.
7. Hüsing G. Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams, T. I; Altelamische Texte, Leipzig, 1916.
8. König F. W. Mutterrecht und Thronfolge im alten Elam,—«Festschrift der Nationalbibliothek in Wien», Wien, 1926, 529 bis 552.
9. Koschaker P. Göttliches und weltliches Recht nach den Urkunden aus Susa,—«Orientalia», Rom, 1935, 4, pp. 38—80.
10. Labat R. Elam, c. 1600—1200 B. C. (Cambridge Ancient History, vol. II, ch. XXIX), Cambridge, 1963.
11. Labat R. Elam and Western Persia, c. 1200—1000 B. C. (Cambridge Ancient History, vol. II, ch. XXXII), Cambridge, 1964.
12. Lambert M. Littérature élamite,—«L'histoire générale des littératures», Paris, 1961, pp. 36—41.
13. Mayer R. Die Bedeutung Elams in der Geschichte des alten Orients,—«Saeculum», Freiburg, 1956, 7, pp. 198—220.
14. Mémoires de la Délégation en Perse, Bd. 1—13, Paris, 1900—1912, später mit mehrfach verändertem Titel, zuletzt (seit 1943). Mémoires de la Mission Archéologique en Iran; Bd. 36, Paris, 1954, Bd. 34, Paris, 1961.
15. Parrot A. Sumer, München, 1960 (enthalt viele elamische Kunstwerke).
16. Porada E. D. Alt-Iran — Die Kunst in vorislamischer Zeit, Baden-Baden, 1962.
17. Steve M.-J. Textes élamites de Tchogha-Zanbil,—«Iranica Antiqua», Leiden, 1962, 2, pp. 22—76 und 3, 1963, pp. 102—123.
18. Vanden Berghe L. Archéologie de l'Iran ancien, Leiden, 1959.
19. Vanden Berghe L. Les reliefs élamites à Malamir,—«Iranica Antiqua», Leiden, 1963, 3, pp. 22—39.
20. Weissbach F. H. Die Keilinschriften der Achämeniden, Leipzig, 1911.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Элам, будучи одним из древнейших государств Передней Азии, имел весьма продолжительную историю. Он просуществовал почти два с половиной тысячелетия. Не все вопросы многовековой истории этого государства изучены в одинаковой степени. Язык же эламитов до сих пор недостаточно понятен, хотя изучение его началось более ста лет тому назад.

Примерно с середины XIX столетия составленные на эламском языке клинообразные надписи, ставшие известными благодаря письменным источникам ахеменидских царей, привлекали внимание научного мира. Первые предварительные шаги в изучении эламской письменности были сделаны Н. Вестергардом и Э. Хинксом. Тем временем будущий расшифровщик клинописи Х. Раулинсон обнаружил Бехистунскую надпись Дария I, составленную на древнеперсидском, эламском и аккадском языках. Настоящее изучение эламского языка началось после опубликования в 1853 г. Э. Норрисом второго столбца Бехистунской надписи. Этот непонятный язык второго столбца тогда принимали то за скифский, то за мидийский. Лишь в конце XIX в., когда были обнаружены другие эламские надписи, принадлежность языка второго столбца была установлена окончательно.

Благодаря расшифровке древнеперсидского письма тайна клинописи была быстро разгадана. Но тайну эламского языка предстояло еще разгадать. В этом отношении значительную помощь оказала трехязычная Бехистунская надпись. Эламский текст надписи был понят на основании древнеперсидского и аккадского вариантов. Тем временем археологи обнаруживали все новые и новые надписи, в полном понимании языка которых появлялись затруднения. Многие слова не имели аналогий

в Бехистунской надписи. Издавая обнаруженные надписи и документы, Ф. Вайсбах, В. Шейль, Г. Хюзинг, Ф. Борк и Ф. Кениг нередко давали их посильный перевод или комментарии к ним. Они были не только эламитологами, но и иранистами, и ассириологами. Сам характер научного объекта требовал разносторонних знаний. Подобное обстоятельство помогло исследовать эламские тексты, особенно ахеменидского времени. Но старо- и среднеэламские тексты все еще требуют самого пристального внимания. Именно с этой весьма трудной области начал свои эламитологические штудии В. Хинц, автор издаваемой книги «Государство Элам». Из-под его пера вышли работы, посвященные истории Ирана с древних времен до XX в. Появлению издаваемой книги предшествовали работы по отдельным вопросам языка, культуры и истории Элама как самого автора, так и других исследователей.

Книга В. Хинца «Государство Элам», состоящая из восьми глав, предисловия и введения, повествует о политической истории, языке, культуре, праве и религии Элама. Однако отсутствие прямых и достоверных письменных источников не позволяет полностью воссоздать историю этого государства. Поэтому автор не только не довольствуется достижениями эламитологии, но и по-новому освещает некоторые вопросы истории Элама, дает перевод эламских терминов и текстов, содержание которых до сих пор было неизвестно, предлагает новую хронологию для ряда династий и т. д. Популярная по форме, книга представляет собой плод научных исследований. Она отличается новизной в изложении материала: автор стремился увлечь читателя, повествуя об истории Элама интересно и доступно, в то же время сохраняя научное обоснование тех или иных положений. Весьма обстоятельно, насколько позволяли источники, изложена политическая история Элама, живо повествуется повседневная жизнь эламитов, определенное представление дается о культуре, письме, языке, религии и праве эламитян. Но хотелось бы высказать несколько замечаний относительно ряда положений автора. (См. также рец.: Ю. Юсифов. ВДИ, 1967, № 4, с. 168—171.)

По мнению автора, определяющим для истории и культуры Элама было сочетание равнины с горами, а именно Сузианы и Аншана. Этим он объясняет нали-

чие высокой культуры в Эламе (стр. 16, 66), хотя в развитии культуры основную роль играют кроме географического экономические и внешнеполитические факторы. В другом месте (стр. 66) автор говорит, что с приходом в Аншан персов и мидян это сочетание было нарушено, и поэтому закат эламского царства начался именно в VII в. до н. э. Распад же эламского государства он относит к 640 г. (стр. 38, 85) и ставит в связь с походом Ашшурбанапала. В нашей науке последний поход Ашшурбанапала датируется 639 г. Автор полагает, что завоевание Элама Ашшурбанапалом было даже не столь важно, ибо его падение было предопределено проникновением в Аншан — горную зону Элама — персов и мидян. Даже смерть Ашшурбанапала не изменила ничего в положении Элама. Однако проникновение мидян в Аншан документально не засвидетельствовано. Что касается персов, то время их проникновения в Аншан тоже точно не установлено. Имеется мнение, что оно могло иметь место и в VII в. до н. э., поскольку ряд ранних персидских царей названы царями Аншана. Однако вряд ли закат Эламского государства нужно объяснять предполагаемым фактом обоснования персов в Аншане.

Кроме того, выводам В. Хинца о падении Эламского государства после последнего похода Ашшурбанапала противоречат данные из Вавилонских хроник, согласно которым царь Навуходоносор II в 596—595 гг., вероятно, воевал с царем Элама. Об этой войне повествует и речь Иеремии об Эламе (49, 34—39), относящаяся к началу правления Седекии (597—586). Из этого сообщения вытекает, что Элам понес тяжелое поражение, видимо, от Навуходоносора, поскольку в речи Иеремии упоминается, правда в другой связи, также Навуходоносор, война которого с Эламом к тому же падает на начальные годы правления Седекии, царя Иудеи. В речи Иеремии говорится также об истреблении царя и правителей Элама. Данные Вавилонских хроник и соответствующий отрывок речи Иеремии приводят к выводу, что еще в начале VI в. до н. э. Элам сохранял свою независимость и имел своего царя, а также мелких правителей по областям. Следовательно, походы Ашшурбанапала (тем более и предполагаемый приход персов и мидян в Аншан) не привели к окончательному падению Элама. Поэтому

можно высказать предположение, что Элам перестал существовать как независимое государство при Кире II, либо в ходе его войны с мидянами, либо после этого.

Недостаточно аргументировано положение автора о том, что Эламское государство по своей структуре во все времена было союзным или федеративным государством (стр. 66). Для поддержания такого союза, согласно автору, цари стремились удержать около себя вождей путем установления уз кровного родства. Последнее мнение не засвидетельствовано источниками, а наличный материал показывает, что эламский правящий род избегал кровосмешения с иными родами, чтобы удержать власть в своих руках. Далее, мысль о существовании федеративного государства также не имеет под собой достаточной опоры и в том отношении, что федерация предполагает добровольное объединение, а имеющиеся сведения показывают обратное. Например, в надписи Пузур-Иншушинака (эламское — Кутиж-Иншушинак), жившего в XXIII в. до н. э., говорится о завоевании Кутиума, Хухнури и многих других областей и поселений (более 60), а царь страны Симашки, обнимая ноги завоевателя, признает его верховенство. Таким образом, царь Пузур-Иншушинак (у автора — Кутиж-Иншушинак) подчинил себе различные области Элама, в том числе Хухнури и Симашки, силой оружия.

Пузур-Иншушинак постепенно подчинил своей власти Сузы и другие области Элама. Это видно из его титулатуры. В списке эламских царей он назван царем Авага, но впоследствии он именуется правителем Суз и Элама. И вообще до правления Пузур-Иншушинака в Эламе существовало несколько государственных образований, такие, как Аван, Варахсе, Симашки, Аншан, возможно и Сузы. Обстоятельства объединения этих областей, кроме Симашки, нам неизвестны. Но не исключена возможность, что эти области, так же как и Симашки, были подчинены единому центру силой оружия. Начало же этому положил Пузур-Иншушинак.

В XXIII в. до н. э. неизвестный эламский правитель заключил договор о мире с аккадским царем Нарам-Синном. Это первый засвидетельствованный международный договор вообще. В. Хинц полагает, что другим контрагентом, заключившим этот договор, был одиннадцатый царь Авана — Хита (стр. 73). Это мнение, ко-

торое ничем не обосновано,— спорно и восходит к Дж. Камерону.

По всей вероятности, эламским царем в упомянутом договоре можно считать Пузур-Иншушинака, двенадцатого царя Авана. В пользу этого говорит следующее. Во-первых, нет никаких данных о том, что Хита правил также в Сузах, тогда как это положение письменно засвидетельствовано, как было указано выше, для Пузур-Иншушинака. Как раз в тексте договора фигурирует название Суз и имя Иншушинака, бога этого города. Нет сомнения, что Сузы подчинялись Пузур-Иншушинаку. Во-вторых, в пользу высказанного выше мнения свидетельствует также военная деятельность этого царя. Выше было отмечено, что Пузур-Иншушинак силой оружия подчинил себе некоторые страны и области, а именно Хухнури и Симашки, Кутиум и другие территории, среди которых не упомянут ни один пункт Двуречья, что можно объяснить наличием договора с Нарам-Синном. В силу этого Пузур-Иншушинак завоевывает близкие к Эламу области. В-третьих, возродив местные эламские традиции, Пузур-Иншушинак стал известной фигурой. В его правление впервые (поскольку других свидетельств об этом нет) стали использовать линейное письмо. Таким образом, введение в практику составления надписей на эламском языке — линейным письмом составлены тексты на эламском языке — также принадлежит Пузур-Иншушинаку. Поэтому инициатива составления текста договора на эламском языке могла исходить от него самого. В-четвертых, в одной из надписей Пузур-Иншушинака говорится, что божество Иншушинак подарило ему правление над четырьмя странами света. Подобный титул носил только Нарам-Син, и, скорее всего, Пузур-Иншушинак мог присвоить его лишь после смерти последнего, когда царем Аккада становится Шаркалишарри. Это обстоятельство помогает более или менее верно датировать правление Пузур-Иншушинака: он, вероятно, был современником двух аккадских царей, а именно Нарам-Сина и Шаркалишарри. Пока был жив Нарам-Син, он довольствовался титулами «царь Авана», «правитель Суз и Элама», после его смерти Пузур-Иншушинак присвоил его титул «царь четырех стран света». Следовательно, наиболее достоверными годами правления Пузур-Иншушинака можно принять 2260—

2230 гг. В связи с этим можно полагать, что договор мог быть заключен в 60-х годах XXIII в. до н. э. Учитывая приведенные выше аргументы, контрагентом Нарам-Сина в первом международном договоре, составленном на эламском языке, можно считать Пузур-Ид-шушинака.

В. Хинц полагает, что в результате заключения этого договора Элам стал зависимым от Аккада государством, хотя в поправке, внесенной в русский перевод, говорится, что «это был союзнический договор, а не документ о порабощении» (стр. 74). Но эта мысль не координируется с остальными положениями (ср., например, стр. 75—77), когда Элам ставится автором в зависимость от Аккада. Названный договор вовсе не свидетельствует о подчинении эламского царя Нарам-Сину или его преемнику. Это видно из соответствующего отрывка договора, в котором говорится: «Враг Нарам-Сина — также мой враг, друг Нарам-Сина — также мой друг». Отсюда вытекает, что в договоре имеется в виду равноправный союз.

Красной нитью по всей работе проходит мысль о том, что эламское престолонаследие основывалось на фратриархате, т. е. престол наследовали не сыновья, а братья царя (стр. 66, 87—94, 127). Это ошибочное положение, предложенное еще Ф. Кёнигом и П. Кошакером, не находит подтверждения в источниках. Подобное мнение возникло на основании существующей в эламском гражданском обществе формы договора о «братстве», который преследовал различные цели вплоть до объединения хозяйства. Договор о «братстве» даже не намекает на существование наследования трона братом. Правда, после смерти отца главенство в ведении общего хозяйства могло перейти к одному из братьев, так же как в царских семьях, где царю мог наследовать брат. Но это возникало не от того, что брат, как таковой, владел особым правом наследования, а от того, что братья соответственно были сыновьями патриарха или царя. Кроме того, главенство одного из братьев в ведении общего хозяйства или наследование престола братом в царских семьях совершенно не доказывает существования в Эламе фратриархата: истории вообще неизвестна такая стадия общественного развития.

В Эламе существовала матрилинейная система на-

следования власти, конкретно власть наследовал «сын сестры» правителя. Именно это составляло основу эламского престолонаследия в первой половине II тысячелетия до н. э., вероятно и раньше, откуда не победил патрилинейный принцип престолонаследия (см. Ю. Б. Юсифов, К вопросу об эламском престолонаследии, — ВДИ, 1974, № 3, стр. 3—19).

К сожалению, группа правителей первой половины II тысячелетия до н. э. не попала на страницы книги В. Хинца. Имеются в виду Кук-Кирваш и его преемники — Палаишшан, Кук-Санит, Темпти-Санит, Кук-Нах-зунте и Кук-Нашир. Они помещены лишь в конце хронологической таблицы Эпартидов. Из них Кук-Кирваш и Палаишшан были верховными правителями (суккальмахами) Элама, а первый в то же время — «сыном сестры» Шилхахи. Эту группу правителей можно поместить после Аттахушу, если учесть, что «сын сестры» часто является ближайшим преемником. Такая последовательность подтверждается и полиграфией документов. Документы с именами Кук-Кирваша и других как раз относятся к этому периоду — между правлением Шилхахи и преемников Сиртуха I. Вместе с тем хронология и последовательность правления эламских царей из династии Эпартидов отличается от того, что предлагается нами (см.: Ю. Б. Юсифов, Элам, Социально-экономическая история, М., 1968, стр. 75—76).

В своей книге В. Хинц касается также и содержания некоторых частноправовых документов. Однако и здесь переводы текстов и выводы автора иногда вызывают возражения. Так, в одном документе речь идет о претензии двух сыновей Дамкии на земельный участок Бели, сына Ахухуту: последний в свое время был принят Дамкией в «братство» без выдачи ему или получения от него какого-либо имущества. Согласно же толкованию автора получается, что Бели сохраняет за собой земельный участок, который его умерший отец якобы получил от Дамкии как его приемный брат (стр. 100). Однако дело обстояло иначе. Суд, который собрался для решения этой тяжбы, установил, что отец Бели вошел в «братство» без земли, а земля, оставленная Бели в качестве наследственной доли, была его собственным наделом. Об этом в документе говорится: «Поле в 1 гур площадью в третьем районе, принадлежащее Ахухуту,

отцу его, они очистили (от претензий) и затем Бели, сыну его, отдали».

Касаясь правового положения женщины, автор пишет: «По свидетельству источников, эламская женщина в Старовавилонский период достигла высокой степени равноправия в противоположность древним отношениям III или даже IV тысячелетия, когда братья пользовались особыми привилегиями, а сестры были обделены. Чем успешнее пробивали себе дорогу патриархальные отношения, в результате чего права наследования перешли исключительно к детям, тем больше улучшалось также положение эламской женщины» (стр. 107). Конечно, это мнение является результатом влияния теории о фратриархате, о несостоятельности которой говорилось выше. Сведений о привилегированном положении братьев в IV и даже III тысячелетиях нет. Наоборот, имеющиеся данные свидетельствуют о равноправном положении братьев и сестер; например, в первой половине II тысячелетия до н. э. в домашних общинах при разделе наследства дочь получала равную долю наряду с братьями. Таким образом, в то время как в эламской семье преобладало отцовское право, права сестры все еще совпадали с правами братьев. Однако положение дочери улучшалось не потому, что побеждало отцовское право. Это обстоятельство, наоборот, постепенно вытесняло дочь из участия в равноправном делении наследства. Поскольку, как показывают данные, патрилинейный принцип пришел на смену матрилинейному, постольку естественно считать, что в IV—III тысячелетиях не братья, а сестры находились в привилегированном положении. Но все это, восходя к древнейшим семейным отношениям, на протяжении тысячелетий изменялось. Победа патриархальных отношений в царской семье привела к вытеснению первичного матрилинейного принципа престолонаследия, а в домашних общинах к вытеснению дочери из равноправного участия в дележе отцовского наследства.

Неточно толкует автор содержание документа на стр. 107. По всему видно, что, скорее всего, речь идет о сыне женщины от первого брака, а не о дочери. По существовавшим правилам наследство деда должно было перейти к этому ребенку, что и было причиной беспокойства мужа Тарири. В данном случае мать, обойдя

правовые нормы, фактически оставила сына без наследства. Выражение же «ты мой сын, ты мой наследник...» показывает, что речь идет лишь о сыне, который волей матери лишается наследства деда. При этом неважно — входило ли это имущество в состав приданого или нет, ибо, как увидим ниже, в случае развода приданое оставалось за супругой.

Относительно содержания документа на стр. 108. Оно свидетельствует не столько о заботливом отношении супруга к супруге, как полагает автор, сколько о правах жены при расторжении брака. Из содержания документа вытекает, что супруга в доме мужа в придачу к своему приданому получала определенную долю из его имущества. В случае развода или второй женитьбы он терял подаренную им недвижимость, не говоря о приданом жены.

Все же остается неизвестным — допускалось ли многоженство, хотя вторая женитьба была равносильна разводу. Но на основании документа (стр. 108) автор пишет, что завещатель передает свое имущество дочери, «хотя у него две жены (значит, существовала полигамия) и несколько сыновей». В действительности документ упоминает имена не жен, а лишь двух женщин, которые пользовались землей совместно с дарителем (коллективное землевладение — нередкое явление в Эламе). Из документа следует, что лишь поле определенного размера находилось в совместном владении завещателя и двух женщин по договору, который тут же расторгался. Таким образом, мысль о многоженстве лишена основания. Кроме того, дарение осуществлялось не в обход сыновей, поскольку те уже получили свою долю наследства. Имущество, о котором идет речь, принадлежало только отцу.

Не совсем точен также перевод одной фразы из документа на стр. 108: «Потому что она окружала его заботой и работала на него». На самом деле, в соответствующей фразе говорится: «Так как она вместе с ним трудилась, работу несла, он отдал ей, подарил ей». Следовательно, это имущество было нажито совместным трудом, и поэтому глава семьи передает его своей супруге.

Автор издаваемой книги высказывает скептическое отношение к протоэламским хозяйственным документам,

могущим дать сведения о социально-экономических проблемах (стр. 25). Возможно поэтому социально-экономические проблемы не получили никакого освещения в книге.

Перевод труднопонимаемых эламских текстов, принятый автором, носит предварительный характер и подчинен общей канве политических событий того времени. Сложность языка среднеэламских текстов, впрочем, отмечает и сам автор.

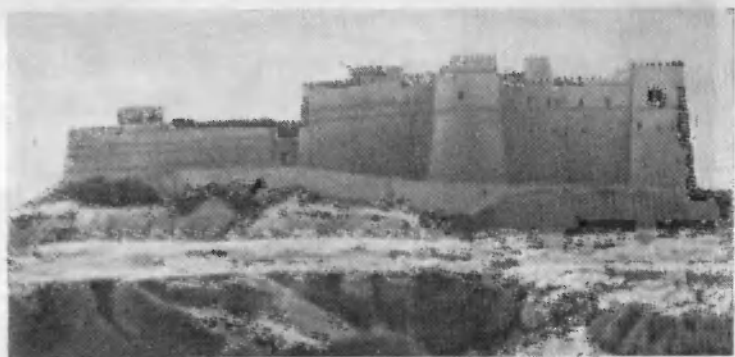
Многим терминам автор дал модернизированный, не принятый в нашей науке перевод, который искажает действительную природу древнеэламского общества, находившегося тогда на рабовладельческой общественно-политической стадии развития. Поэтому такая терминология в настоящем переводе дана в принятой в нашей науке форме.

Не учтена новейшая литература по социально-экономическим проблемам. Вопросы права эламитян, особенно наследственного, закладного, арендного и т. п., вовсе не затронуты автором. Книга во многом выиграла бы, если бы в ней были подстрочные сноски на используемую литературу. Письменные источники приводятся без указания на соответствующие издания. Это существенное упущение даже для книги, написанной в научно-популярной форме.

Несмотря на все сказанное, книга В. Хинца представляет интерес не только для специалистов, но и для тех, кто желал бы ознакомиться с историей древневосточных стран.

В настоящем издании по просьбе автора произведены некоторые изменения и добавления в связи с новыми находками и выводами.

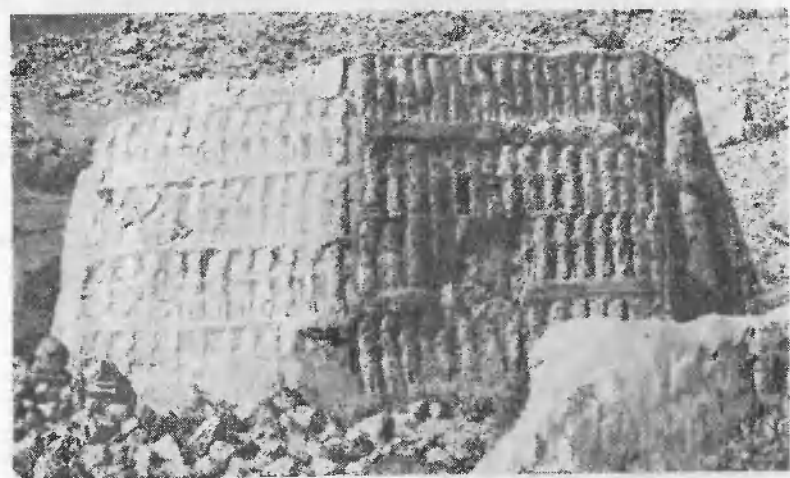
Ю. Б. Юсифов



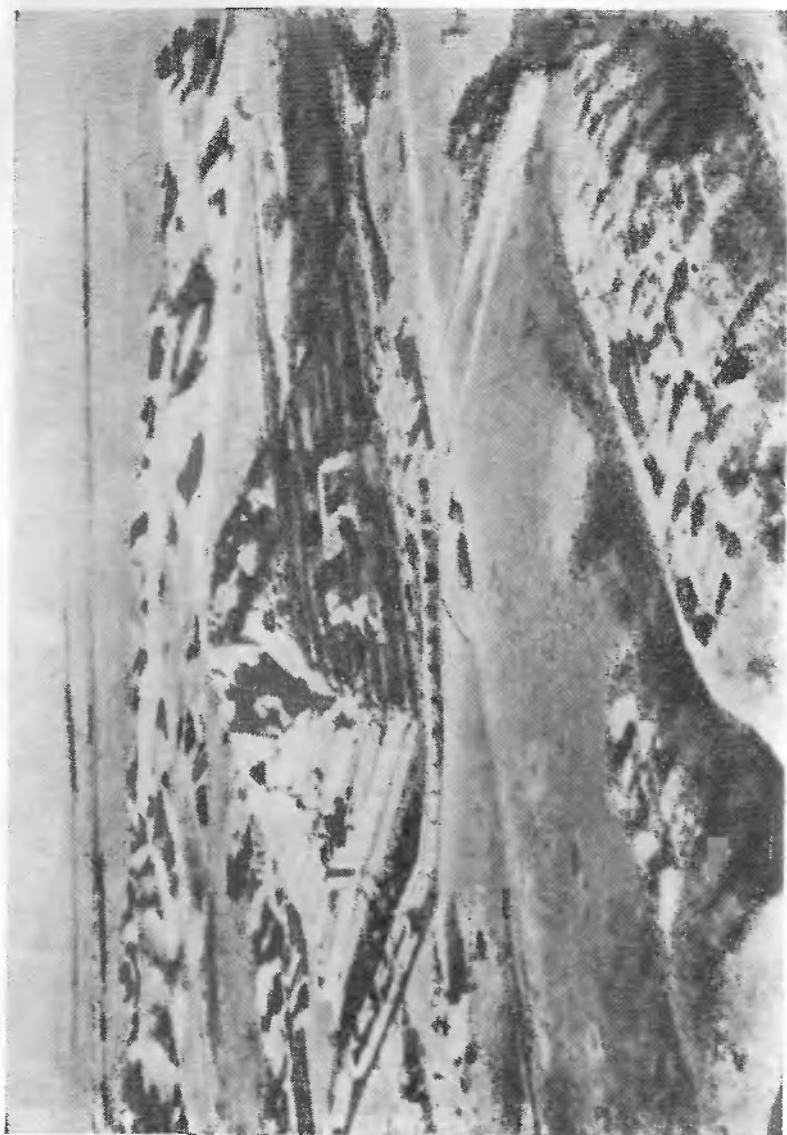
1. *Сегодняшние Сузы: деревня Шуй с гробницей Даниила*
2. *Замок-крепость в Сузах, где располагалась французская археологическая экспедиция*
3. *Дех-е ноу — древний Хупшен*



4. Богиня Нарунди (Лувр)



5. Горная вершина в Курингане
6. Религиозное шествие (Куль-е Фарах)



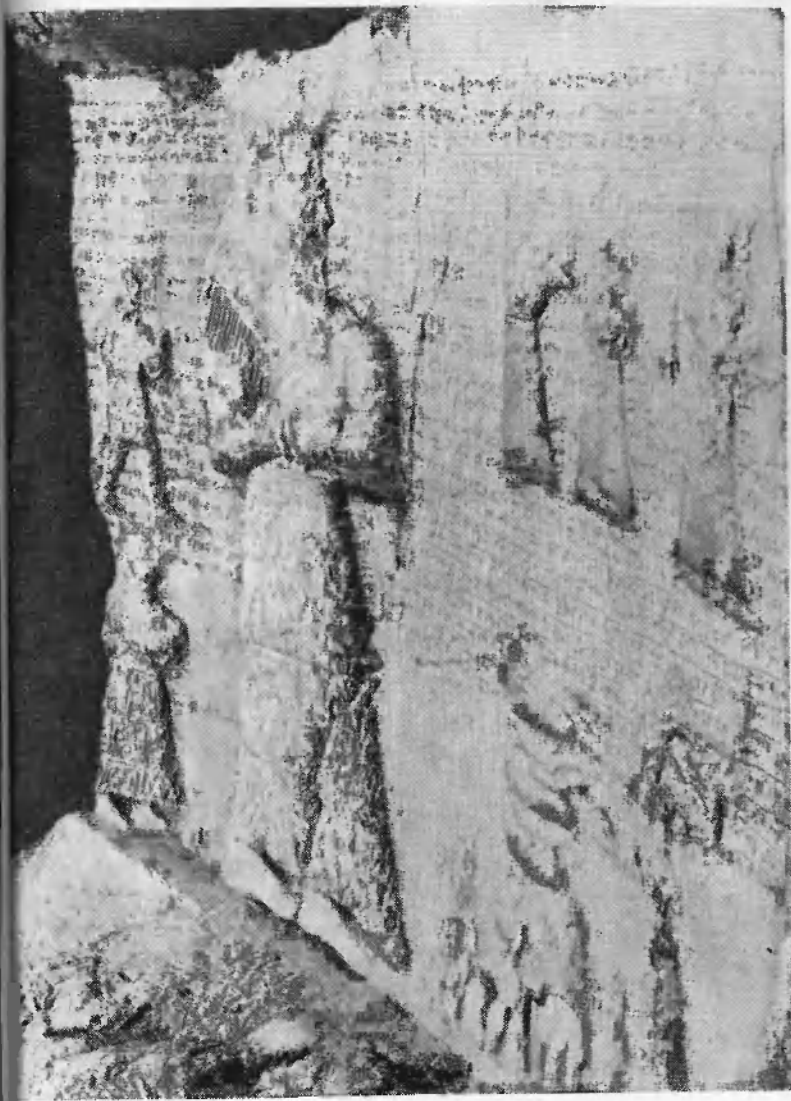
7. Чога-Замбиль (аэрофотосъемка). Слева изображена юго-западная сторона ступенчатой башни, справа — юго-восточная.



8. Чога-Замбия. Часть юго-восточного фасада



9. Чога-Замбиль. Юго-западный вход в зиккурат



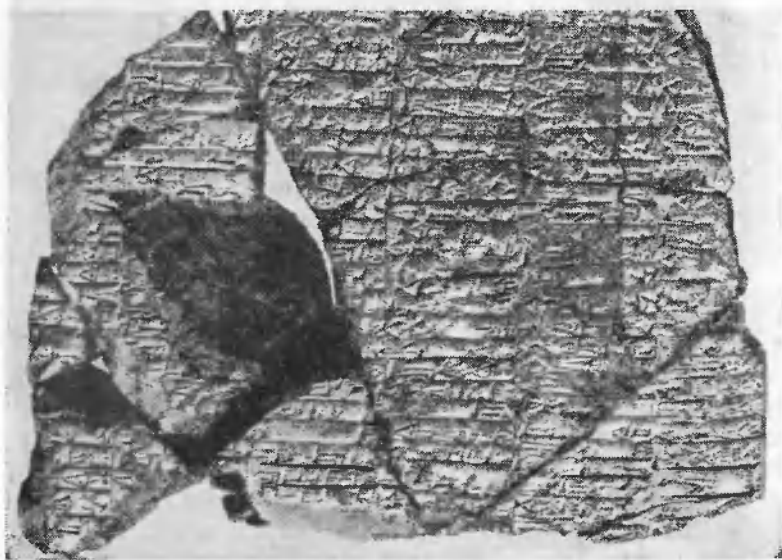
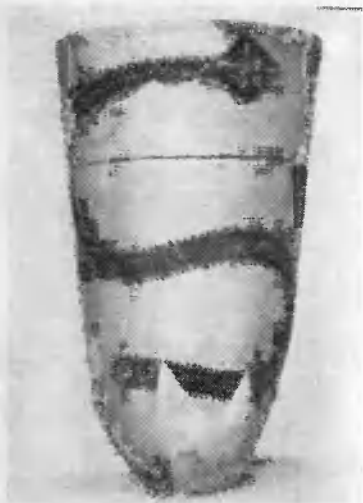
10. Рельеф Ханни в Куль-е Фарахе (ок. 710 г. до н. э.)



11. Бывшая крепость в Изехе (Маламир)
12. Рельеф в Кале-йе Толле



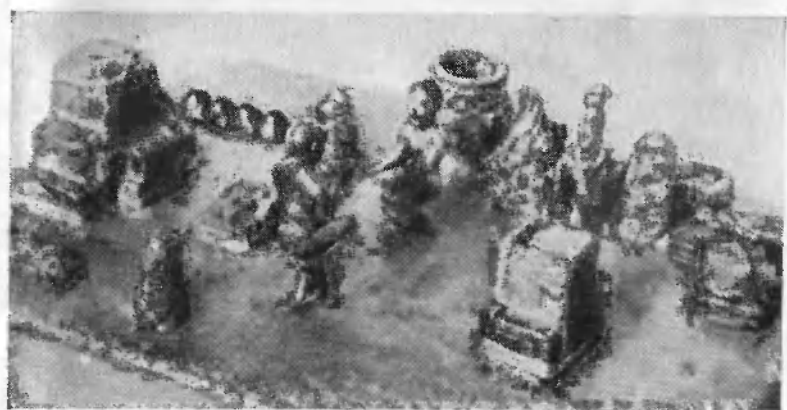
13. Иравитель Хинни с супругой и сыном (рельеф в Шекиф-е Салмане)



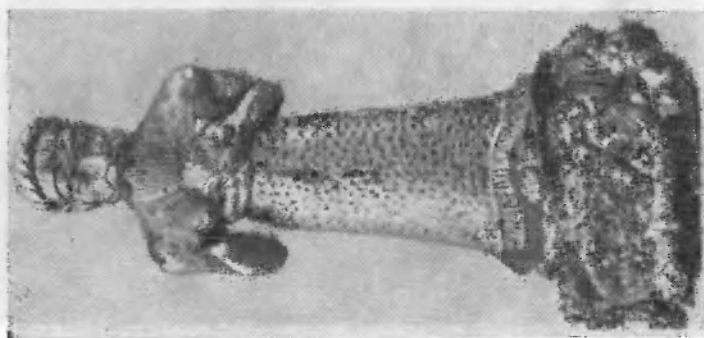
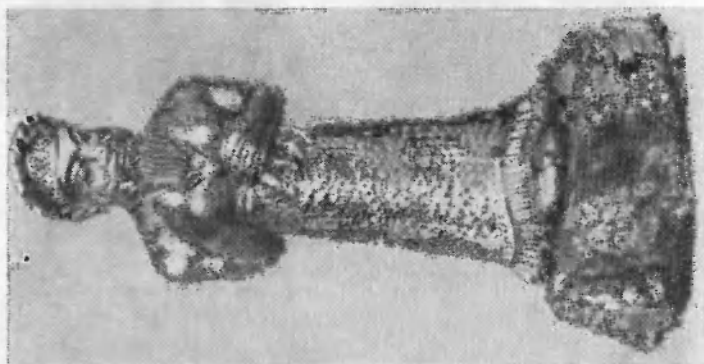
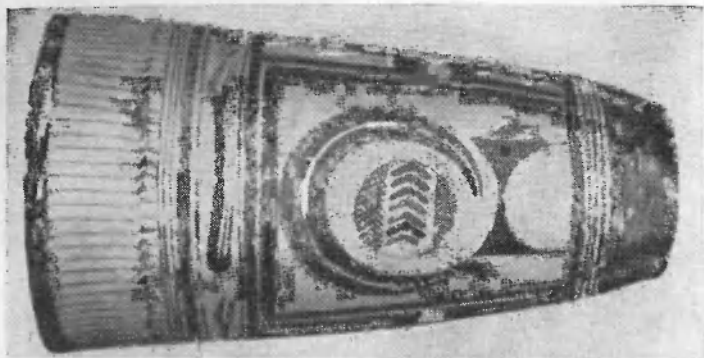
14. Голова эламита из Суз (Лувр)

15. Ваза с изображением змеи, найденная в слое Сузы А (Лувр)

16. Договор Элама с царем Нарам-Сином из Аккада (ок. 2260 г. до н. э.). Обратная сторона

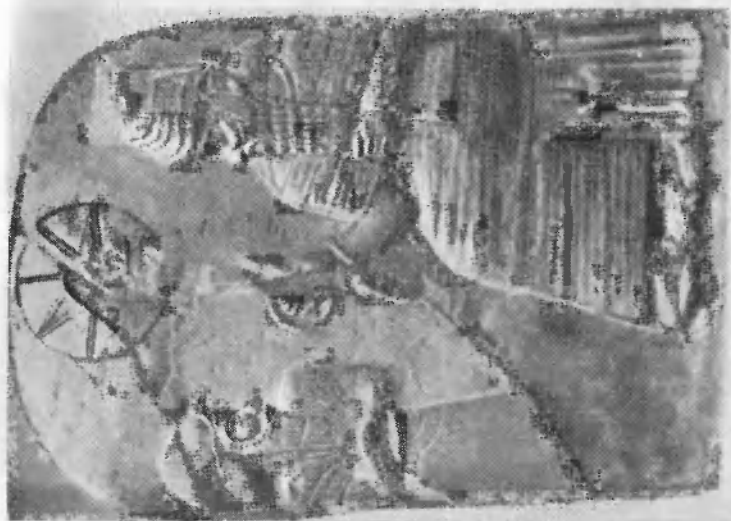
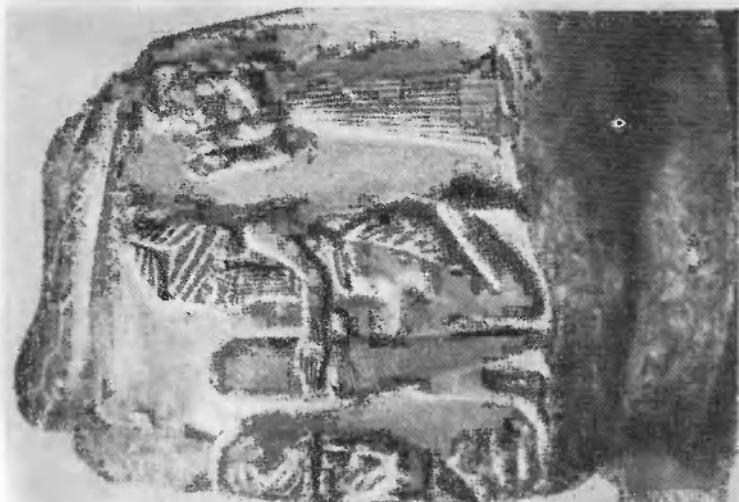


17. Рельеф с обнаженными жрецами из слоя Сузы Б
18. Бронзовое изваяние, пожертвованное царем Шиллак-Иншуши-
наком (ок. 1150—1120 гг. до н. з.)

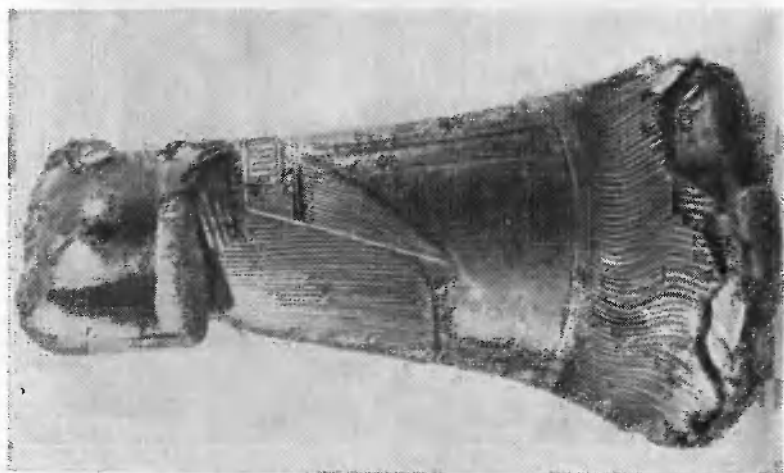
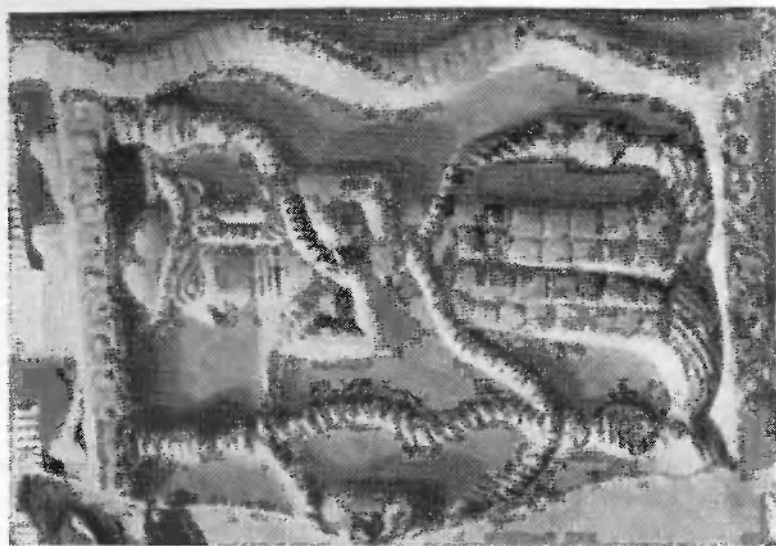


19—20. Принсящие жертву (Лувр)
(19 — серебро, 20 — золото)

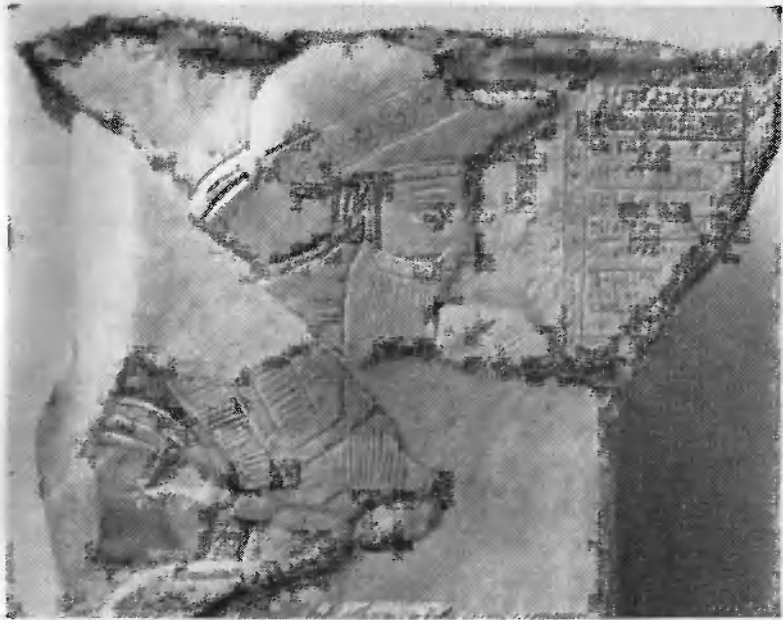
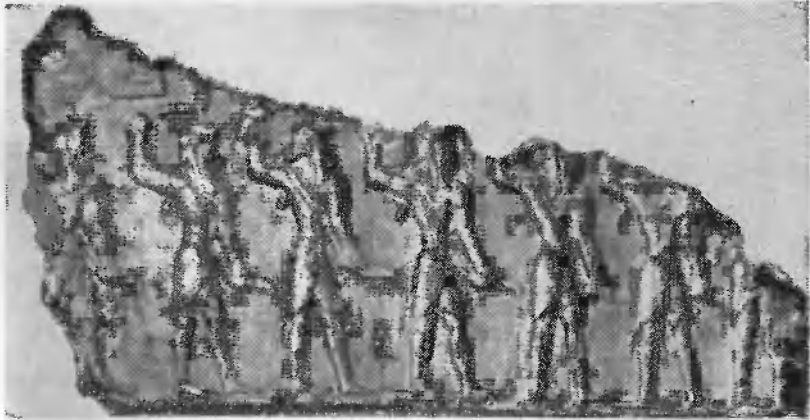
21. Кубок из слоя Сузы А с изображением горного козла, борзых и птиц



22. Эламский царь (слева) перед богом Солнца Наххунте (базальтовая стела высотой 67 см)
23. Подношение царем Кутик-Иниушинаком задвижки храму. За ним в молитвенной позе — супруга (ок. 2250 г. до н. э.)



24. *Бронзовая статуэтка царицы Напирасу, супруги царя Унташ-Напиришш (ок. 1250 г. до н. э.)*
25. *Царь Унташ-Напиришш, обвитый эмеями*



26. *Бронзовый рельеф с изображением эламских воинов (VIII в. до н. э.?)*

27. *Рельеф с изображением предпоследнего эламского царя Аттахамити-Иншушинака (653—648 гг. до н. э.)*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию	3
Предисловие	5
Введение	6
Глава I. Человек в древнем Эламе	12
Глава II. Письменность и язык эламитов	25
Глава III. Религия эламитов	37
Глава IV. Первое тысячелетие эламской истории (прибли- зительно с 2500 до 1500 года до н. э.)	66
Глава V. Эламское право	99
Глава VI. Среднеэламский период (приблизительно с 1300 до 1100 года до н. э.)	110
Глава VII. Новоэламское царство (приблизительно с 750 до 640 года до н. э.)	138
Глава VIII. Искусство Элама	161
Хронологическая таблица	178
Список литературы	182
Послесловие	183

Вальтер Хинц

ГОСУДАРСТВО ЭЛАМ

Редактор *Н. В. Барина*. Младший редактор *К. А. Недорезова*, Худож-
ник *В. М. Варлыгин*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический
редактор *М. В. Погоскина*. Корректор *Л. Ф. Орлова*

Сдано в набор 6/XII-1976 г. Подписано к печати 27/IV-1977 г. Формат 84×108^{1/3}.
Бум. № 1. Печ. л. 6,5. Усл. п. л. 10,92. Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 5500 экз.
Изд. № 3709. Зак. 857. Цена 70 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28